

ДЭВИД ДУХОВНЫ

Дэвид Духовны написал
потрясающий роман
об отцах и сыновьях.
Трогательное наслаждение.
Гэри Штейнгарт

Брыки
f¹⁸⁺cking
Дент

ДЭВИД ДУХОВНЫ
Брыки F*cking Дент

«Фантом Пресс»

2016

Духовны Д.

Брыки F*cking Дент / Д. Духовны — «Фантом Пресс», 2016

ISBN 978-5-86471-737-0

Тед Сплошелюбов по прозвищу Господин Арахис мало похож на других выпускников колледжей Лиги плюща. Он живет в крошечной квартирке вместе с электрической рыбкой Голдфарбом, спит среди своей писанины – постмодернистских претензий на литературу – и надеется, что однажды ему удастся великий американский роман. У Теда, как у любого человека, были родители. «Были», потому что мама умерла, а отец... С отцом у Теда такие отношения, что лучше бы их не было вовсе. Но однажды, узнав, что отец умирает от рака легких, Тед перебирается в отчий дом, и событий, и откровений, в его жизни прибавляется стократ. Отцу остались считанные месяцы, и его состояние ухудшается, стоит только его любимой бейсбольной команде «Бостонские Красные носки» в очередной раз продуть. А продувает она уже много лет подряд. Тед устраивает отцу персональный театр, инсценируя выход его любимой команды из глухого тупика и попутно помогая красиво завершить историю его непростой и грустной жизни. Живая, беспредельно человечная книга актера, режиссера, продюсера и писателя Дэвида Духовны – роман о неуловимой связи между детьми и родителями, о быстро уходящей красоте, музыке, спорте, литературе. Это книга обо всем настоящем, что виднеется из-под пластика, рекламных огней и попсы. А еще о том, что считать победой и успехом в отдельно взятой человеческой жизни, чье признание важно, что имеет смысл помнить и чем дорожить.

ISBN 978-5-86471-737-0

© Духовны Д., 2016
© Фантом Пресс, 2016

Содержание

1	9
2	14
3	18
4	20
5	22
6	24
7	27
8	31
9	33
10	34
11	38
12	40
13	43
14	45
15	49
16	52
17	54
18	56
19	58
20	59
21	61
22	65
23	70
24	73
25	77
26	79
27	80
28	82
29	85
30	88
31	89
32	93
33	94
34	95
35	97
36	99
37	103
38	104
39	106
40	108
41	112
42	114
43	116
44	117
45	121
46	122

47	127
48	128
49	131
50	132
51	134
52	135
53	139
54	141
55	144
56	147
57	148
58	151
59	152
60	153
61	154
62	155
63	156
64	157
65	158
66	159
67	160
68	161
69	163
70	164
71	165
72	168
73	171
74	173
75	174
76	175
77	178
78	179
79	180
Эпилог	182
Благодарности	184

Дэвид Духовны Брыки F*cking Дент

© Шаши Мартынова, перевод, 2016

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2016

* * *

Миллеру и Уэст – всегда

*А также Ами и Джулзу, гринго номер один и номер два, и юному
Мэтти Уоршо*

*А еще Мег – она обучила меня в писательстве большему, чем ей
кажется*

*Мед небесный будет иль нет, как знать, А вот земной и есть, и
нет его разом.*

Уоллес Стивенс. «Le Monocle de Mon Дяди»¹

Любовь. Ненависть. Одни слова, Руди.

Скоро буду старик.

Джеймс Джойс. «Улисс»²

Жызень, она странная.

Сынок Листон³

*я вам чё говорю вы на флаг обратили внимание?
обалдеть.*

*джим райс ступил на пластину,
и сразу на левое поле ветер подул.
не только ястремскому дался хоум-ран,
так еще и джексону во вред,
ветер-то дул на правое поле,
когда джексон флайбол заделал,
а когда яз выдал хоум-ран,
ветер дунул на левое поле,
и вышло без фола.
первый страйк пиньелле.
мне кто-то сказал,
что красные носки владеют стихиями там,
я лишь сегодня в это поверил.*

---

¹ «Мед небесный...» – Монокль моего дяди (искаж. фр.); *Le Monocle de Mon Oncle* (1918) – стихотворение из первого сборника поэта «Фисгармония» (1923).

² «Любовь. Ненависть...» – Эп. 11, пер. С. Хоружего.

³ Чарлз Л. «Сынок» Листон (?–1970) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе.

Фил Ризуто. «Они – хозяева ветра».
Из сборника «Вот это да! Избранные стихотворения Фила Ризуто»⁴

---

⁴ Филип Фрэнсис «Фил» Ризуто (1917–2007) по прозвищу Скутер – американский бейсболист, играл за нью-йоркских «Янки» (1941–1956), с 1957 г. работал бейсбольным комментатором.

1

Хосе Льядиджи. На работе его звали так. Будто он наполовину латинос, наполовину итальянец. Итальянец, видимо, по отцовской линии. Из какой именно части сапога происходят Льядиджи? Неведомо. Мать у него, наверное, была красоткой-пуэрториканкой из испанского Гарлема. Во потеха была б. Отцу бы понравилось. Но бывает ли вообще такая фамилия? Неизвестно. Они ее даже произносили неверно. Фанаты выговаривали не то. У них выходило «Гляди-же»: «гл» произносили как написано. Да и не его это имя. Его звали Тед Сплошелюбов. Теодор Лорд Фенуэй⁵ Сплошелюбов. Тут уж хрен с ней, с корявой кликухой. Какой-нибудь измученный поэт на острове Эллис⁶, видимо, накорябал имя Тедова русского предка Плешелюдова – или Спелобюдова, или Плясоюбова – как Сплошелюбов. Именовался он Тедом. Везде, кроме работы. На работе его звали Хосе. Или г-ном Арахисом.

Может, обзавестись моноклем? Как у г-на Арахиса, рекламного персонажа и талисмана арахисовой компании «Плантерз». Отец Теда работал рекламщиком, и Тед раздумывал, не породил ли его родитель и г-на Арахиса. Может, они с г-ном Арахисом сводные братья. Г-н Арахис – доброжелательный зануда в цилиндре, гибрид с телом арахиса, тростью и моноклем. Мыслящий орех.

Г-н Арахис смахивал на плод неудачного научного эксперимента, какие показывают во второсортных киношках, что крутят по «Дабью-пи-ай-экс, 11 канал» в программе «Жуть-Театр», когда матчи переносят из-за дождя. Ну, типа «Мухи»⁷. «Помоги, помоги». Вот она, бессмертная фраза из «Мухи». Винсент Прайс с туловищем насекомого и головой Винсента Прайса. Это Винсента Прайса голова была? Может, и нет. Да и неважно, в общем. То есть Винсенту Прайсу, может, и важно, а вот Теду – нет. И все же что-то в этом «помоги, помоги» Теда тронуло. Оголенная, вопиющая нужда. Первое, что ребенок учится говорить. После «мама», «папа» и «дай-дай». Помоги. Помоги мне. Пожалуйста, ну кто-нибудь.

Г-ну Арахису требовалась помощь. У него было рябое серо-бежевое арахисовое тельце, ножки-палочки насекомого и паршивое зрение. На один глаз, по крайней мере. Яиц никаких, бесполой – евнух, без трости не может ни видеть, ни ходить. Помогите парняге. На что ему цилиндр? Нет, он прямо напрашивается. Переложить все эти соображения в другую папку: внутренняя шутка, категория «П» – «помогите». Может, пригодится. Впрочем, на нее уже набралось перекрестных ссылок, она пролезла в разные другие категории, и все перепуталось. Эх, ему б девушку. Тело у него – не арахис, с яйцами и нуждами все в порядке, и эмоциональными, и физическими, и прочими. Да полно у него всяких противоречивых нужд, летят во все стороны – прямо как с глушителем, отваливающимся на ходу: сплошной фейерверк и звук еще этот мерзкий. Девушка/глушитель. «Надо, надо носить при себе авторучку», – подумал он. Сердит на себя, потому что это вот всё, мысли эти – они забываются. Мама всегда говорила, что, если оно важное, не забудется. Как бы не так. Может, верно даже обратное. Может, мы как раз важное и забываем – ну или пытаемся забыть. Как там Ницше говорил? Помним лишь то, что причиняет нам боль?⁸ Не совсем то же самое, но с того же стадиона. *В смертоносных боях*⁹.

⁵ Фенуэй-парк – бейсбольный стадион возле Кенмор-сквер в Бостоне, штат Массачусетс, место проведения домашних матчей бостонских «Красных носков».

⁶ Остров Эллис расположен в устье реки Хадсон в бухте Нью-Йорка, с 01.01.1892 по 12.11.1954 г. – крупнейший пункт приема иммигрантов в США.

⁷ «Муха» (*The Fly*, 1958) – черно-белый фантастический фильм американского режиссера Курта Нойманна; главную роль сыграл Винсент Прайс (1911–1993).

⁸ *Помним лишь то, что причиняет нам боль* – парафраз из книги «К генеалогии морали» (1887).

⁹ *В смертоносных боях...* – здесь и далее в этой главе – строки государственного гимна США; текст – фрагмент из поэмы Фрэнсиса Скотта Ки (1779–1843) «Оборона форта Макгенри» (1814).

Стадион мыслей. Стадион «Янки», на поле – команда раздумий. И на зрительских местах. Ум Теда – полный стадион недопеченных мыслей, седьмой иннинг. Трансатлантический аристократический голос Боба Шеппарда¹⁰: «Дамы и господа, извольте обратить внимание на первую базу: у “Янки” произошла замена Криса Чэмблисса¹¹, вместо него играет юный немец со впечатляющими усами – Фридрих Ницше». Филу Ризуто понравилось бы. Как так получается: если пытаешься быть всеобъемлющим, обыкновенно вылезает оборот типа «те, что»? Неуклюжесть слога как заявка на глубину. Это не плохая мысль – это мысль, которая неплоха.

Тед частенько забывал, что у него нет женщины. И в такие мгновения он, вероятно, был счастливее, чем когда вспоминал. Девушка. Сложить в папку на букву «В» – «вряд ли» или на «Д» – «Да ебись ты сам, Тед». Он и не помнил, когда последний раз был с женщиной, и за эту забывчивость, вообще-то, признателен. *Благородно вяжась*. Да, эта мысль – всего-то пустое место для записи, но боль, отсутствие – не исчерпаны, подлинны. Тед чувствовал, как жизнь обходит его. Ему уже хорошо за тридцать. Он приближается к блистательному перерыву в игровом сезоне жизни. Весенние тренировки – смутное воспоминание. Тед ощущал, как вздымается у него внутри застарелый страх, словно подающий, который всю игру держал в кулаке, вдруг слетает с катушек, отпускает вожжи, как говорится. Где-то у Теда в голове старший тренер знаками показал судье тайм-аут и пошел на горку успокаивать питчера. Тед размял правое плечо. Скоро ему бросать, хотелось расслабиться.

Красный сполох ракет. Тед втихаря хихикнул и тут же нервно огляделся. Смеяться во время исполнения государственного гимна – ни-ни. Класть ладонь на сердце, как велело Теду начальство, будто ты какой-нибудь псих из УКОЗ¹², необязательно, но болтать и смеяться точно нельзя. Это неуважение к военным, судя по всему. И к Отцам-основателям. И к Джимми Картеру. Вот уж кто на самом деле – г-н Арахис! Арахисовый фермер из Джорджии. Тед обожал подобные замкнутые круги. Кто ж их не любит? Людям нравятся круги, завершенность: крошка-ум рисует строгие узоры на фоне великого хаоса. Г-н Арахис стал президентом своей страны. *Времена нездоровья*¹³. Помогите ему. Помогите.

Ликовать вслух можно было на последней строке: *Хосе, звезд-полос реет стяг. Над свободной земле-о-о-о-ой...* Но не раньше. Раньше – неуважение. Тонкая это грань, и 60 000 человек – если приезжали бостонцы – чувствовали ее наитием. Как в лифте: не пялься на других, гляди, как мигают циферки. Не встречайся взглядами. Интуитивные правила мира неведомы лишь умственно отсталым, убийцам-психопатам и детям.

Старая шутка: последние слова государственного гимна – «Мяч в игре!». Старая, зато добрая. «Песня», которую невозможно петь, подошла к концу, и вздыбился шум толпы – единого счастливо взбудораженного зверя. Игра начиналась с минуты на минуту, и тут, на дешевых голубых местах, было жарко по-африкански. Арахисовые владения Теда: 80 % латиносов, 55 – пуэрториканцев, 25 – доминиканцев и примерно 20 % всех остальных. Остальные – в основном ирландцы и итальянцы. Все – его народ. Считать эти места «дешевыми» нетрудно, и они, конечно, так далеки от игрового поля, что между зримым ударом биты по мячу и звуком от удара улавливается зазор. Как в плохо дублированном японском фильме. Но Теду нравилось считать эту верхотуру не выселками, а Олимпом, а они тут все боги, смотрят, как человечки-муравьи играют в свои дурацкие игры. Тут он и работал. Швырялся на стадионе «Янки» арахисом, в основном в мужиков, которые считали, что звать его Хосе – это смешно,

¹⁰ Роберт Лео Шеппард (1910–2010) – нью-йоркский университетский и спортивный комментатор и диктор, много работал на играх нью-йоркских «Янки».

¹¹ Кэрролл Кристофер Чэмблисс (р. 1948) – американский профессиональный бейсболист и тренер.

¹² Учебный корпус офицеров запаса. – *Здесь и далее примеч. перев.*

¹³ *Времена нездоровья* – отсылка к речи 39-го президента США (1977–1981) Джимми (Джеймса Эрла) Картера (р. 1924), произнесенной 15 июля 1979 г. в разгар энергетического кризиса и спада в экономике США; разговорное название этой речи – «о нездоровье», хотя это слово в речи президента не прозвучало ни разу.

как первые слова испанглюязычной версии государственного гимна¹⁴. Или же г-ном Арахисом. А некоторые все же именовали его Тедом.

Но он предпочитал, чтобы Тедом его не называли. Работа ему нравилась, по счетам он расплачивался, а сам тем временем писал, но ему все же было немного стыдно: в его-то возрасте и с его-то образованием – нью-йоркская частная школа, Лига плюща, – чтобы сводить концы с концами, приходилось метать в людей бобовые. И все же он предпочитал работу, которая настолько далека от того, что он «должен» был делать, настолько он не соответствовал никаким ожиданиям, что людям могло казаться, будто он – из тех гениев, беспардонных охуенцев, что показывают миру нос и кому в общем и целом насрать. Ему хотелось, чтобы его считали не лохом – так он сам о себе думал, – а чудиком. Чудным парнягой со степенью бакалавра по английской литературе, из Коламбии, который работает продавцом арахиса на стадионе «Янки» и попутно корпит над великим американским романом. Сколько в этом контркультуры. Сколько близости к работягам и босякам. Отличный мужик. Уоллес Стивенс, торгующий страховками. Натаниэл Готорн¹⁵, протирающий штаны на таможне. Джек Лондон с горстью орехов среди немытого отребья.

И все равно он гордился точностью своих попаданий. Спортсмен он был так себе, о чем отец когда-то напоминал ему ежедневно. Он бросал «как девчонка», говаривал старик. Что правда, то правда: не было у него ни правой руки Реджи Джексона, ни даже куриного крылышка Мики Риверза¹⁶. Назови кто-нибудь в честь Теда шоколадку, на ней бы значилось «Тюфяк». Однако с годами он довел свои неловкие броски до восхитительной точности балаганной пушки. И пусть со стороны казалось, будто он изображает нечто среднее между прощальным взмахом и заполошным прихлопом комара, он неизменно попадал в ладонь, воздетую в двадцати рядах от него. Болельщики обожали это его жалкое мастерство – и страсть как любили усложнять ему задачу, а затем ликовать, когда он не промахивался. Умел из-за спины. Умел между ног. Его напарник Манго – в очках с линзами, как доньшко бутылки из-под колы, и с боулинговыми наручами, у которого рост переваливал за пять футов исключительно благодаря ортопедической четырехдюймовой подметке из резины на левой увечной ноге, – торговал не таким уж холодным пивом в секторе Теда и вел воображаемый счет Тедовым броскам: 63 попытки, 40 попаданий, 57 – в пределах трех футов. Такое вот. Эдакий средний уровень, процент сильных ударов и ЭРА¹⁷ лоточника.

Сегодня бросал Сом Хантер¹⁸. Тед в это имя врубался. В бейсболе существовали богатые традиции готовых шикарных прозвищ. Вэн Лингл Манго. Куколка Джейкобсон. Хайни Мануш. Вождь Бендер. Инос Слотер. Котомка Пейдж. Урбан Шокер. Мики Мэнтл. Арт Шамски. Рояльные Ноги Хикман. Минни Миньосо. Купидон Чайлдз. Уилли Мэйз¹⁹. Словно история

¹⁴ «Хосе» – гимн США начинается со слов «*O say...*»; при добавлении некоторого придыхания в начале получается «Хосе».

¹⁵ Уоллес Стивенс (1879–1955) – американский поэт; получил юридическое образование, долго трудился в различных юридических конторах в Нью-Йорке, в 1916 г. поступил на службу в страховую компанию, где и проработал до пенсии; Натаниэл Готорн (1804–1864) – американский новеллист и романист, в молодости работал на таможне в Бостоне.

¹⁶ Джон Милтон «Мики» Риверз (р. 1948) – бывший центр-филдер.

¹⁷ ERA (*Earned run average*) – статистический показатель в бейсболе, определяет успешность питчера (подающего): сколько ранов (пробежек) он пропускает в среднем за 9 иннингов (чем ниже ERA, тем лучше питчер подает).

¹⁸ Джеймс Огастэс «Джим» (или «Сом») Хантер (1946 – 1999) – профес сиональный бейсболист Главной лиги бейсбола.

¹⁹ Вэн Лингл Манго (1911–1985) – питчер-правша, устойчивого прозвища не имел, поэтому не очень понятно, почему автор поминает его; Уильям Честер «Куколка» Джейкобсон (1890–1977) – аутфилдер, свое прозвище получил в начале сезона 1912 г.; перед его выходом на поле прозвучала только что вышедшая тогда песня «Ах ты, куколка-красотка»; Хенри Эмметт «Хайни» Мануш (1901–1971) – лефтфилдер, прозвище получил из-за своего немецкого происхождения; Чарлз Алберт «Вождь» Бендер (1884–1954) – питчер, прозвище получил из-за своих индейских корней по материнской линии (в бейсболе в целом эту кличку часто дают любому игроку индейского происхождения); Инос Брэдшер «Глухомань» Слотер (1916–2002) – райтфилдер, прозван Глухоманью, поскольку родом из заштатного города в Северной Каролине, при этом «Слотер» (*англ. бойня*) – реальная фамилия, а не прозвище; Лерой Роберт «Котомка» Пейдж (1906–1982) – афроамериканский питчер, кличку присвоил сам себе в память о своей работе носильщиком-грузчиком в детстве; Урбан Джеймс Шокер (ур. Эрбэн Жак Шокер,

Соединенных Штатов, рассказанная в одних лишь именах, настоящая американская *Αριθμοί*, Книга Чисел. Странный шел год, впрочем: бостонские «Красные носки», давнишние соперники «Янки», но, по сути, трагикомическая подпевка правящим монархам «Янки» – на манер Вашингтонских «Генералов» для гарлемских «Путешественников»²⁰, – вдруг принялись выигрывать, и стало казаться, что им наконец-то удастся преодолеть проклятье Малыша Рута²¹. «Носки» продали Рута, к 1918 году уже величайшего бейсболиста, в команду «Янки» – за наличные. Владелец «Носков» Гарри Фрэйзи захотел профинансировать какой-то мюзикл и что-то там. Может, «Нет-нет, Нанетт?»²². Рут стал американским героем, жил лихо, молотил сосиски как не в себя – прямо Пол Баньян²³ в полосочку, что привел «Янки» ко многим вымпелам и победам в мировых чемпионатах, чей успех наколдовал для «Янки» стадион посреди бесплодных задворков Бронкса – дом, который построил Рут в 1923 году, в нем Тед сейчас и находился. «Носки» же с тех пор не выиграли ни разу. Ни единого вымпела. Шестьдесят лет они лишь впустую таращились в косматый зад «Янки».

Стояла середина июня, а жара была похлеще, чем в июле. Арахис летал, пиво лилось, Сом кидал. В редкие затишья в игре, когда публика его не звала, Тед обычно выхватывал из-за уха туповатый огрызок карандаша и черкал случайные мысли. Потом сложит в папку. В алфавитном порядке, конечно. Соображения для романа, над которым он сейчас трудился, – или для следующего, или для того, который он напрочь забросил в прошлом году. Писать-то – не фокус, фокус – дописывать. В работе находились «Г-н Разгильдяй» (536 страниц), «Где бы ни были двое» (660 страниц плана), «Смерть от ныне» (1171 страница!) или «Мисс Подземка» (402 страницы – и это не предел). Все это никогда не узрит света дня за пределами Тедовой однокомнатной съемной каморки в доме без лифта. Может, сегодня он наткнется на мысль, которая спустит с привязи свору слов, станет отгадкой головоломки, уберет заслон внутри него самого – заслон неспособности тягаться и дотягивать.

Он вспомнил, как Кольридж писал в «Долине Шамони»: «Сумеешь ли заклясть звезду зари?...»²⁴ И эта строка виделась Теду честнейшей и самой печальной во всей литературе. В силах ли ты, человек, подобно горе, что на несколько мгновений приостанавливает неминуемый восход, отыскать ту поэзию, что не даст солнцу взойти? В силах ли ты, зовущий себя писателем, найти слова, что смогут повлиять на действительный, естественный мир? Волшебные

1890–1928) – питчер, кличкой стало само его видоизмененное имя; Мики Чарлз, «Комета Коммерса» или «Тот самый Мик», Мэнтл (1931–1995) – центрфилдер и игрок первой базы, отец дал ему имя «Мики» в честь великого бейсболиста Мики Кокрена, а кличка «Комета Коммерса» происходит от города Коммерс, куда семья Мэнтлов переехала, когда Мики было четыре года; Артур Луис Шамски (р. 1941) – райтфилдер, лефтфилдер, игрок первой базы, клички не имел, и поэтому, опять-таки, неясно, почему автор о нем вспомнил; Чарлз Тейлор «Рояльные ноги» Хикман (1876–1934) – универсальный бейсболист (играл на любых позициях), кличку получил за феноменально неудачную игру в сезоне 1900 г.; Орестес «Минни» Миньосо (ур. Сатурнино Орестес Армас Миньосо Арриета, 1922–2015), также прозванный «Кубинской кометой» и «Мистером Белые носки», – афроамериканский лефтфилдер кубинского происхождения, играл, среди прочего, за чикагские «Белые носки»; Кларенс Элджернон «Ку пидон» Чайлдз (1867–1912) – игрок второй базы, получил свое прозвище за херувимскую внешность; Уилли Хауард «Парнишка-Привет» Мэйз-мл. (р. 1931), версии происхождения клички разнятся.

²⁰ «Гарлемские путешественники» (*Harlem Globetrotters*, с 1927 г.) – американская баскетбольная выставочная команда; в своих выступлениях сочетает элементы спорта, театра и комедии; «Вашингтонские генералы» (с 1917 г.) – американская баскетбольная выставочная команда, известная своими системными проигрышами «Путешественникам».

²¹ Джордж Херман «Малыш» Рут-мл. (1895–1948) – легенда американского бейсбола, питчер-левша и аутфилдер, отыграл в Главной лиге бейсбола 22 сезона (1914–1935); продажа Рута команде «Янки» – и последующие 86 неудачных для «Красных носков» лет – называется в истории бейсбола «проклятием Малыша Рута».

²² Гарри Херберт Фрэйзи (1880–1929) – американский театральный агент, продюсер и режиссер, с 1916 по 1923 г. – владелец «Красных носков»; «Нет-нет, Нанетт» (1924) – мюзикл Ирвинга Сизера и Отто Харбака на музыку Винсета Йомэнса, спродюсированный Фрэйзи, на Бро двое в первом сезоне провалился, зато имел успех в Чикаго.

²³ Пол Баньян – вымышленный дровосек-великан, персонаж американского фольклора, изначально – баек дровосеков. Самое раннее напечатанное произведение о Баньяне из ныне известных авторства Джеймса Макгилливри 1910 (или 1906) г.; в 1916 г. Уильям Логхед популяризовал образ Баньяна-великана в рекламе лесозаготовительной компании «Ред Ривер».

²⁴ «Сумеешь ли заклясть звезду зари?...» – строка из стихотворения англ. лийского поэта Сэмюэла Тейлора Кольриджа (1772–1834) «Гимн перед рассветом в долине Шамони» (1802).

заклинания – сезам, откройся, трах-тибидох – воины, что прячутся в Троянском коне слов. Ответ, скрытый в самом вопросе Кольриджа: «Черта с два». Был бы ответ «да», Кольридж бы и не спрашивал. Писателю никогда ничего на белом свете по-настоящему не свершить. Более того, возможно, сам акт писательства есть, по сути, признание, что пишущий в действительности бессилен. Тьфу, вот засада-то.

Тед размышлял о своем личном бессилии – и о бессилии старика С. Т. Кольриджа, потребителя опия, влюбленного в Занаду, облазившего Альпы чудика, – а сам при этом калякал на бумажном пакете кое-какие имена, что, глядишь, заколдуют для него время или женщину, чтоб не уходили, или заронят искру историйки, или сделают из него человека, которым он хотел быть: Наполеон Ляжуа Вида Блу Тёрман Мансон Сезам Откройся...

Игра в свое удовольствие никуда не спешила – а потом закончилась. Бостон – 5, Нью-Йорк – 3. Еще один проигрыш «Янки» в этом странноватом году.

2

Как и у самих «Янки», у мужчин и женщин, что обслуживали киоски и зрительские места на стадионе, имелась своя раздевалка. Правда, не застеленная коврами, не полагалось ей ни душевых, ни буфета, ни места, где остужают шампанское. Больше всего она походила на занюханную раздевалку в каком-нибудь квартале «Ч». Здесь Тед и выбрался из своего форменного облачения. Стянул с плеча ляжку, на которой держалась большая картонная коробка с упаковками арахиса. Картон. Дешевый и недолговечный, чистое унижение, да и в дождь хоть выбрось. Следом скинул темно-синий козырек, белую рубашку с коротким рукавом, на груди – эмблема «Янки», и синие брюки из полиэстера, которые отказывались дышать и сообщали его бедрам и заднице болезненную красноту и прыщавость. Выигрышное сочетание.

Манго устроился рядом с Тедом на скамейке и с нешуточным стоном снял ортопедический ботинок, такой здоровенный и громоздкий, будто Манго спер его у Фреда «Хермана» Гуинна со съёмочной площадки «Манстеров»²⁵. Отшвырнул его в сторону; Тед заметил: каблук у ботинка до того тяжёл, что тот всегда приземляется стоймя, как черная кошка.

– Ты сегодня зажег, Тедди Беймяч. По моему неофициальному счету 83 подачи, 65 хитов, едва не промахнулся 10 раз и налажал всего 8. Все *чикитас*²⁶ от тебя млели, балдели и чумели. – Манго нравилось думать, что Тедово минимально оплачиваемое умение лоточника привлекает дам. Он продолжал ворковать, стягивая наручи: – Ай-й, сеньор Арахис, ай, *Пани* Арахис... В одних носках Манго едва доставал сидевшему Теду до уровня глаз. Поди разбери, кто вообще Манго – итальянец, голландец, ирландец, украинец, хоббит, тролль из-под моста? Не определяемо. Вот Тед и бросил пытаться его классифицировать. Просто считал человеком. Очень маленьким человеком.

– Ага, Манго, – сказал Тед, натягивая гражданское, – дамы прямо штабелями валятся к ногам охуенца, мечущего арахис.

Тедова гардеробная ниша – неохиппи, что скорее лень, нежели устарелость. У Теда имела теория, что любое десятилетие в истории на самом деле духовно – предыдущее. Десятилетию нужно больше десяти лет, чтобы полностью стать самим собой. Следовательно, 40-е – это 30-е, 50-е – 40-е, а 60-е – 50-е, и доказывал он это так: гляньте на «топ-40». В 60-е «Битлз» и «Стоунз» еле отсвечивали – да и у «Грейтфул Дэд» на концертах никогда аншлагов не было, хотя в продажные поп-чарты они все же пробирались, но, в общем, плыли сквозь годы сами по себе, как облачко от травы. В 60-х были вот эти – «Фор Сизонз», Дин Мартин, Перри Комо²⁷, Синатра, Элвис. А теперь у нас конец 70-х, размышлял Тед, то есть конец 60-х. У нас, по сути, лето любви – время вольной страсти. Я совершенно в ногу со временем, думал он, хотя чувствовал, что не столько волен в любви, сколько уволен из нее же.

Все это к тому, почему Тедово штатное облачение в последние десять лет почти не менялось. Футболка в пестрых разводах, джинсы и сандалии. Зимой он наряжался в белые «аидасы-суперстар», три черные полосы, низкие. Вес же у Теда со временем изменился, и потому пурпурная футболка с вихрем цвета несколько жала Теду под мужскими грудями и, задираясь, обнажала грубую шерсть на пухлом животе. (Никак не отвязывалась мысль, что у него спереди груд и, – с тех самых пор, как он прочел одну тревожную статью о том, что от хронического курения травы у мужчин прибавляется эстрогена и из-за этого могут возникать

²⁵ *The Munsters* (1964–1966, в русском прокате «Семейка Мюнстеров») – американский комедийный телесериал о семье добрых человекоподобных чудищ; Хермана Манстера сыграл Фредерик Хаббард «Фред» Гуинн (1926–1993).

²⁶ Девчонки (*исп.*).

²⁷ *Four Seasons* (с 1960) – американская поп-рок-группа; Дин Мартин (Дино Пол Крочетти, 1917–1995) – американский эстрадно-джазовый певец и актер итальянского происхождения; Пьерино Роналд «Перри» Комо (1912–2001) – американский певец и телезвезда 1940–1950-х.

кое-какие малозаметные вторичные женские признаки – например, мужские сиси.) Тед отмахнулся от мысли о своих сисях, встряхнул примятыми козырьком каштановыми волосами до плеч и стянул их в хвост на затылке.

Тед встал и хлопнул Манго по спине:

– Власть рабочим, Манго.

Теду нравилось считать себя коммунистом, это подпитывало его образ не лоха, но мозолистого человека из народа. Хотя к Коммунистической партии США (КПСША), возглавляемой донкихотствующим Гасом Холлом, урожденным Арво Куста а Хальбергом, с 58 709 голосами, которые набрали Холл и его притязующий на вицепрезидентство коллега по кампании последних выборов Джарвис Тайнер, Тед отношения не имел, коммунистом тем не менее он был. Все же 0,07 % голосов, народ, – против 0,03 % в 72-м! Набираем обороты, детка. Теду нравилось голосовать за безусловных неудачников. Ему казалось, что так его слышно. В университете он влюбился в чудесную марксистку с курса русского языка, из Балтимора. Рэчел Сью Абрамовиц. Удочеренная красotka-блондинка с какими-то явно скандинавскими кровями, она совсем не походила на своих малорослых приемных родителей-брюнетов из Восточной Европы. Потрясанный оксиморон эта Рэчел, и Тед втюрился по уши и в нее, и в ее байку про то, что биологический отец у нее был легавым, а мать – проституткой.

Рэчел Сью Абрамовиц утверждала, что однажды подцепила мандавошек от Марка Радда²⁸, но ни в СДО²⁹, ни в Гражданский союз Коламбии вступать не пожелала, поскольку считала, что их представления о практике извращают понимание безупречной теории. Она поучаствовала в организации успешной бучи вокруг фильтра Стикмена³⁰, однако во время спортзальных протестов в Морнингсайд-парке³¹ кто-то из начинающих революционеров стиснул ей в сутолоке грудь и прошептал: «Чего нам надо? Сиську! Когда нам ее надо? Тут же!» И она испугалась. Объяснимо. Тед произвел некоторые изыскания и узнал, что у Рэчел Сью на стене в общежитии – плакат аж с самим одномерным человеком, Гербертом Маркузе³², тогда как все студентки-младшекурсницы украшали комнаты изображениями этих неведомых британских хлыщей, «Битлз».

И все же Тед в своей башне из слоновой кости с удовольствием копался в аллегориях и играх слов под влиянием Джойса (ему нравилось говорить, что «Финнегановы поминки» он предпочитает «Ул ис с у»), но то херня была все, библиотечный выпендрей, провокационная рисовка), Стивенса (хотя Тед не дорос еще до «пусть будет будет кажется концом»³³), Сэмюэла «ошибайся вновь, ошибайся лучше» Бекетта и Томаса Пинчона. И хотя Пинчон к политпрагматике имел такое же отношение, как Морячок Пучеглаз, Тед стремглав купил (всем сказал, изображая Джерри Рубина³⁴, что спер, но нет, смущенно купил) экземпляр *Das Kapital*, исчер-

²⁸ Марк Уильям Радд (р. 1947) – учитель математики, американский политический и антивоенный активист, икона контр культуры.

²⁹ «Студенты за демократическое общество» – американская студенческая активистская организация левацкого толка, существовала в 1960-х гг.

³⁰ ...*фильтра Стикмена*... – в феврале 1968 г. инженерно-химический факультет Колумбийского университета отказался расставаться с правами на разработку воздушного фильтра (его прозвали фильтром Стикмена в честь Роберта Л. Стикмена, разработчика новых и якобы гораздо более эффективных фильтров для сигарет) для тепловых электростанций; вокруг ТЭС в Коламбии в те годы происходило немало экологических забастовок.

³¹ Морнингсайд-парк – между 1965 и 1968 гг. случилось затяжное противостояние властей Коламбии и студенчества, вызванное строительством спортзала на территории общественного Морнингсайд-парка; по архитектурному проекту спортзал не только размещался в общественной части города, но и был устроен таким образом, что небелому населению вход оказался ограничен, к тому же с земли под застройку выселили часть Гарлема. Все это спровоцировало многочисленные забастовки и митинги, иногда вполне агрессивные и со стороны студенчества, и со стороны исполнительной власти.

³² Герберт Маркузе (1898–1979) – немецкий и американский философ, социолог и культуролог, представитель Франкфуртской школы.

³³ «Пусть будет будет кажется концом» – строка из стихотворения «Император мороженого», сборник «Фисгармония».

³⁴ Джерри Рубин (1938–1994) – американский общественный деятель, активист антивоенного движения 1960–1970-х гг.,

кал его весь, вусмерть позагигбал все страницы и даже напоказ делал вид, что читает его на каждом углу, где, как ему было известно, ошивалась Рэчел Сью. (Когда отец Теда увидел его с *Das Kapital* в руках, сказал Теду, что Карл этот – «так себе Маркс, а вот Граучо – гений всей семьи. Карла я числю покруче Зеппо и Гаммо, но пожиже Чико и Харпо».) У Теда от сердца отлегло, когда стало понятно, что зубрильный шик его толстых очков среди участников СДО не только приемлем, но и желанен. Сжег свою сине-белую первокурсную кепочку Коламбии и привык болтаться на крыльце Мемориальной библиотеки Лоу³⁵ – там он трепался, стараясь быть подслушанным, о себе как об *entfremdet* от своей *Gattungswesen*³⁶. Нелепый Тедов план сработал, и Рэчел Сью Абрамовиц стала его первой возлюбленной. Он пал пред ней, как Ленин перед Марксом. Роман длился все четыре года в Коламбии, но быстро пожух, стоило им выбраться за пределы общажного кокона. После вуза он решил заделаться непризнанным писателем и, во всяком случае, непризнанность себе обеспечил, а вот Рэчел Сью Абрамовиц стала, вероятно, единственной в истории человечества супермоделью-марксисткой. Она оставила Теда на некоторое время ради модели-мужчины, а затем ради парикмахера-француза по имени Фабиан.

Невзирая на модель и Фабиана, Рэчел и Тед еще несколько лет время от времени порывались воссоединиться, словно планеты на эллиптических орбитах, и однажды, после долгого, дорогого, гулко и писклявого телефонного звонка из Парижа от своей бывшей марксистки и бывшей подруги, Тед задумался, не сделать ли ей предложение. Когда она вернулась в город, он сказал ей, что хочет повидаться, и они договорились встретиться, поесть японского. Тед прибыл на место, облаченный по-взрослому – в темно-синий костюм, и, когда заметил Рэчел за столиком – та читала меню, склонив голову, – сердце его набрякло любовью и он понял, что все делает правильно. Она глянула на него, в ее глазах он усмотрел некую новую глубину и решил, что это видение их совместного будущего. Он поприветствовал ее в губы и ощутил, что у него встает. Она вызывала в нем подобный отклик, даже просто появляясь в комнате. По-павловски, шутили они между собой, – по-херовски, как они это называли. Тед заказал большую бутылку сакэ. Вновь посмотрел на нее – и вновь весь набряк. Как же ему нравилось заниматься любовью с этим гениальным порождением легавого и проститутки.

Они заговорили одновременно, как в пошлейших романтических комедиях: «У меня новости!» Дурной знак. Ха-ха. Давай ты, нет, давай ты, нет, ты, нет, ты. У Теда новость была в виде вопроса: «Рэчел, пойдешь за меня?» Но как джентльмен, которым хотел стать, Тед настоял, чтобы Рэчел сказала первой. Он читал в ее глазах любовь и страсть. Видел их совместное коммунистическое будущее. Ощущал, что его родовая сущность воплотится и реализуется в простом и жизненном – в хорошей работе, любви, огне в очаге, семье. Все сходилось. Рэчел разомкнула влажные губы, показав идеальные белые зубы, и произнесла:

– Я беременна и выхожу замуж.

Мир Теда схлопнулся, как темная звезда, и вывернулся наизнанку. В ушах щелкнуло, будто он погрузился под воду. Он видел Рэчел на суше, но не мог до нее добраться. У нее в глазах стояли слезы, она улыбалась или гримасничала – не разобрать. Тед перестал владеть лицом и понятия не имел, что оно явило возлюбленной. Он в некотором смысле тонул, но во рту было сухо. Слышал ее будто сквозь жидкость – надеясь, что вскоре это будет алкогольный шторм:

– А у тебя, малыш, какие новости?

Тед глубоко вдохнул то, что в легких ощущалось как блевота, словно отказался от мысли утонуть, отныне и навеки, и сказал:

вместе с Эбби Хоффманом лидер движения йиппи, икона контр культуры. «Сопри эту книгу» (*Steal This Book*, 1971) – книга Хоффмана, ставшая манифестом контр культуры.

³⁵ Сет Лоу (1850–1916) – американский просветитель, политик, президент Колумбийского университета, дипломат, 92-й мэр Нью-Йорка.

³⁶ Отчужден... родовой сущности (*нем.*).

– Ничего важного, малыш. Я так рад за тебя. Давай выпьем!

И он вознес мелковатую чашечку сакэ – за ее жизнь, которую она проведет с другим мужчиной, за ее не рожденных от него детей – и с тех пор никогда не любил и не был любим. Дни по большей части проходили без единой мысли о Рэчел Сью, какой бы ни была теперь ее фамилия, и об альтернативной действительности, которая могла бы состояться, прояви он напор и заговори первым. Если вдуматься, он совершенно выбросил ее из головы, и все же на улице от мимолетного аромата пачули у него кружилась голова и скручивало живот – и привставало.

3

– Власть рабочим, Тедди Беймяч, – отозвался Манго.

Тед направил стопы в сандалиях прочь, в июньский вечер. Прогулка до парковки была для Теда, похоже, самой нелюбимой частью работы. После игры фанаты выстраивались за баррикадами в надежде хоть одним глазком увидеть обожаемых игроков. Завидев выдвигавшиеся к ним из тени фигуры, они пытались угадать по силуэту, кто это идет.

«Лу-у-у-у-у-у», – вопили они, думая, что идет Лу Пиньелла³⁷. Или: «Брыки!!!» – Брыки Денту, «Капитан!» – Тёрмену Мансону³⁸, «Гу-у-у-у-у-у-у-у-у!» – Ричу «Гусю» Госсиджу³⁹ или, что маловероятно: «Реджи! Реджи! Реджи!»⁴⁰ – пока тот шел к своему «бентли-бентли-бентли». Всякий раз они думали, что Тед из «Янки», и, проорав имена игроков и осознав, что перед ними Тед, оглашали свое разочарование. Тед этого терпеть не мог – этого мига, когда они понимали, что это всего лишь Тед. Слово всё – кошмарная ошибка, словно сам он – ошибка.

Аллея позора, ни дать ни взять.

– Ой, да ну, – бросал какой-нибудь пацан. – Это ж господин Арахис. Йо, господин Арахис, как дела, человек-арахис? А-РАХИС!!!

И, как водится, все обернется насмешливой игрой в клички. «Гризли Эдамз!» – орал он с едва сдерживаемой издевкой, округляя Теда до первой попавшейся звезды – например, до актера из хитового фильма. Видимо, он немножко похож на Дэна Хэггерти⁴¹ – громоздкий, бородатый, длинноволосый. «Хэггерти!!!» Игрища с кликухами преобразуются у него за спиной в стоячем воздухе, покуда не появится настоящий «Янки» и не сосредоточит на себе их внимание, а Тед дотопаёт до обшарпанных парковочных мест в дальнем углу площадки. «Хэггермейстер!!! Гризлер!!! Гризельда!!! Капитан Лу Албэно!!!»⁴² – и иногда: – Джерри Гарсия!!!»⁴³ – против чего Тед уже совсем не возражал. Опускал голову пониже и неловко улыбался, скрывая ужас и мечтая об одиночестве, как у Гризлера, – или сделаться невидимкой на те несколько минут, какие нужны, чтоб добраться до машины, на худой конец – хоть чуточку менее видимым, чем есть.

Ближе к задворкам парковки высокие фонари редели, словно никому не было дела до того, что там, на задах, происходит. Тедова могучая кобылица, блевотно-зеленая стареющая «тойота-королла», смиренно ждала его, тихо трепеща на летнем ветерке порванным полиэтиленом, что заменял передние окна, разбитые при краже Тедовой автомагнитолы. Тед бросил запирать автомобиль. Кто бы там чего ни хотел из того, что, по их мнению, могло найтись внутри этой завали, – милости просим, лишь бы не ломали ничего. Ценного там все равно не было. Непотребщина. Заднее сиденье завалено грязной одеждой, бутылками из-под газировки,

---

³⁷ Луис Виктор Пиньелла (р. 1943) – американский бейсболист, выступавший в Главной лиге бейсбола на позиции аутфилдера, позднее – спортивный менеджер.

³⁸ Тёрмен Ли Мансон (1947–1979) – кетчер, все 11 лет своей спортивной карьеры (до гибели в авиакатастрофе) играл за «Янки».

³⁹ Ричард Майкл «Гусь» Госсидж (р. 1951) – бывший питчер Главной лиги бейсбола; с 1972 по 1994 г. играл за девять разных команд, в том числе за нью-йоркских «Янки».

⁴⁰ Реджиналд Мартинес «Реджи» Джексон (р. 1946) – бывший райтфилдер, ныне на пенсии.

⁴¹ Джон «Гризли» Эдамз (также известен как Джеймс Кепен Эдамз и Гризли Эдамз, 1812–1860) – калифорнийский охотник и укротитель медведей гризли, а также других диких животных, которых он ловил для зверинцев, зоосадов и цирков; Дэниэл Фрэнсис Хэггерти (1942–2016) – американский актер, прославившийся в главной роли в американском фильме «Жизнь и времена Гризли Эдамза» (*The Life and Times of Grizzly Adams*, 1974).

⁴² Луис Винсент «Капитан Лу» Албэно (1933–2009) – американский профессиональный борец, спортивный менеджер, актер.

⁴³ Джером Джон «Джерри» Гарсия (1942–1995) – американский музыкант, гитарист, вокалист группы «Благодарные мертвые».

пакетами от арахиса. Ради экономии, а также потому, что ему всегда было без разницы, чем питаться, Тед в основном ел арахис, который продавал на играх. Эта монодиета объясняла его нездоровое брюхо и зеленоватый цвет лица. Никто в истории не проводил столько времени с арахисом – со времен Джорджа Вашингтона Карвера⁴⁴.

И пусть все это смахивало на жизнь старушки-побирушки, или бездом ного, или барачника – Тед плевать хотел. Он был марксистским/ленинистским/троцкистским/маркузианским «овошем», не снисходившим до подыхающего капиталистского животного, коим была экономика Соединенных Штатов. Тед существовал внутри мира, который желал наблюдать, – и вне его. «Я принцип Гейзенберга, – думал он. Или, может: – Я принцип Дуйзенберга», – и прикуривал косяк.

Тед выдохнул облако дыма, каким гордился бы сам Джимми Клифф⁴⁵, вытащил из рюкзака магнитола и сунул ее в щель под торпедой. Повернул ключ зажигания, и японский импорт, содрогнувшись, пришел в себя, словно очнулся от спячки, недовольный, что его просят подвигаться.

– Давай, Большая Берта-сан⁴⁶, – уговаривал ее Тед, топча сцепление, думая про себя «Я г-н Сцеп»⁴⁷ и переключаясь на задний ход. – Госоподина Сэцэпа. – Иногда он просто увещевал «короллу» с жутким расистским японским акцентом Мики Руни из «Завтрака у Тиффани»: то был гадкий и простой способ псевдокрутых пацанов гнать расистскую дребедень, какой нравилось развлекаться его отцу, просто чтобы позлить окружающих. Тед это фуфло на дух не выносил, считал оскорбительным. Но иногда, вопреки здравому смыслу, чувствовал себя эдакой куклой чревоушателя, непроизвольно повторяя отцовы слова. Манера говорить или какая-нибудь фраза могли всплыть из ниоткуда, словно наследственная болезнь Туретта. Мгновенья одержимости уходили, Теда быстро прижимало совестью, и он робко оглядывался по сторонам: не услышал ли кто.

Музыка бесславно боролась за жизнь в дешевых динамиках. «Мертвые»⁴⁸. Почти всегда «Мертвые».

– «С розой Святой Стивен, сад его так дивен», – Тед, вполне прилично изображая уязвимое, выстрадавшее хныканье Джерри Гарсии, подпевал Бобу Виру⁴⁹, – «На ветру, под дождем сельский сад, куда б ни шел он, всюду людям не лад»⁵⁰. – Тед, продолжая подпевать, выкатился с парковки на темнеющие улицы Бронкса. – «Важно ли это или же нет? Стивен сказал бы, знай он ответ».

---

⁴⁴ Джордж Вашингтон Карвер (ок. 1865–1943) – американский ботаник, миколог, химик, педагог и проповедник.

⁴⁵ Джимми Клифф (Джеймс Чемберз, р. 1948) – ямайский певец и композитор в стиле регги.

⁴⁶ «Большая Берта» или «Толстушка Берта» (нем. *Dicke Bertha*) – немецкая 420-миллиметровая мортира.

⁴⁷ Речь о Джерри Алене Уэсте (р. 1938) по прозвищу Сцеп, американском баскетболисте (ныне в отставке), всю свою спортивную карьеру посвятившем лос-анджелесским «Озерникам» (*LA Lakers*) и прославившемся способностью успешно разыгрывать даже самые сложные ситуации на площадке.

⁴⁸ Речь об американском музыкальном коллективе *Grateful Dead* («Благодарные мертвые» или «Благодарные покойники», 1965–1995, 2015), игравшем психоделический, эйсид-, фолк-, кантри- и блюз-рок.

⁴⁹ Роберт Холл «Боб» Вир (р. 1947) – американский певец, автор песен и гитарист, один из основателей группы *Grateful Dead*.

⁵⁰ Строки из песни «Св. Стивен» (1970).

4

Тедова квартира пешком-на-четвертый-этаж представляла собой неподвижный вариант Тедова автомобиля. «Тойота-королла», Разрушенный дворец⁵¹ постоянного местожительства. Зимний сквозняк в старом многоквартирнике отлично пересекали высившиеся до потолка стопки «Нью-йоркского книжного обозрения». Голая лампочка болталась над раковиной, а еще имелась ядовито-зеленая диван-кровать из кожзаменителя, производства «Кастро Конвёртиблз», про которую можно было бы сказать, что она знавала лучшие времена, но это означало бы, что лучшие времена все же были, а сие вопрос спорный. Окна затемнены, повсюду разбросаны книги, кругом желтые линованные листки из блокнота, исписанные бисерным, яростным почерком сумасшедшего. Пишмашинка обитала на журнальном столике, бумаги в ней не водилось. И конечно, вездесущие пакетики с «Арахисом “Янки”», на каких-то уже поначеркано, какие-то еще предстояло съесть. По правде сказать, жилье это выглядело так, будто его придумал тот же человек, что и квартиру Крэмденов в «Новобрачных»⁵². Того и гляди из ванной под веж ливые аплодисменты выскочит Элис – и начнется потеха. Кое-какие тусклые цвета здесь были, но мир ощущался черно-белым. Сплошь все необходимое мужчине без нужд.

Единственный причудливый кивок наружной жизни в этой комнате – старый телевизор на стуле перед диваном, с антенной из металлической вешалки, замордованной до пирамидальной формы. Поскольку телевизор произвела компания «Эмерсон», Тед именовал его Пугалом (малых умов)⁵³ и считал себя не телезрителем, а зрителем Пугала. Включал его Тед редко. Он вырос на «Облаве», Джеке Бенни и программе Бьюика-Берла⁵⁴, а потому в нем все еще жило некоторое ностальгическое почтение к тем ушедшим временам, но, когда он пытался смотреть современные популярные шоу – «Счастливые дни» (Тед предпочитал исходный беккетовский вариант) или «Лаверн и Шёрли», – его накрывало ужасом и печалью: не сходилось у него представление о «комедии» с этим вот. Он смотрел на мучительно несмешные выкрутасы подходяще поименованного Джека Улётта (Тед убеждал себя, что создатели сериала наверняка имели в виду ЛСД, а не только неуклюжего Дика ван Дайка в смысле его бытовых полетов через мебель, но уверенности никакой) из сериала «Трое – уже компания»⁵⁵, любимой программы всей Америки, и принимался неудержимо рыдать – и за родную страну, и за себя. Единственное утешение от телеящика – местная говорящая голова Джо Фрэнклин⁵⁶, чьи бросовые декорации и здравый смысл, реклама мацы «Стрейт» и нелепая подборка гостей наполняли Теда ощущением абсурдной неуместности, теплоты и анархической надежды, какие сообщали ему картины Танги и де Кирико в МСИ⁵⁷. Де Кирико и Фрэнклин – вот где улетность без всякого улета, а не в Улетте. И еще в спорте. Спорт Тед смотрел.

⁵¹ Разрушенный дворец – отсылка к одноименной песне группы *Grateful Dead* («Благодарные мертвые») из альбома 1970 г. «Американская красота».

⁵² *The Honeymooners* (1955–1956) – американский телевизионный комедийный сериал о супружеской чете из рабочего класса, проживающей в захудалом бруклинском многоквартирнике.

⁵³ *Пугало (малых умов)* – отсылка к очерку «Доверие к себе» американского публициста, оратора и поэта Ралфа Уолдо Эмерсона (1803–1882): «Глупое постоянство – пугало малых умов, его обожают мелкие политики, философы и богословы».

⁵⁴ «Облава» (*Dragnet*, 1951–1959) – американский телевизионный детективный сериал о лос-анджелесской полиции; Джек Бенни (Бенджамин Кубельски, 1894–1974) – американский комик, актер радио, кино и телевидения, скрипач; «Шоу Бьюика-Берла» – такое название носила с 1953 по 1955 г. эстрадно-комедийная программа «Театр звезд Тексако»; Милтон Берл (1908–2002) – американский комедийный актер эстрады и кино.

⁵⁵ *Happy Days* (1974–1984) – американский комедийный телесериал (одноименная пьеса [1961] Сэмюэла Беккета не имеет к сериалу никакого отношения); *Laverne & Shirley* (1976–1983), *Three's Company* (1977–1984) – американские комедийные телесериалы.

⁵⁶ Джозеф Фрэнклин (Фортганг, 1926–2015) – нью-йоркский радио- и телеведущий.

⁵⁷ Ив Танги (1900–1955) – французский и американский художник-сюрреалист; Джорджо де Кирико (1888–1978) – ита-

Последний штрих к интерьеру – механическая рыбка на батарееке, жутковато жизнеподобно перемещавшаяся по аквариуму возле раковины. Все вокруг пронизывал смутный запах – наверное, мышинового дерьма; вернее сказать, Тед надеялся, что это мышинное дерьмо, поскольку другие варианты были куда хуже.

Тед глянул на фальшрыбку:

– Привет, Голдфарб.

Ему потешно было считать, что это еврейская золотая рыбка, потому и Голдфарб. Их внутренняя шуточка – Теда и фальшрыбки. На Теда шутка действовала безотказно. Он взял из холодильника «Бадвайзер» и упаковку арахиса, подтащил стул к окну. С немалым усилием открыл окно в мир, прикурил еще один косяк и употребил ужин. Окно выходило на улицу, и Теду нравилось наблюдать жизнь на тротуаре, оставаясь невидимым. Он высунулся подальше, взял линованный листок и принялся писать своим крохотуличным почерком. Рыгнув арахисом, пивом и каннабисом, Тед счел себя удовлетворенным. Огладил бороду с несколькими седыми прядями – смутно-недобрые знаки не слишком-то блестящего будущего. Многие вечера в его жизни прошли именно так: Тед сражался с собственным умом, пытаясь добыть ответ на вопрос, который ему еще предстояло как следует сформулировать. Уже за полночь, изрядно укуранный и усталый, Тед ужиком сползет с подоконника в кровать и дальше поспит как полагается.

5

Лето 1953 года. Мужчина непоздних средних лет молча сидит и раздраженно смотрит бейсбольную игру по черно-белому телевизору. За его спиной видно мальчика, он смотрит на отца, будто запоминая его: морщины у него на шее, как он держится, как пахнет; мальчик отчего-то понимает, что однажды отец исчезнет, если этого уже не случилось. В комнате ощущается присутствие женщины, может, где-то позади мелькает ее платье, она занята на кухне. Есть в этом доме некое приглушенное отчаяние, словно эдакий тошнотворный статический гул вблизи электростанции. Мужчина недвижим, как надгробие. По телевизору показывают игру между нью-йоркскими «Янки» и бостонскими «Красными носками». Когда с «Носками» случается что-нибудь хорошее, мужчина позволяет себе краткий всплеск ликования, но скоро вновь цепенеет. Женщина в кухне грохочет посудой, громче необходимого. Она хочет, чтобы ее слышали. Мальчик тоскует. Мальчик хочет, чтобы родители помирились. Мальчик хочет, чтобы папа взглянул на него. Мальчик думает: «Вот бы насмешить их, вот бы насмешить...» Мальчик видел, как отец смеялся над Милтоном Берлом в платье. Мальчик боится Берла, Берл похож на чокнутого кролика, но папа так не считает. Папа смелый, он не боится Берла. Папа смеется Берлу в лицо. Мальчик влезает в поле безучастного зренья отца и танцует балериной через всю комнату. Балетом он никогда не занимался. В этом и соль. Он изображает лицом застывшую улыбку балерины, семенит, подпрыгивает. Отец не обращает внимания.

И тогда мальчик встает прямо перед отцом и плюхается на зад – совсем как Чаплин или Китон. Получается здорово. Слышит, как в кухне смеется мама. Есть надежда. Но отец смотрит строго перед собой, следит за игрой. Мальчик уходит в родительскую спальню, натягивает через голову материно платье, влезает в туфли на шпильках, смотрит в зеркало и прикидывает, хорошая ли это мысль, а затем неуклюже топчет обратно в гостиную, шаткий, как новорожденный теленок. Отец смотрит строго перед собой.

Мальчик возвращается к шкафу, открывает большой чемодан с пометкой «Отпуск» и надевает все приспособления для ныряния, какие может найти: купальник, ласты, маску, трубку. Встает перед телевизором. Человек-лягух, рыба без воды. Отец не моргает. «Красные носки» зарабатывают очко. Отец хлопает в ладоши и продолжает смотреть прямо перед собой. Мать смотрит на мальчика, что смотрит на отца, что смотрит в телевизор, – из их взглядов получился бы безупречный треугольник, если бы отец смотрел на мальчика или на его мать. Но нет – и треугольник небезупречен, разомкнут, он подтекает, кровоточит. Звонит телефон. Отец кричит, чтоб мать взяла трубку. Она в ответ бьет тарелку. Наконец он бросает взгляд на сына, который все еще стоит перед ним в полной экипировке ныряльщика, и говорит: «Сними трубку, нах».

Тед внезапно пробуждается от этого сна, от укуренного забытья, потерянный. До него доходит, что потрясший его странный звук – телефонный звонок. Он смотрит на часы. Начало третьего. Нашупывает трубку и хрипит в нее:

– Бойлерная, – потому что его это развлекает.

На том конце линии слышен женский голос с физически ощутимым нью-йоркско-пуэрториканским – также именуемым нуёркианским – акцентом (Теда с этим конкретным патуа познакомил начальство на работе).

– Это Лорд Фенуэй Сплошелюбов?

«Боже ты мой», – подумал Тед. Никто, кроме отца, не терзал его этим дурацким вторым именем. Теда назвали в честь стадиона. Тед всегда рвался – но все никак не доходили руки – изъять это нелепое наименование из своей жизни, раз и навсегда. Никогда им не пользовался, лишь изредка дописывал инициалы Л. Ф., если какая-нибудь официальная бумажка того тре-

бовала. А если кто-нибудь приставал с расспросами, он говорил, что Л. Ф. – это Лэрри Фрэнсис или Ловкий Флайбол, но никак не Лорд Фенуэй.

– Это Тед Сплошелюбов, да. Кто вы?

– Меня зовут Мариана Бладес. Я медсестра из «Бет-Израэл»...

Тед почувствовал, как слова ринулись из него прежде, чем он успел их подумать, словно это слова думали его, произносили его:

– Отец, – сказал он без сомнений, без размышлений о том, что они значат.

– Да, – отозвалась медсестра, – ваш отец.

6

Тед не разговаривал с Марти лет пять. Сомневался, что вообще когда-либо разговаривал с отцом по-настоящему, вел с ним честную беседу, однако последние пять лет между ними была полная и выраженная тишина эфира. Он пытался забыть, что за событие к этому привело; смутно помнилось, как он дал отцу почитать свою рукопись и его задел отцов отклик. Помнил, что отец произнес нечто конструктивное вроде: «Ты пишешь, как старик, проскочил писанину про еблю и сразу взялся за сон после не случившегося перепихона – ты, что ли, гомик? Вот я в твои годы...» – что-то в этом духе. «В каком это, нахер, смысле?» – спросил Тед. «Я пытаюсь задеть тебя до поэзии, обалдуй», – словно оракул Парк-Слоупа⁵⁸, объявил Марти. Это почти не имело значения, и Тед бросил репетировать их окончательную ссору. Отношения между отцом и сыном были до того обременены, натянуты и испорчены, что хватило бы любого повода – забытого «пожалуйста» или «спасибо», даже косога взгляда, – чтобы они вцепились друг другу в глотки. Их отношения – как степь в засуху: для адского пожара хватит и одной спички.

Медсестра Мариана не пожелала вдаваться в подробности по телефону, но Марти находился в больнице «Бет-Израэл» на углу Первой авеню и 16-й улицы, Манхэттен. Тед вырос в Бруклине, но никогда туда не ездил, а из Бронкса на Манхэттен выбирался редко. Манхэттен с его сраным идеалом «прорвешься здесь – прорвешься где угодно» был оскорблением Тедовым псевдокоммунистическим наклонностям. Показные деньжищи этого места – вечное неприятное напоминание, что Тед, вообще-то, не прорвался ни там, ни где угодно еще.

Катаясь в «королле» к Нижнему Ист-Сайду, Тед ревизовал себя изнутри – что именно он чувствует. Ничего определенного. Ни страха, ни печали, ни любви, сплошь эдакая серая онемелость. Марти было всего шестьдесят, и Тед терялся в догадках, что с ним могло стрястись. Попал под машину, что ли? Заколот официанткой? Стоило подумать об отце, как возникали лишь нехорошие волны, комок отчаяния, обиды, невысказанные надежды – и избегания. Раздумывал, не помирает ли старик. Не освободит ли его эта смерть. Теда, в смысле. Не станет ли смерть отца катализатором, который вскроет в Теде залежи слов, сделает его настоящим писателем. Следом ему стало стыдно за то, что он «использует» без сомнения настоящие отцовы страдания ради своей возможной пользы. Затянувшись очередным косяком, Тед осмыслил температуру собственных души и ума и решил, что там, должно быть, студено.

Что напомнило о встрече с его бывшим агентом Эндрю Блаугрюндом. Блаугрюнд был его агентом по одной-единственной причине: Тед учился в Коламбии с двоюродным братом Блаугрюнда, и Блаугрюнд согласился пригреть Теда как «карманного клиента». Иными словами, «я делаю одолжение другу или родственнику, ты можешь говорить всем, что я твой агент, но я твоим агентом никогда не стану, и на звонки твои отвечать не буду, и вообще ни хера для тебя не сделаю».

Теду подумалось, что Блаугрюнду нужно запечатлеть это на своей визитной карточке.

С их последней встречи прошло добрых три года. Чтобы улучшить пятнадцатиминутное предобеденное окно и вытянуть из Блаугрюнда отклик на роман, который Тед выслал ему за одиннадцать месяцев до этого, потребовалось полгода. Мудак. Роман был постмодернистским. Тед в те поры подпал под влияние Пинчона, Баргелми и Ишмаэла Рида⁵⁹. В романе мало что происходило, зато происходило очень медленно. Случались внезапные смены повествователя, а также общее презрение к эмоциям и сюжету, которые Тед считал буржуазными и устарелыми: нечего целовать задницу и потакать нуждам сказа, их с лихвой удовлетворяют телевидение

⁵⁸ Парк-Слоуп – район в Западном Бруклине, Нью-Йорк.

⁵⁹ Ишмаэл Рид (р. 1938) – американский поэт, романист, публицист, автор песен, драматург, издатель, знаменит своими сатирическими текстами, направленными против американской политической культуры и общественной несправедливости.

и кино. Он знал, что про это говорил Сэмюэл Беккет: в совершенной пьесе вообще ничего не должно происходить. Тед считал, что в совершенном романе тоже ничего происходить не должно.

И потому Теду скорее польстило, нежели удивило его или оскорбило, когда Блаугрюнд с гравитационным шиком уронил на стол 667 страниц Тедовой рукописи – деконструкционистских утех в стиле Дерриды под названием «Магнум Опий» – и сказал:

– Какого хера тут вообще творится? Ни хера. Да вот если смотреть, как сохнет краска, она все же сохнет – это происходит. Превращение мокрой краски в сухую происходит. А тут – ни фига, дружочек. По мне, чистая французская новая волна. Ален Роб-Грийе требует деньги назад. Такое чувство, будто меня пять часов подряд лупили по башке багетом.

– На здоровье, – сказал Тед.

– А, так ты к этому и стремился, что ли? Проверка читательской простаты? Тогда миссия выполнена.

– Это в традиции сюрреализма.

– В традиции нарколепсии, ты хотел сказать. Это славно и модно, профессор Морфей, но, прежде чем улетать по сюрреальному, надо на реальную землю спуститься для начала. Понимаешь?

– Совершенно нет.

– Сядь, Тед.

Тед сел, гордо не отводя взгляда, готовясь к сердитому монологу Блаугрюнда, который поправлял свой дебилный школярский галстук-бабочку.

– Я те скажу один раз, потому что, честно говоря, жизнь слишком, бля, коротка, чтобы читать такие вот книги. Этот фолиант – для пятнадцати прыщавых аспирантиков из Нью-Хейвена: сидят за круглым столом, колупают свои прыщи и мечтают о профессорской ставке. А еще ты сейчас удивишься... Тед? Ты меня слушаешь? Вижу, киваешь, но надо, чтоб ты меня слушал.

– Слушаю.

– Ты писатель, нах.

– Что?

– Писать ты умеешь, но ты – претенциозный гаденыш, и у тебя пока случилось всего две трагедии.

– Какие? Расставание?

– Расставание? Хер там. Развод – тьфу, чирей на жопе жизни. Расставание скверное дело для ребенка, а для писателя – хорошее. Жалко, маловато у тебя было расставаний. Жалко, что мать у тебя не шлюха, не проститутка, а отец не серийный убийца.

– Спасибо.

– Нет, беда у тебя в том, что с тобой стряслось всего одно расставание и что ты учился в блядском вузе Лиги плюща. Где ты, бишь, учился? В Принстоне? В Йеле?

– В Коламбии.

– А я в Гарварде.

– Даешь багровый⁶⁰.

– Коламбия все же не вполне Лига плюща, а? Если начистоту. Ну да ладно, слишком ты умный, бля, – себе же во вред. И во Вьетнаме небось не был?

Тед снял очки и помахал ими Блаугрюнду:

– Зрение двадцать на четыреста. Отсрочка «один-уай»⁶¹.

---

⁶⁰ Багровый цвет – символ Гарварда, такого же цвета символика гарвардской спортивной команды.

⁶¹ Зрение 20/400 – 5 % от нормального зрения. «1-Y» – по этой отсрочке мужчина признан годным к военной службе, но подпадает под призыв только в случае войны или всеобщей мобилизации; обычно присваивается по медицинским показаниям (повышенное давление, небольшие травмы мышц или костей, кожные заболевания, сильные аллергии и т. п.); эту отсрочку

– Ловко.
– Кротовая слепота – выигрыш в генетической лотерее в век Америки, спасибо Хитрому Дикку⁶².
– СДО?
– Нет. Позаигрывал с ними, но не дальше.
– ЗПП?⁶³
– Ха-ха. Тоже нет. Увы.
– Когда ты учился, Коламбию потряхивало. Я искал у тебя какие-нибудь мемуары о тех временах.
– Эт не я, пупс⁶⁴.
– Ты же из тех деток, что бесились, когда студенты захватили Библиотеку Лоу и мешали вам делать домашку?
– Именно. Ты во все яблочки уже попал.
– Зрение у тебя почти в норме. Должен был на войне оказаться.
– У меня никаких терок с желтыми.
– Это чье? Джо Фрейзера?
– Али⁶⁵.
– Точно. Я знал, что это кто-нибудь из *schvartze*⁶⁶. Нет, война пошла бы впрок: если б тебя там не убили, она бы дала тебе предмет, сюжет, нах. Вспомни Хемингуэя и Мейлера. Без Второй мировой Мейлер был бы просто гениальным маменькиным сынком, которого тянет отираться с настоящими парнями и боксерами, а бедняжку Хемингуэя даже с войной на самом деле все равно считают очередной потугой на крутого Джонни, дядьку-боксера-мордобоя за кулисами, с горяченькой, аж дым столбом, внучкой из фильма Вуди Аллена⁶⁷. И все же от войны искусству польза. Война для промышленности и прозы – это хорошо. Я вот о чем: ты, может, и не жил толком. Пишешь так, будто не жил. Складно пишешь. Ни о чем. Слова у тебя ищут тему, озираются, за что бы схватиться, но ничего не находят, кроме других слов. Тебе нужно какое-нибудь сраное событие в жизни – война рас, война полов, пофиг, что угодно. А, я понял! Я знаю, что тебе нужно сделать.

– Что?

– Соверши преступление, сядь в тюрьму и получи хер в зад. Вот что тебе нужно. Славное тюремное петушение. Тебя это расслабит в нужную сторону. Пожалуйста, не присылай мне больше прекрасно написанных книг о сладостном околачивании груш, или же я сначала убью себя, а потом тебя, именно в этом порядке. А теперь пиздуй отсюда, я жрать хочу. Увидимся через пять лет.

Тед покинул контору Блаугрюнда окрыленным. Из всей тирады агента осело одно: «Ты писатель, нах». Все прочее было невежественным мнением и чушью. Теду повезло: он нашел парковочное место на Первой авеню, со стороны башни Стёйвесант. Он тронул кончиком языка уголек на косяке, усыпил ожог слюной, сунул бычок в карман, повертел головой на переходе и потрусил ко входу в больницу.

отменили в декабре 1971 г., а получивших ее перевели в категорию «4-F» (полная негодность к армейской службе).

⁶² Хитрый Дик – прозвище 37-го президента США Ричарда Милхауса Никсона (1913–1944).

⁶³ Заболевания, передаваемые половым путем.

⁶⁴ «Эт не я, пупс» – отсылка к песне Боба Дилана *It Ain't Me Babe* (1964).

⁶⁵ Джозеф Уильям «Джо» Фрейзер (1944–2011), Мохаммед Али (Кассиус Марселлус Клей, р. 1942) – американские боксеры-профессионалы в тяжелом весе.

⁶⁶ Черный (*идиш*).

⁶⁷ ...внучкой из фильма *Вуди Аллена* – имеется в виду кинокомедия «Манхэттен» (1979) и Мэриел Хемингуэй (р. 1961), внучка писателя (у Хемингуэй это был второй фильм в карьере); автор, как видим, здесь слегка анахронистичен.

7

В больницах и кафе-мороженых освещение одинаковое. Зачем? Зачем так ярко, бля? Тед размышлял над этим, пока ехал в лифте на седьмой этаж. Протопал по длинному коридору, поглядывая на номера, посматривая на людей, тихо спавших в своих постелях, и лишь машины своими звуками удерживали их на этом свете. По одному взгляду, не более, мимоходом. Смотреть на больных более или менее то же самое, что застучать голого: не хочется, чтобы поймали, но есть в этом что-то завораживающее, некое притяжение – может, уязвимость, может, всеобщность. Он вдруг сам почувствовал себя уязвимым. Сунул руку в карман, потискал бычок. Бычок на месте, и само это знание немного успокоило, что ли. На одну девушку всегда можно полагаться – на Марию-Хуану. Он завернул за угол и в конце длинного пустынного коридора увидел, как встает со стула и идет к нему темноволосая женщина. «Та самая медсестра, – подумал Тед, – которая мне звонила, Мэриэн или Мария, да? Надеюсь, это она». Время пятый час.

– Лорд Фенуэй? – сказала смуглая женщина, приблизившись.

Имя – пожизненная издевка – Теда, конечно, бесило, но в тот миг он не взбесился, потому что медсестра оказалась не на шутку инопланетной. Однозначно латина, предположил он, однако вокруг ее карих глаз он углядел Азию – Китай или Корею – и глубокую, но притягательную печаль, которую он, может, сам и спроецировал, – или нет. Тед осознал, что прекратил дышать – и что он очень, очень укурен.

– Теодор, – наконец поправил ее Тед и тут же подумал: «Я прямо как бурундук, бля, очкастый брат Элвина»⁶⁸ – и тут же взялся одергивать и переодергивать самого себя: – Или Тед. Тед. Теодор. Ну, в общем, Теодор годится, но лучше Тед. Тед.

– Ладно, мы, похоже, пришли к однозначному выводу. Тед так Тед. Я Мариана. Мы говорили по телефону, – сказала она с улыбкой; рот у нее был широкий, но в идеальной пропорции с ее милым лицом, кое широким не было.

«Как такое может быть?» – подумал Тед, а в голове заиграла, отвлекая его, «Сладкая магнолия»⁶⁹ «Мертвых», и он выгнал музыкантов в заднюю комнату сознания, чтоб джемовали без него. Тссс, Джерри, мне надо сосредоточиться.

Марианин прекрасный рот пришел в движение:

– Вашему отцу сегодня уже получше, пришлось промыть ему желудок, но чуть погодя все с ним будет хорошо.

Ох уж этот пуэрториканский выговор. Черт. От явственно слышного акцента Тедов компьютер начинал сбоить. Тед почувствовал, что вегетативная нервная система у него, кажется, отключилась, и испугался, что придется дышать осознанно, чтоб не забыться и самого себя не удушить. И раз, и два, и три, и четыре. Он не помнил, где взял эти конкретные шишки, но бля. Выдавил из себя:

– Старый мерзавец пытался покончить с собой?

Голова у медсестры отшатнулась всего на микрон, и если не укурен в хлам, как Тед, и не заметишь, но он увидел, что задел ее черствостью тона. Он частенько забывал, что ненавидеть своего отца необычно и неестественно и еще более необычно демонстрировать это в приличном обществе.

– У вашего отца рак легких, плоскоклеточный. Последняя стадия, – сказала она.

---

⁶⁸ «Элвин и бурундуки» (1958–1972, с 1979 и далее) – вымышленная американская музыкальная группа из трех бурундуков, основана пианистом и актером Россом Багдасаряном-ст. (Дэвидом Севиллом); имена участники группы получили в честь руководителей их тогдашнего лейбла звукозаписи «Либерти Рекордз» – директора Элвина Беннетта, основателя и владельца Саймона Варонкера и главного инженера Теодора Кипа.

⁶⁹ *Sugar Magnolia* (1970) – песня «Благодарных мертвых» из альбома «Американская красота».

Рак легких. Плоскоклеточный. Тед велел своим легким дышать. Как полагается реагировать на такую новость естественному человеку? – задумался он. Нужно вести себя, будто я такой. «Ради этой женщины», – решил он. Но пока собирал на лице некое подобие печали, вдруг ощутил, как на него нисходит настоящая – глубокая, чудовищная – грусть, и перестал ее изображать.

– Счет на месяцы, – сказала она. – Вы не знали?

– Недавно выяснил, – ответил Тед.

– Насколько недавно?

– Совсем недавно.

– Когда?

– Вот сейчас прямо, когда вы сказали.

Она кивнула:

– Он болеет уже года три.

– У нас дружная семья, – отозвался он.

Он болеет уже три года? Иисусе Христе. Три года назад ему прочили два года от силы. До чего же страшно ему было? Как же одиноко? Была ли рядом с ним какая-нибудь молоденькая подружка, держала ли за руку? Медсестра продолжала говорить с ним – в него. Он слышал, что два года назад Марти перенес «восстановительное хирургическое вмешательство», которое оказалось «минимально успешным». Тед услышал слово «мелкоклеточный» и что химиотерапия немного продлила отцу жизнь. Он никак не мог толком сосредоточиться, и слова «карцинома» и «цитотоксический» наплывали на него невозбранно и бессмысленно, исполненные зловещей значительности. Еще, еще слов – «циклофосфамид», «ви-пи-16-123», «1-эм-и-1-нитрозомочевина». У Теда возникло ощущение, что он слушает стихи на неведомом языке – стихи о смерти. «Миды» и «мины» зрительно рифмовались у него перед мысленным взором. Медсестра, похоже, заметила, как в глазах у него упала шторка.

– С вами все хорошо? Простите. Я на вас много всего сразу вывалила. Можем потом еще поговорить. Вот...

Медсестра скользнула длинными пальцами по белой медсестринской юбке и сунула руки в карманы. Блузка натянулась, и на миг мелькнул лифчик – чуточку слишком хороший, слишком кружевной и слишком красный для такой работы и для этого места. Она вытащила маленькую визитку. Тед наказал себе дышать и дальше.

– Вечно кончаются. Мариана Бладес, – проговорила она, протягивая руку. – Специалист-консультант в горе.

Что? В горе. Специалист-консультант. Тед тут же подумал о Чарли Брауне и «беде-огорченье». Разве есть ли такая беда, которая не огорченье, – беда-не-огорченье? Как бы на орешки не получить!⁷⁰ Но Марти жив. А Мариана – преждевременный консультант в горе. Скорее, она консультант по вопросам смерти. Она отвечает смерти на вопрос, кого забрать следующим? Тед ощутил, как на лице у него воцаряется улыбка, и изо всех сил попытался обратить этот процесс вспять.

– Консультант в горе. Консультант в смерти, – повторил он, разглядывая карточку. – Чарующе. Типа «специалист по мокроте», или «координатор ранений», или «полномочный представитель гноя».

Тед, в общем, порадовался, что три эти придумки получились у него с кондачка.

– Я работаю с умирающими, на последних стадиях. Все начинается с потрясения, далее отрицание, торг, подавленность, а затем принятие и умиротворение.

---

⁷⁰ Чарли (Чарлз) Браун – персонаж комикса *Peanuts* (англ., букв. арахисовые орешки, перен. мелюзга, мелочевка, семечки, 1950–2000); «Беда-огорченье» – междометное восклицание Чарли.

– Обычный день, по-моему. За вычетом умиротворения. – Шутка почти попала в цель – но не совсем в ту, которую он наметил. Тед понял, что в заданных обстоятельствах чересчур старается быть забавным.

– С вашим отцом мы занимаемся вот чем: в его последние дни я пытаюсь помочь ему достичь принятия, проявить власть над повествованием в своей жизни.

– А, это, что ли, кюблер-россовское? Дребедень в стиле Джеймза – Хиллмена – Юнга?⁷¹ – сказал Тед, притязая на общность с ней и выказывая эрудицию, но тут же понял, что ведет он себя как снисходительное чмо. Накатил гнев – гнев на рак, а перед Тедом стояла Мариана, и возникла опасность, что он сейчас сольет это все на нее. А не хотелось.

– Вы читали Кюблер-Росс?

– Да.

– И как вам?

– Ну, я на самом деле не прям читал ее, скорее читал про нее – вот так я читал.

– «Читал про нее – вот так читал». Понятно.

Если бы это была игра на очки, Тед проигрывал бы со счетом 0:3, с двумя страйк-аутами и одним пинком на горку.

– Вот письмо. – Она подала ему желтый линованный листок. – Письмо, которое он написал мирозданию.

– Этому мирозданию? – переспросил Тед, поняв, что раз уж никак не пресечь этот снисходительный тон, то надо за него хотя бы отвечать. Здесь и сейчас взять быка за рога, то есть сказ про себя-мудака. Может, она примет эту снисходительность за силу и ум. Тьфу-тьфу-тьфу. – Мирозданию, в котором мы с вами находимся? Этому мирозданию он написал?

Она кивнула и ткнула пальцем в письмо. Теду не хотелось его читать, и он, продолжая нести околесицу, глянул на оборот листка.

– А обращение к мирозданию в начале письма должно быть? Дорогое мироздание. Наверное нет, так? В смысле, космический почтальон не понадобится: письмо – оно уже в мироздании, которому адресовано.

Медсестра вздохнула и показала взглядом на письмо. Тед, вероятно, уже испытывал ее терпение. Он начал читать вслух:

– «Дорогой Тед, у меня рак легких. Что хуево, птушта я всегда покупал только такие сигареты, которые вредны беременным женщинам и младенцам, а я – ни то ни другое и считал, что меня это не затронет. Дурак-то. Поди ж ты: рекламному боссу “Тарейтона” вставили его же смоляной пистон».

Тед оторвался от чтения и проговорил:

– Смешно.

– Дочитайте до «Красных носков», – сказала Мариана.

Тед вновь вперился в текст:

– Тыры-пыры, тыры-пыры. А, вот... «Меня зачали в 1918 году, в ночь, когда “Носки” в последний раз выиграли в чемпионате. Незаконный сын незаконной женщины, еще одно проклятье Малыша». Остроумный квазиисторический каламбур. «Незаконный» написано с ошибкой.

Мариана улыбнулась.

– Что? – уточнил Тед.

– Ваш отец сказал мне, что вы профукали свой первоклассный ум и мечете арахис в обывателей.

---

⁷¹ Элизабет Кюблер-Росс (1926–2004) – американский психолог швейцарского происхождения, создатель концепции психологической помощи умирающим больным, исследователь околосмертных переживаний; Уильям Джеймс (1842–1910) – американский философ и психолог, «отец» современной психологии; Джеймс Хиллмен (1926–2011) – американский психолог, основатель направления архетипической психологии.

Тед не смог решить, рад он, что отец так охарактеризовал его этой женщине, или не рад. Он вернулся к письму, повел пальцем по строкам:

– Тыры-пыры... Похоже, он спятил... А, вот: «Сегодня пятнадцатое июня, и “Носки” оторвались на пять с половиной игр. Конечно же, в этом году они наконец-то выиграют, а я, конечно же, умру, и мое пророческое рождение приведет к замыканию кадуцеева круга». Кадуцеева! Давай, пап, отжимай свой словарный запас. Несколько цветисто и выпренно. «До октября мне можно прыгать с высотных зданий, ловить пули зубами и срать серебряными долларами». Неожиданно. «До октября я – бог». Так, ну ладно, похоже, тут явно взята власть над повествованием, и – ух ты, какие наркотики вы ему даете, можно мне тоже немножко?

Мариана ответила просто:

– Вы ему нужны. Нужно, чтобы вы помогли ему завершить работу всей жизни, целительный вымысел. – Мариана взяла его за руку и повела к одной из палат.

– Нахер вымысел, – сказал Тед. – Я бы решил, что сейчас самое время посмотреть в глаза правде.

– Он не роман пишет как таковой. Он мысленно переписывает роман своей жизни.

– Ага, а это, наверное, не полное «ку-ку».

– Историю жизни можно рассказать миллионом способов, Теодор. – Отсылка к бурундукам? Ладно, пусть... – Как трагедию или комедию – или сказку, в которой бейсбольные команды сторожат вашу жизнь, словно колдуны-чародеи. Он пытается рассказать вам свою историю – по-своему.

– А я пытаюсь с пониманием отнестись к тому, что вы говорите, но историю за здорово живешь не переписать, – возразил Тед. – Прошлое так запросто не переиначишь. Есть такая штука – факты, они в этом деле помеха. Упрямые факты.

Она остановилась у палаты 714 – сумма всех хоумранов Малыша Рута. Подтянула Теда поближе к себе, приглушила голос до шепота, вперила в него взгляд глубоких карих глаз. Тед лицом и ухом почувствовал ее дыхание. И мгновенно лишился рассудка. Пожалуй, за три последних года он ни разу не оказывался так близко от женщины – если не считать проплаченных случаев. «Мертвые» опять пели «Сладкую магнолию» – что-то про глоток воздуха, что-то они хотели ему сказать. Тихо, тихо, Боб, Джерри, ребята...

– Ваш отец так это себе представляет, – промолвила она, – что он был и злодеем, и жертвой, и козлом. А умереть он хочет героем.

Из палаты донесся мужской голос, изломанный, хриплый, дребезжащий на последних голосовых связках.

– Попроси у нее карточку, дурила!

8

– Привет, Марти, – сказал, входя, Тед.

Несколько лет он не видел отца, и увиденное оказалось скверным. Ужас до чего похудел и поседел Марти. Когда-то был подтянутым красавцем, а теперь, казалось, светился – но не здоровьем, а словно облученный. Трубки вдоль изможденных рук и ног. Кожа тонкая, будто у гончей, того и гляди прорвется.

– А ты кто? – спросил отец.

– Вот молодец-то.

И тут же они включились в привычный ядовитый ритм.

– Вид у тебя херовый, Лорд Фенуэй.

– Спасибо. У тебя тоже.

– Без балды. «Янки» ведут?

– Ага.

– Ебте рысью. Двенадцать секоналов. Десять кваалюдов⁷². И все равно вот он я. До октября бессмертен.

– Ага, мне уже сказали, что ты у нас новый Мистер Октябрь⁷³.

Марти кивнул на Мариану:

– Мариана – испашка, Тедди. (Ох ты ж. Тед глянул на Мариану виновато.) Как Лу и с Тьянт, как Хуан Маричал и Роберто Клементе⁷⁴. Испашки сочнее бледнолицых.

Тед покачал головой:

– Не говори это слово.

– Какое? «Сочнее»?

– Нет, не «сочнее».

– «Бледнолицые»? «Беложопые» тебе больше нравится?

– Нет. Не «бледнолицые». Знаешь же, о чем речь.

– А, «испашки»! Так это ж просто сокращение от «испаноговорящих». Это ж естественно – отбрасывать хвост.

– Дело не в том, естественно или нет, и это не сокращение. Это расистское обозначение. Оскорбительное, верно, Мариана? – Тед осознал, что прорычал «р» в «Мариана» так, будто хотел отдать должное испанскому, и что со стороны это выглядело невероятно глупо.

– Ну, – сказала Мариана, вновь обнажив белоснежные зубы, – переспрашивать у меня, оскорбительно это или нет, даже оскорбительнее, чем само слово. Избыточная тактичность выдает скрытые предубеждения и более глубокую бестактность.

– Пouchи его уму-разуму, – вставил Марти.

– «В этом городе одни испашки» – оскорбительно. А вот, допустим, «Мариана, *mira mira*⁷⁵ – красотка моя испашка» от такого обаятельного мужчины, как ваш отец, услышать вполне приятно. В кругу друзей у слов появляется личный оттенок. Вы же писатель, так? Контекст. Тон.

– Все зависит от того, как подать? – предвосхитил Тед.

– Да, – ответила она, – все зависит от того, как подать, верно. Совершенно верно. – И добавила для полноты картины: – Бледнолицый.

---

⁷² Секонал (натрия секобарбитал, амитал) – лекарственный препарат, барбитурат, обезболивающего и успокаивающего действия; кваалюд (метаквалон) – снотворное. Применение обоих препаратов ныне запрещено во многих странах.

⁷³ Мистер Октябрь – одно из прозвищ бейсболиста Реджи Джексона (см. выше).

⁷⁴ Луис Тьянт, Хуан Маричал и Роберто Клементе – американские бейсболисты латиноамериканского происхождения.

⁷⁵ Здесь: красотка (исп., разг.).

– Бледнолицый! Получи! От так! Полный разгром. Славная испашка, – проорал Марти, затем рассмеялся, после чего застонал. – Ай, черт. Блядский смех.

9

Тед просидел у отца в палате еще час-другой, пока телом Марти не овладели лекарства и он не впал в беспокойное забытие. Мариана растолковала Теду, что предстоит в ближайшие месяцы, и наплатила его надеждой и желанием: неизбежный конец наступит раньше, нежели позже, поскольку он сопряжен с немалыми муками и болью. Никакого особого упования на счастливый исход она не выразила, ибо Марти высказался против любой дальнейшей хирургии или химиотерапии. Она упомянула «купирование боли» и обрисовала лекарственный режим Марти, который, полушутя добавила она, не включает десять квалюдов за ночь. Объяснила слегка шарлатанские альтернативные методы, «последнюю соломинку», которые она втайне от врачей позволила Марти применять попутно. Он принимает экспериментальный лаэтрил⁷⁶ и трескает таблетки витамина С как конфеты, спасибо предписаниям доктора Лайнуса Полинга⁷⁷, а может, и хелатную терапию попробует. Что бы это, нахер, ни значило. Тед устал переспрашивать: «А это что?» – и чуть погодя просто начал кивать, уперев взгляд в пол. Все это виделось ему обреченным, утомительным, путаным – и вообще обломом. Теду хотелось на самом деле одного – дунуть.

За рулем «короллы» на пути в Бронкс, когда справа от него уже начало восходить солнце, Тед потянул из кармана бычок, а вместе с ним вылезло и отцово письмо мирозданию. Теду удалось высосать из бычка пару затяжек, остаток он закинул в рот и проглотил. Развернул желтое письмо и прочитал его сам себе вслух, двигаясь полупустыми улицами в подымающемся свете. «Я размышлял о том, почему ты как я. Писатель, который не пишет. Или писатель, который пишет и пишет, но извне себя, не изнутри. Ты не живешь в себе самом, пацан. И, мне кажется, ты все еще не нащупал свою тему». О цвета Блаугрюнда, подумал Тед, снова-здорово. Похоже, еще один трактат о художественных достоинствах тюремного анального насилия. «Вот тебе тема. Я не могу умереть, пока бостонские “Красные носки” не выиграют подчистую. Даже если потребуется еще шестьдесят лет. Я эти шестьдесят лет проживу. Как думаешь, может, это вдохновит тебя на возрождение Ф. Скотта?⁷⁸ Или, может, на какое-нибудь американизированное борхесовское горячее видение? Или хотя бы на мелкотравчатый вариант Пинчона? Обдумай, Тедди Беймяч. Обдумай давай».

Тед обдумал, после чего смял письмо в комок и вышвырнул в окно. В зеркало заднего вида приметил, как желтое пятнышко упало на землю и ветер унес его прочь.

---

⁷⁶ Лаэтрил (амигдалин) – витаминоподобный препарат нетрадиционной медицины, предположительно с антираковым действием.

⁷⁷ Лайнус Карл Полинг (1901–1994) – американский химик, кристаллограф, лауреат двух Нобелевских премий, активный поборник употребления аскорбиновой кислоты (витамина С) в больших количествах как профилактического и терапевтического средства от простудных и онкологических заболеваний.

⁷⁸ Ф. Скотт – имеется в виду Фрэнсис Скотт Фицджералд.

10

Тед проспал весь день напролет. За окном на улице стоял жуткий грохот, но Тед мог спать под что угодно. Чувства его за годы круглосуточной и без выходных атаки города Нью-Йорка онемели. Наконец Тед все же проснулся в шумной тьме, завозился. Верещала неотложка, надвинулась, пронеслась словно бы у него под кроватью, покатила дальше. Тед включил свет, схватил ручку и блокнот и собрался писать. Не вышло. Он отложил блокнот, добрел до холодильника, вытащил банку «Бадвайзера» и половину сэндвича-«героя» неведомого возраста и содержания. Щелкнул пивом, обнюхал сэндвич и скривился, понюхал еще раз – и скривился меньше, после чего вгрызся в хлеб, мокрый от желтоватого соуса, в котором тот квасился все это время. Тед жевал и готовился тошнить, давиться или умирать, но ничего подобного не случилось. Подошел к телевизору, включил его. К жизни ящик вернулся не сразу: сначала в центре экрана возник маленький яркий круг серого света – как первая вспышка энергии перед Большим взрывом, подумал Тед. Но примерно через минуту свет внезапно залил весь экран, появились звуки и картинки. Этот телик – говно динозавра.

У Теда было семь каналов и УВЧ. УВЧ хорошо брал испанские станции и испанскую пародию на борьбу, *lucha libre*, и приходилось ловить эти станции, как радиоприемником – жизнь в глубоком космосе. В глубоком космосе явно говорили на испанском. Словом, вселенная развлечений у Теда включала в себя семь планет – и всё. Итого: 2 – Си-би-эс, 4 – Эн-би-си, 5 – Дабью-эн-и-дабью (местное), 7 – Эй-би-си, 9 – Дабью-оу-эр (местное, домашний канал нью-йоркских «Метов»⁷⁹), 11 – Дабью-пи-ай-экс (местные, домашний канал «Янки») и 13 – Пи-би-эс (домашний канал «Улицы Сезам» и «Театра шедевров»⁸⁰). Пластиковая ручка переключения каналов от старости и усталости давно откололась, и Тед приделал к оставшемуся штырю плоскогубцы. Ничто не подсказывало номер канала, и Тед просто поворачивал плоскогубцы по часовой стрелке, пока не оказался на волне, которая смахивала на 11-й канал.

Играли «Янки» – с Бостоном в Фенуэе. «Носки» вели. Тед хлебал пиво и слушал, как комментаторы Фил Ризуто и Билл Уайт⁸¹ заполняют мертвое время пауз в движухе, а такого времени в бейсбольной игре – большая часть. Ризуто – эдакий гений абсурда, артист эстрады, чей ум блуждал от окошечка к окошечку подобно доброму дядюшке, что бредет прочь от семейного пикника, присоединяется к чьему-то совершенно чужому и ест что им бог послал. На счете 2: 1 под Грейга Неттлза⁸² Ризуто предался воспоминаниям, перебирая друзей – сплошь итальянцев, – у кого был день рождения или кто готовил ему пасту на прошлой неделе, и до чего скверные пробки на мосту Джорджа Вашингтона. Чтобы опередить пробки, Ризуто обычно уходил после седьмого иннинга, и поэтому казалось, что он пытается втиснуть в семь иннингов объем слов – простецких фишек, древних бейсбольных баек и восхитительной дребедени, – рассчитанный на девять. Билл Уайт был строгой половиной этого клоунского дуэта и время от времени изображал раздражение, однако был очарован Скутером – так называли Ризуто еще в те дни, когда он играл у «Янки» шорт-стопом и за это попал в Зал бейсбольной славы, – не меньше всех остальных. Дин Мартин для Джерри Ли Льюиса-Ризуто. Билл Уайт называл Ризуто Скутером, а Ризуто Уайта, который был черным, – Белым.

Тед полез в карман и извлек оттуда карточку Марианы, покрутил ее на свету, поднес к лицу, вдохнул. От нее пахло женщиной, духами и добром, и в животе у Теда невольно помор-

⁷⁹ «Метрополитанс» – профессиональный бейсбольный клуб из Куинса, Нью-Йорк.

⁸⁰ *Masterpiece* (изначально *Masterpiece Theatre*, 1971–2008) – американская телеантология в жанре драмы.

⁸¹ Уильям Де Кова «Билл» Уайт (р. 1934) – бывший игрок первой базы, с 1971 г. бейсбольный комментатор; фамилия афроамериканца Уайта означает «белый».

⁸² Грейг «Пых» Неттлз (р. 1944) – бывший игрок третьей базы.

щилось. Зазвонил телефон, и Тед виновато вздрогнул, будто его застучали за обнюхиванием женского белья. Он уставился на аппарат и не снимал трубку пять или шесть гудков.

– Аллю?

– Не одолеют «Янки» «Носков» в Фенуэе.

– Вы, кажется, ошиблись номером.

– Тебе надо в комики.

– Ты где, Марти?

– Дома. Через три дня пора съезжать было. Как Иисусу Христу. Смотришь игру?

– Нет, – соврал Тед, – я типа работаю, пишу. – Тед склонился над пишмашинкой и для полноты картины клацнул парой клавиш по голой каретке.

– Не буду тебя отвлекать.

Щелк. Марти отключился. Тед уставился на трубку, после чего положил ее на рычаг и вперился в телевизор. Покачал головой, взялся за телефон, набрал номер. Марти ответил:

– Говорите.

– Вот почему ты никогда не прощаешься, Марти? Взял и бросил трубку. Хамство это. Ты как животное. Ни разу в жизни, сколько мы с тобой по телефону ни говорили, ты не закончил разговор по-человечески, ни разу не сказал «пока». Всякий раз на полуфразе – и нет тебя, щелк – и всё... – Тед изобразил нудеж телефонного гудка.

– Правда?

– Да, правда.

– Ой. Хм. Пока.

Щелк. Гудок. Тед набрал, и Марти снял трубку – на десятом, что ли, гудке. Упрямое мудло.

– Кто это?

– Я есмь сущий⁸³.

– Пучеглаз-морячок?

– Скорее Яхве, я бы сказал. Игру смотришь?

– Ага.

Они молча смотрели игру, каждый у себя дома. Марти жил в Бруклине, в доме, где Тед вырос. Парк-Слоуп. Бруклин, конечно, с 1898 года – часть Нью-Йорка, но на самом деле Нью-Йорк – это Манхэттен, а Бруклин – это Бруклин. У него даже свой акцент. Был для юного Теда в этом географическом апартеиде налет отщепенства и недостойности, и отчасти из-за него – и из-за всего, что с Манхэттеном было связано, – Теду там до сих пор было неуютно. 16 декабря 1960 года, когда ему было четырнадцать, над островом Стэйтен врезались друг в дружку и рухнули на Парк-Слоуп два самолета – «дисси-8» Объединенных авиалиний, 84 человека на борту, и «Созвездие» «Ти-дабью-эй», 44 человека на борту. Тела несчастных из «дисси-8» попадали на землю рядом с их домом, небо рыдало огнем, все погибли. Невообразимый, сверхъестественный кошмар. И с тех пор, с четырнадцати лет, Тед непроизвольно поглядывал с тревогой в небо над Бруклином. В Бруклине, как это чувствовал Тед, тучи валились на землю – буквально. На Манхэттене можно было стать круче тучи. Теду не жилось ни в том ни в другом пространстве, и потому он поселился в Бронксе.

Отец с сыном не беседовали много лет, но вот это было им по силам – смотреть игру в милях и районах друг от друга, сидеть в молчании, перемежавшемся редким хмыком или вопросом «Видал?», вдохновленными игрой. Такой вот, что ли, затейливый бессловесный ритуальный танец, какому учат друг друга мужчины из поколения в поколение. Он заменял настоящее общение, коего нет, но предполагал возможность разговора – или, по крайней мере, узаконивал разговор как концепцию. В нем ничего не было, но танец этот давал странную

---

⁸³ Я есмь сущий – Исх., 3:14.

надежду. На площадку вышел шорт-стоп «Янки» Расселл Эрл «Брыки» Дент (урожденный О'Дей)⁸⁴. Марти исторг звук презрения.

– Брыки Дент. Конец иннингу. Автоматический аут. Им бы девять таких Брыки Дентов. Парень не попадет и в пиньяту, даже если ее на болт ему привесить.

– А мне нравится Брыки Дент, – вступился Тед. – Хорошая перчатка. У шорт-стопа главное – ловить, наплевать, как он там с битой.

Брыки Дент пнул слоу-бол подающему. Тед слушал надсадное дыхание отца, и оно пугало сильнее, чем он готов был себе признаться. Тед снял с телевизора «фрисби», в которой отделил шишки от семян, прихватил папиросные бумажки «Биг Бамбу» и принялся одной рукой скручивать себе косяк. Будь он умельцем-ремесленником, глядеть на его проворство и мастерство – сплошной восторг. Скрутил себе тугую малютку. Прикурил.

– Хорошая игра, – сказал Тед.

– Ага.

– Ты ел?

– Ага.

«Красные носки» вышли к бите, и отец с сыном притихли, но слышали дыхание друг друга.

– Ризуто – единственный «Янки», какой мне нравился.

– А Косатка?

– Да он из оклендских «А»⁸⁵ на самом деле. Наемник.

«Носки» вывели на поле еще пару человек.

– Ты куришь травку? – спросил Марти. Травку. Трав-ку. Теду нравилось вот это «к», его вправляла в это слово квадратная публика.

– Нет.

– Эй, дружок, мне ж похер. Отец я тебе, что ли.

Тед признал остроумие молчаливым кивком. Накрыл ладонью микрофон у трубки, чтоб не слышно было следующих затяжек и роскошных выдохов.

– Ты ел.

– Ага, я ж сказал.

– Да?

– Да.

– А погрызть есть чё?

– Заткнись.

Кто-то попытался стырить вторую базу, и его вышвырнули. Тед возбудился:

– «Носки» в этом году опять подавятся – как всегда. На дворе сентябрь – листья и «Носки» меняют цвет, отмирают и валяются наземь.

Марти, попытавшись сказать «иди нахуй», закашлялся. Он все кашлял и безуспешно пытался сказать свое «иди нахуй». Тед хихикал, как укурок, но в трубке по-прежнему перхали, и Тед забеспокоился.

– Нахуй меня, Марти, я понял. Марти, Марти, спокойнее, ты все еще на первом месте.

Марти наконец хватанул достаточно воздуха, чтобы вновь заговорить.

– Чего они бегают с двумя вышвырнутыми? Сколько в этом спеси. Грудь у меня – такое чувство, что на ней сидит Тёрмен Мансон и макает шары мне в рот, как чайный пакетик, унылый яйцеклад свой китовый, жирножопый мудила. – И опять закашлялся.

---

⁸⁴ Расселл Эрл «Брыки» Дент (О'Дей, р. 1951), играл за разные команды (1973–1984), далее занимался административной работой, ныне на пенсии; прозвище встречается довольно часто, обычно его дают за норовистость, напористость, упрямство, от англ. *bucky* – брыкливый, свое нравный.

⁸⁵ Оклендские «Атлеты» – профессиональный бейсбольный клуб, выступает в Главной лиге бейсбола, базируется в Окленде, Калифорния.

– Тухлый Тёрмен, – проговорил Тед, но побоялся сильнее распалить отца и заткнулся.

Погода кашель успокоился до мучительного хрипа. В обоих домах разговаривал теперь один лишь Филип Ризуто, поздравлявший кого-то с итальянской фамилией с днем рождения, а Реджи Джексон меж тем пытался пробить.

– С тобой есть кто-нибудь? – спросил Тед.

– В смысле, типа той лисички-медсестрички?

– Нет.

– Нет, никого, ой-ой-ой... – Марти затих.

Тед вновь поглядел на Марианину карточку. Консультант в горе. Советник по умиранию. Аджутант Темного Жнеца? «Харон и Заживо, Инк.»? «Цербер и Ко.»? Тед этим фуфлом мог развлекаться хоть весь день. Надо мне этим на жизнь зарабатывать – писательством. Смешно. Пошла реклама «Бадвайзера», короля пива. Тед не знал, что страна пива – монархия. Судя по звучанию слова, немецкая. Бадвайзер-Плантагенеты на троне своем небось ерзают. Поскольку вполне разумно предположить, что Королевство пива обречено впасть в ебанный пьяный хаос рано или поздно, а? Джон Ячмень⁸⁶ – наверняка в душе анархист.

– Может, надо мне приехать, побыть с тобой, – подумал Тед вслух, не успев даже начать это делать про себя. Травка, не иначе. – На пару дней, пока тебе не полегчает чуть-чуть.

Полегчает? Глупость какая – у человека последняя стадия рака. Простите за пулевое ранение, мистер Линколн, отдохните на выходных, повалитесь и к понедельнику будете как новенький.

– Марти?

– Ага.

– Чё скажешь?

– Я сказал «ага», черт бы драл.

И умирающий повесил трубку без «пока».

---

⁸⁶ Джон Ячмень – персонаж из одноименной английской народной песни, олицетворяет урожай ячменя и варение алкогольных напитков из него – пива и виски.

11

*Осень 1946 года***Турнирная таблица финала Американской лиги бейсбола**

Бостонские «Красные носки»	104	50
Детройтские «Тигры»	92	62
Нью-йоркские «Янки»	87	67

Молодой человек прижимает к плечу вялого младенца месяцев девяти от роду. Головка у ребенка болтается. Молодой человек поглядывает на жену – она красавица, но тревога морщит ей лоб. Она падает в чернейший свой страх. И муж ее вместе с ней. Он производит в уме чудовищный подсчет остатка своих дней, если малыш умрет. Вычисляет. Из этого не выбраться. Если мальчик умрет – умрет сама жизнь. Дни сделаются подобием дней. Он никогда больше не займется с женой любовью. Смеяться он еще, может, будет, но смех этот делается бездушным. Молодой человек держит мальчика перед собой. Заглядывает ему в глаза – и отдалается. Нет, не нарочно. Однако, быть может, придется. Если мальчик умрет, жизни предстоит идти дальше. Не проводить ему ребенка дальше смерти. Нельзя. Это не выход.

Но погодите. Это же всего лишь первая простуда. Может, они принимают ее слишком всерьез. Первый ребенок, начало родительства, первая простуда. Он смотрит мальчику в глаза и воссоединяется с ним. Намерен. Вдыхает. Хорошо. Но не как прежде. Не как пару минут назад. Нечто глубинное, тяжкое – сдвинулось. Тектоническое. Младенец чувствует это и слабнет, и его крохотное сердце наполняется пожизненным одиночеством и недолговечностью. Мальчик смотрит на отца. Будто винит его. Будто знает, что отец на мгновение решил жить в этом мире без него, и теперь этот единожды воображенный мир уже никогда не исчезнет, даже если мальчик выживет, для них обоих эти два мира будут существовать бок о бок – мир с мальчиком и мир без мальчика. И мальчику с отцом придется вечно странствовать между этими мирами. Не будет больше твердой почвы. Полмира озарено солнцем, полмира – ночь, навсегда. Вот так. Не может быть, думает отец. Младенец не может так думать, видеть, воспринимать, знать. Что там Вордсворт говорил? «В ореоле бессмертия» мы идем? Или там «в ореоле славы»?⁸⁷ «Дитя мужчине есть отец»?⁸⁸

Ребенок покашливает. Что-то у него в груди. Вирус. Вроде беса или дьявола. Отец не хотел показывать мальчика врачу. Он не желает быть тем родителем, что с каждой царапиной сына бежит по врачам. Не желает, чтоб сын рос слабым и зависимым. Чтоб привыкал с таких вот юных лет, будто можно не полагаться на себя. Только что закончилась мировая война, миллионы людей умерли, не жалуясь. Смерть и поныне бродит по земле, может, ей скучно, она пенсионерка – или, по крайней мере, не занята на полной ставке, так, подхалтуривает. Деток убивает, например. Бестолковые это фантазии. Есть наука – и всё.

И он выжидал день-другой, а мальчику было все так же, но отец настаивал, что ребенок должен справиться сам. Всего-то простуда, первая простуда, ничего особенного. Проверка. Наверняка ж ерунда. Мальчик покашливает. Бес гордо заявляет о себе. Смерть гордится. Маль-

⁸⁷ «В ореоле славы» – из оды «Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства» (1803–1806) английского поэта-романтика Уильяма Вордсворта (1770–1850), пер. Г. Кружкова.

⁸⁸ «Дитя мужчине есть отец» – из стихотворения «Душа поет, когда гляжу» (1802) Уильяма Вордсворта.

чик кашляет все сильнее, пытается вытолкать тьму к свету, но бес показывается лишь наполовину, а затем опять прячется в мальчике поглубже, и дьявольские когти, как абордажные крючья, впиваются и застревают в мягком пуховом нутре маленьких легких. Между припадками кашля дитя уже не двигается. Пару дней не улыбается. Отцу неведомо. Он не читал про это книжек. Ему казалось, что он все поймет сам собой, а чего не поймет, то жена знает. Они заполняют друг другу пробелы. Это же брак. В женщине должно быть материнское знание. У них у всех так, верно?

Мужчина вновь производит расчет, невольно, – вылепливает воображаемый мир минус дитя. Проклинает себя и свое избегание боли, потребность ума предсказывать худшее, чтоб уберечься от потрясения. Какое себялюбие, думает он. Но может, это естественно, такова часть человеческой природы. Все остальное поправно инстинктом выживания, самосохранения. Мужчина читал в книжках о животных: львы пожирают свое потомство. Может, они это из любви. Заглатывают свою боль и боль ребенка вместе с ним – и никакого больше страдания. Львенок попадает в лучшее место, где нет ни тревог, ни страданий. Папа все проглотит. Могучий папа. Природа – мерзавка.

А может, и нет. Он не лев. Он человек. Может, это неестественно и жестоко. Жена смотрит на него – в него. Видит ли она его мир, который без мальчика? Видит ли, что это он убил их ребенка? Видит ли, что и ее в том мире нет? Что теперь есть мир, в котором он убил и ее? Видит ли она меня, размышляет он, меня изнутри, и что во мне слишком много миров и мне нельзя доверять? Он отстраняется и от нее. Вот так просто распадаются браки? И да и нет. Он не знает. Что он знает? Ему жаль, конечно, и все же ну ее к черту. Не нужны ему обвинения. Он ничего такого не сделал, он просто подумал, а делал все, что от него зависело, во благо. Мальчик кашляет, теперь уже тише. Сдается? Ему слышно, как ликует бес. Мучитель. Когти впились глубоко. Мать выхватывает ребенка у своего молодого мужа. Ребенок не отзывается. Головка болтается на бессильной шее. «Пожалуйста, – молит она, как и прежде, – пожалуйста, давай отвезем его в больницу».

15 октября 1946 года

Пески⁸⁹ тоже не поторопился, и бостонские «Красные носки» по результатам семи игр проиграли чемпионат мира сент-луисским «Кардиналам».

---

⁸⁹ Джон Майкл «Джонни» Пески (Павескович, 1919–2012), по прозвищу Игла или Мистер Красные носки, – игрок на позициях шорт-стопа и третьей базы, в зрелые годы – директор команды и тренер.

12

30 июня 1978 года⁹⁰

	Выиграли	Проиграли	ППБ*	Отставание
Бостонские				
«Красные носки»	43	19	,694	—
Детройтские «Тигры»	36	24	,600	5,5

Тед не был в Бруклине с тех пор, как умерла мама. Отродясь не ездил из Бронкса в Бруклин и никогда поток своей жизни не перенаправлял туда-сюда – из Бруклина в Бронкс, из Бронкса в Бруклин. «Кололле» все равно, в смысле – «королле». Берте не нравилось ездить вообще никуда. Тед сунул «Мертвых» в магнитоу. «Друг дьявола», вторая песня с «Американской красоты», выпущена в 1970 году. Он рассмеялся при мысли, что его машина – домо-седка. Старуха-японка, по горло сытая этой блядской страной, из своего огорода и носу бы ни казала.

Еще ни разу не удавалось ему разобраться, поют ли «Покойнички»: «Сказал, я бегу, но не прям тороплюсь» или «Скакал на бегу...» Разница невелика, но Тед перемотал эту часть и вслушался. Все равно непонятно. Еще раз перемотал. Не-а. Ну, значит, останется малюсенькая загадка, подумал он. Пусть. Как писатель он стремился сживаться с неопределенностью, обитать в серой зоне. Китс, как это широко известно, выявил негативную способность у Шекспира, и Теду самому хотелось бы претендовать на чуточку этого щедрого дара. Незадача, впрочем, заключалась в том, что для автора-то негативная способность была даром, а для человека – скорее гамлетовской нерешительностью, обломовской ленью, параличом Бартлби. Вот бы сторговаться для удобства, а? Достичь компромисса? Чтоб и то и другое? За пишмашинкой – негативная способность в широком диапазоне, но со здоровой закваской лихой *спрециатуры*⁹¹ и ухарства в делах житейских? Увы, склонности и таланты и в том и в другом все еще оставались непроявленными. Все серое. Как глаза у Теда.

Что 2 будет делать, добравшись к отцу, Тед не представлял. О медицине он не знал ничего, терпеть не мог иглы, и ему не нравился вид крови. Какой от него прок? А если что-то пойдет наперекосяк, пока он будет у отца? Тед мог бы отвезти его в больницу. Мог бы набрать «911». Позвонить той медсестре. Сунул другую кассету в магнитоу – «Блюз для Аллаха». «Мертвые» пели «Башню Фрэнклина»⁹²: «Если сеешь лед, ветер и пожнешь. / Ты развей росу...»

Старый квартал на Гарфилд-Плейс выглядел почти так же, как во времена его детства, из-за чего Теду стало еще странней и утлее. Он занес ногу над педалью газа – втопить, убраться отсюда и никогда не возвращаться. Но далеко ли он уедет на своей «королле»? Вкатился на пустое парковочное место. При ближайшем рассмотрении район оказался все-таки несколько

⁹⁰ ППБ – Процент попаданий на базу, отношение общего количества хитов, пробежек и хитбайпитчей к общему количеству выходов на бит, пробежек, хитбайпитчей и сакрифайсфлаев; приводится в долях единицы, нуль и запятую перед значимыми цифрами обычно опускают.

⁹¹ Спрециатура (*um.*) – слово из книги «О придворном» (1528) итальянского писателя Балдассаре Кастильоне (1478–1529); по определению автора, «некоторая беззаботность, дабы скрыть всякую искусственность и добиться в своих поступках или речах видимости, что никаких усилий и почти никаких раздумий они не требуют».

⁹² *Blues for Allah* – альбом «Благодарных мертвых» (1975), «Башня Фрэнк лина» – вторая композиция оттуда.

лучше того, каким Тед его запомнил: эти места подверглись некоторому бессистемному «облагораживанию», какое Нью-Йорк переживает вместе с бумагами и бздями Америки. Тед на дух не переносил такие перемены – как и само слово «облагораживание»: оно уязвляло его коммунистические наклонности и казалось ему средневековым. Где тут, бля, «благородные» эти? Тед прихватил пару пакетов с одеждой и туалетными принадлежностями и огляделся: не узнает ли кого из местных крепостных или слуг.

Он выбрался из машины и направился к дому. Вгляделся в дорожку – когда-то он нацарапал свое имя на мокром цементе, но надписи не осталось. Дорожка была гладкая – как набежавшей волной с песка смывает инициалы, обведенные сердечком. Слишком много волн. Волн, похоже, всегда больше, чем слов и сердец на песке.

Тед вообразил, что бы подумал он-мальчишка о себе теперешнем, если бы глядел на самого себя в окно. Как в «Сумеречной зоне» – «Возьмем, к примеру, Теда...»⁹³ Борода, брюхо, ореол бездомности. Вероятно, сам себя напугал бы. Он-мальчишка, может, посмеялся бы над ним теперешним. Не пуцуй тебя в дом, жирный обсос-майка-в-кляксу, пока родители не вернутся. Тед покачал головой – гадская мысль. Взошел по красноватым кирпичным ступеням и дернул за дверную ручку. Нет, не дежа-вю к нему пришло. У него возникло ощущение, что он уже совершил то, что делал сейчас: поднялся по лестнице, открыл большую дверь – потому что, пока рос, производил эти действия тысячи раз. И хотя этот день прежде никогда не случался, Теду показалось, что проживал его неоднократно. Но это не утешало и не обнадеживало. Он невольно глянул в небо – проверить, не сыплются ли с неба самолеты, не взрываются ли миры. Не-а. Там, в первозданной синеве, с виду все было, в общем-то, зашибись. Тед вошел.

В доме творился бардак и пахло подозрительно. Плохой запах, но опознать его сразу Тед не смог: воняло так, будто зарезали напуганное животное. Нездоровая смесь ментола, яиц, мочи и дыма.

– Марти? – позвал Тед отца.

Тот появился из-за угла в старом темно-бордовом халате нараспашку, и Тед увидел на нем белые трусы в обтяжку, до того старые и заношенные, что точнее их было бы назвать серыми в обвиску.

– Тедди, ты приехал, – сказал отец, и всамделишные удивление и благодарность его тона обезоружили и тронули Теда – до комка в горле. Марти приковылял и обнял его.

Пахло от Марти ужасно. Тед поперхнулся, но удержался и скрыл это; чувствовал, что вляпался, без всякой своей воли, не у себя дома. Руки у него висели вдоль боков.

– Обними меня, педик, – прошептал Марти шутейно-любовным тоном Теду на ухо. Тед обхватил отца поперек туловища до того щуплого, что ему показалось, будто он обнимает ребенка или костюм на вешалке. – От тебя пахнет. Травкой.

– А от тебя – дерьмом каким-то.

– Не дави так, – сказал Марти. – Ты меня пытаешься обнять, отыметь или убить?

– А, ну да, ровно так я и представлял наше воссоединение.

Марти разомкнул объятия.

– Ты мне, похоже, что-то сломал нах. Давай помогу с сумками, – добавил он. – Полиэтиленовыми.

Тед отозвался:

– Я за вторичное использование.

Они пошли на второй этаж, Марти не раз останавливался перевести дух. Через несколько ступенек упер руки в колени и склонил голову. Теду привиделся образ: у старика легкие по

---

⁹³ *Twilight Zone* (1959–1964) – американский телевизионный сериал, объединяющий жанры фэнтези, научной фантастики, драмы и ужасов; одна из фирменных особенностей сериала – закадровый голос его создателя Рода Серлинга (1924–1975).

объему – как два пустых конверта, и помещается в них по листку воздуха. Такие они сплюснутые и липкие.

– Надо мне поставить подъемник, как для старых пердунов. Кстати, если примусь всерьез толковать про такой подъемник для старых пердунов, пристрели меня в голову. – Они постепенно подбирались к старой Тедовой комнате – здесь он жил, когда был маленький. Идти быстрее отца Теду не хотелось. Движение их было таким спотыкучим, что он не был уверен, идут они или стоят. Дал Марти открыть перед ним дверь в бывшую детскую. – Номер для молодоженов, – произнес Марти и протянул ладонь, как за чаевыми.

– Да. Да. Вот где никогда не случалось волшебство, – сказал Тед и вошел в маленький прямоугольник, что был миром, в котором он вырос.

13

Клише нетронутых детских комнат в кино и телике – условное обозначение родителя, не желающего, чтобы его ребенок вырос, или ребенка, что отказывается взрослеть, или родителя, оплакивающего мертвого ребенка. Привет от мисс Хэвишем⁹⁴, только без полового подтекста. Если б Тед был с собою сверхсуров – сказал бы, что комната осталась почти такой же, какой он запомнил ее, отбывая в Коламбию, потому что его отец оплакивал смерть того, кем Тед, по его мнению, мог бы стать. Но, вероятно, столько сентиментальности приписывать Марти не стоило. Вернее предположить, что Марти было до усеру лень, да и хозяин из него паршивый. Все четыре этажа дома за последние десять или пятнадцать лет практически не изменились, меж тем жизнь, которую проживал Марти, схлопывалась сама в себе географически, и пространство, которое он действительно населял, неуклонно сужалось, пока не свелось к гостиной внизу да кухне и ванной. Вселенная в целом непрерывно расширялась, а вселенная Марти постоянно сжималась, солнце в ее сердцевине теряло связь с другими планетами и комнатами, и все стремилось сойтись в одной комнате, в точку, в черную дыру, в смерть.

– Пошел бы принял душ, Марти, ты смердишь.

– Спасибо за совет, сынок. Предоставлю-ка я тебя волнам памяти о твоих зеленых деньгах, – сказал Марти. – Ах, если бы стены могли говорить.

– Я бы попросил их нахер заткнуться.

Марти убрел, Тед остался один. Он словно примерз к полу – глядел на свою односпальную кровать, простыни, наволочки и покрывало, все с символикой «Янки». Виниловые альбомы на полках – долгоиграющие и сорокапятки. Взял одну – «(Я твой личный) Мишка Тедди». Элвис. Элвис, некоронованный король Америки, умер прошлым летом. Его смерть, по ощущениям, стала концом чего-то, но Тед не понимал чего. Чтоб он Элвиса сейчас слушал? Да ни в жисть. Но Тед его присутствие в комнате постигал. Пара альбомов Пэта Буна. «Любовные письма на песке». Свят-срат, стыдобища. Перри Комо. Джонни Мэтис. Годжи Грэнт? А еще альбом Сэма Кука⁹⁵. Приемлемо. На стене над кроватью – плакат зари цветного кино, 1955 года, научно-фантастическая не-классика «Этот остров Земля». Тед не помнил, из иронии он это повесил или всерьез перся по китчевому подзаголовку: «Двое смертных в ловушке далекого космоса... бросают вызов неземным фуриям беззаконной планеты, сошедшей с ума!» Двое смертных в ловушке далекого квартала. Глядя на экспонаты в своей комнате, Тед почувствовал, что пытается расшифровать иероглифы. Он рос в 50-е, чего уж так строго с собой.

На волнах памяти Теда укачивало до блева, и потому он прошел к комоду, закинул в него то-се из привезенной в пакетах одежды, бросил в ванной умывальные принадлежности. Отвернул кран, подождал, пока вода из бурой не сделалась светло-коричневой, а потом и нью-йоркской прозрачной. Сунул голову в раковину, попил и рассмеялся, вспомнив, что где-то читал про кошерных евреев, будто им, чтобы пить городскую воду из-под крана, требуется особое разрешение раввина, потому что в этой воде живут микроскопические ракообразные, замаскированные креветки, водопроводное трефное.

Тед подошел к чулану повесить куртку – темно-синюю ветровку «Янки», полученную за так на работе, – и увидел свои старые футболки и кроссовки, чак-тейлоровские «конверсы», а в глубине кое-что из зимних и пляжных причиндалов: лыжные ботинки, всякое для ныря-

⁹⁴ Мисс Хэвишем – героиня романа Чарльза Диккенса «Большие надежды» (1860), полусумасшедшая старая дева.

⁹⁵ Пэт Бун (Чарльз Юджин Бун, р. 1934) – американский певец, в 1950-е годы близкий по популярности с Элвисом Пресли; Джонни Мэтис (Джон Ройс Мэтис, р. 1935) – американский крунер и автор песен, теле- и киноактер, один из последних артистов дорок-н-рольной эпохи; Годжи Грэнт (р. 1924) – американская поп-певица; Сэмюэл Кук (1931–1964) – американский певец, автор песен, предприниматель.

ния. Тед нагнулся глянуть поближе и заметил стопку черно-белых толстых тетрадей. Поначалу он предпочитал писать в таких, на желтые блокноты перешел позже, и теперь они нарциссами заполнили всю его квартиру. Он вытащил несколько тетрадок и сел на край кровати. Ни дать ни взять поллоковские кляксы черного и белого, белый квадрат посередине – для подписи, черный корешок. Привычное внешне и по форме настолько, что кажется частью природы. По буквам на обложке становилось понятно, что тетрадки эти принадлежали юнцу. Поперек нескольких обложек значилось «Руки прочь!!!!!!», а еще «Под страхом смерти или чего похуже!!!!!!», «Если читаете это и вы – не тордор (написано неверно, отметил Тед – Тор-дор – с внезапной, почти невыносимой нежностью к юному себе: Тор-громовержец!) лф сплошелюбов, вам грозит адская ж#па – то есть вам лично!!!!!!» Все в порядке, подумал Тед, я – Тордор-ловкий-флайбол-сплошелюбов, мне можно.

Почерк угловатый и крупноватый, рука одиннадцатилетнего мальчика. Каллиграфический эквивалент дотестостеронового фанфаронства. Взрыв рыбы-шара. Тед ловил таких, когда они ездили к родственникам в Восточный Излип. Тед удил морских окуней на мороженный гольян, бамбуковой удочкой с пластиковым поплавком, в проливе Лонг-Айленд. Куда чаще, чем окуня, вылавливал он рыбу-шар. Защищаться она могла, лишь надуваясь вдвое-втрое против нормального размера, чтобы показаться хищнику врагом по-страшнее. Другого оружия, кроме надува, у рыбки не было, подумал Тед, – как и у многих людей, шаров надутых. Тед снимал рыбу с крючка и гладил ее по брюху, отчего и возникал такой вот забавный отклик. В еду они не годились – неядовитым был только хвост. Яд – оружие получше, чем надувательство, думал Тед. Всего несколько секунд – и вот уж в руках у Теда живой шарик-рыба, штука из кислотных снов. До исполинских размеров не раздувались только кривые зубы и шипастая коричневатая морда. И Тед перекачивал этот живой мячик с ладони на ладонь, словно питчер, выбирающий, как бы половчее схватиться, гладкая шкурка рыбы натянута чуть ли не на разрыв, колючая поверхность на ощупь – как трехдневная отцова щетина по воскресеньям. Все равно что держать отца за щеку. Кое-кто из Тедовых друзей брал ножик и протыкал рыбок в точности как надувные шарик; некоторым мальчишкам казалось, что это умора – смотреть, как рыбка медленно истекает жизнью, долго умирает. Тед так не делал. Он размахивался и зашвыривал рыбу как можно дальше в воду. Рыбка плюхалась и еще какое-то время плавала надутая – от неуверенности, что угроза миновала. Юный Тед видел в этом что-то очень человеческое и грустное – в потешном, но отчаянном бахвальстве даже после того, как все закончилось, хотя в те поры Тед не смог бы облечь это в слова. Опасности нет, но театральщина эта, надутое существо-мячик, пузом кверху, голова под водой, – все еще напоказ. И затем, когда несчастная рыба, осознав некую благоприятную перемену в условиях, известных лишь ей одной, как-то определяла, что пронесло, она комично сдувалась, тонула и уплывала прочь – а на следующий день вновь раздувалась и веселила садистскую человечью мелюзгу.

Тед глянул на дату на первой странице: 1957. Точно, одиннадцать. Принялся листать. Ничто не зацепило внимания. Дневник, который Тед вел еще мальчишкой. Отец заставлял писать ежедневно.

– Это мышца, – говорил Марти. – Куй железо, пока горячо.

– Ты сам писал бы каждый день? – спрашивал юный Тед, потому что предпочел бы играть в настольный бейсбол сам с собой, да вообще почти что угодно предпочел бы, лишь бы не писать.

– Ты сам нахер заткнулся бы, а? – обычно отвечал отец.

Теда заинтриговало. Может, эти дневники – чис тый, незамутненный взгляд в прошлое, эдакий ключ к нему самому, вероятно способный отомкнуть будущее. Понять бы, что он есть, глядишь, смог бы стать чем-нибудь другим. Тед остановился на случайной странице и прочитал нечто вроде книжной рецензии.

14

«Лучший бейсбол», Томми Хайнрик⁹⁶

Начало этой книги про Томми Хайнрика который говорит про бейсбол, про защиту и про нападение почти во всех играх. в бейсболе нападение наверху, а защита на поле.

Ну, может, этот вот фрагмент сокровенного бейсбольного знания и литературной критики – не искомый волшебный ключ. Тед перелистнул несколько страниц и прочел запись, датированную «27/3»:

Я взял Уолта в Питер-Купер и [«я» зачеркнуто], как обычно, жалею об этом. Какой он зануда ничего не хотел делать вообще. [«Когда» зачеркнуто] не выношу когда кто-то так делает я не могу объяснить, но просто не выношу. Я встретил Ричи Гроссмена и Криса Моделла (Тяф-тяф) и Крис такой парень что говоришь что-то и он тебя раздражает. Представляешь что он делал с Уолтом. А еще я играл в баскетбол.

Тед задумался над этим обращением на «ты». Кто, по его мнению, слушал, что происходило в послевоенных небогатых кварталах Питер-Купера и Стёйвесант-тауна? Кому вообще нахер сдалось знать, что он думал или кого там раздражал той весной Крис Моделл? Тед услышал, как снизу его зовет отец. Сложил тетрадки обратно в тайник, до следующего раза.

Тед спустился и обнаружил отца в кресле перед телевизором.

– Как дела, Марти? – спросил он.

– Если не считать плоскоклеточного рака – восхитительно.

– Ты же понимаешь, о чем я.

– Я ссу вермутом и сру серебряными долларами.

– Потешно. Хоть и мучительно. Может, стоит провериться.

– Почему ты зовешь меня «Марти»?

– Потому что такое у тебя имя.

– Почему ты не зовешь меня «папа»?

– Почему ты не зовешь меня «сын»?

– По-моему, иногда зову. Разве нет?

– Не знаю. Наверное.

Затем:

– Хочешь, чтоб я тебя звал папой?

– Да похер, признаться.

Тед вздохнул и присел на диван. Потарасились в телевизор некоторое время, хоть он и не был включен.

– Цветное?

– Он не включен.

– Я знаю. Идет сейчас что, цветное?

– Ага. Техникolor. Мне не нравится. Японское. Бездушное.

– Пурист.

Молчание.

---

⁹⁶ «Лучший бейсбол», Томми Хайнрик – книга полностью называется «Путь к лучшему бейсболу» (1951), написана Томасом Дэвидом Хайнриком (1913–2009) по прозвищу «Хватка» (или «Старый верный»), американским профессиональным бейсболистом из Главной лиги бейсбола; всю игровую карьеру Хайнрик посвятил «Янки».

– Некоторые смотрят телевизор, но ты, я бы сказал, смотришь на телевизор. Ты его включаешь вообще?

– Часто теряю пульт. Игра вечером?

– Наверное.

– Работаете?

– Нет, они еще не вернулись.

Опять взгляды на телевизор. Проползла целая минута. Марти начал насвистывать что-то невнятное, а затем сказал:

– Нам не обязательно разговаривать, если тебе не хочется.

– Ага, у нас в последние пять лет неплохо получалось.

– Разве не год?

– Больше.

– Но ой как я скучал по этим вот отцовско-сыновним отношениям. Убиться прям.

– Не, не убиться, – сказал Тед.

Прошла еще одна бесконечная минута.

– Хочешь поговорить? – спросил Тед.

– Еще бы.

Но далее – ничего. Теду казалось, что он слышит каждый тик в очень шумных часах, как в программе «60 минут».

Марти заговорил:

– Не желаешь ли поговорить?

– А ты?

– Я первый спросил.

– Как хочешь.

– Ну, кажется, разговариваем.

– Да?

– У меня губы и язык шевелятся, воздух между зубами выходит.

– Это разговор. Верно.

– Или разговор про разговор. Славно, а?

– Ой да.

– Почему мы перестали разговаривать?

– Хочешь знать, как мы завязали с этим делом?

– Ага, ага.

– Я послал тебе книгу. Ты меня обозвал.

– Обозвал?

– Я послал тебе книгу, ты назвал меня гомиком.

– Ну нет.

– Да.

– А! – Марти рассмеялся, вспомнив. – Это плохо, доктор Бразерз?⁹⁷ Следует говорить «гомосексуалист», а не «гомик»? За этой ебаной словесной полицией не угонишься.

– Мне плевать, что ты сказал.

– Очевидно, нет. Очень даже не плевать.

– Меня это не зацепило. Просто ни туда ни сюда. Ты меня достал. Я послал тебе роман, спросил твоего мнения, а ты меня обозвал.

– Я не называл тебя гомиком. Я сказал, что ты пишешь, будто гомик.

– А, ну тогда, конечно, другое дело.

---

⁹⁷ Джойс Дайен Бразерз (Бауэр, 1927–2013) – американский психолог, телеведущая и колумнистка, с 1960 по 2013 г. вела в прессе ежедневную колонку советов.

– Ладно тебе, я просто хотел сказать, что тебе не помешало бы пожить жизнь.
– А при чем здесь гомосексуальность? Гомосексуалисты не живут жизнь?
– Это фигура речи.
– Херня. Обычный сексизм, расизм или что угодно еще. Не важно.
– Это фигура речи, умник-разумник. Не стать тебе писателем, если будешь париться о словесной полиции. Ум у тебя должен быть не Сингапур, а Таймс-сквер.

– Пусть.

– Ты бы предпочел, чтобы я процитировал твоего любимого Берримена⁹⁸ и сказал, что твоя блядская жизнь – «сэндвич с носовыми платками»?⁹⁹ Так оно тебе больше по вкусу? Та же херня.

Тед глубоко и шумно вдохнул, дыханием и губами почти слепил слово, но не вполне, и вроде бы на том и конец, но нет, не смог он этого так оставить.

– А может, дело в том, что твои три последние подружки были моложе меня. Меня от этого как-то...

– Пробило на ревность?

– Покоробило. Перекосило нахер от отвращения.

– Бонни!

– Ее так звали? Мне она известна под именем Младенчик.

– Бонни. Бонни, а до нее – Эмбер.

– Имечко для стриптизерши.

– Она и была стриптизерша.

– Спасибо.

– И доктор африканско-танцевальных наук, к твоему сведению.

– На эту тему диссертации не принимают.

– Это ты так думаешь.

– Двадцать пять?

– Да какая разница? Двадцать три. Ее запах, Тед, ее запах придавал мне здоровья.

– Иисусе.

– Моника. Надо ей звякнуть.

– Ты в зеркало не поглядываешь последнее время?

– Говнюк.

– Давай не будем, а?

– О, о, конечно, давай. Мы можем давать не быть хоть целый день.

Это было выше Тедовых сил, в груди возникла бесприютность. Он сунул руку в карман и достал косяк. Марти глянул неодобрительно, но затем полез в карман халата и вытащил склянку с обезболивающим – эскалация войны препаратов. Покосился на Теда: моя дурь круче твоей, я выиграл.

– Это что, валиум?

– Может быть. Не знаю, валиумно я себя чувствую или кваалюдово. Видишь ли, иногда мне нарциссово, иногда маргаритково.

– Иногда тебе идиотски, а иногда нет. Кваалюд – отличное слово для «Скрэббла», помогает скинуть избыток дешевых гласных.

– Не переносу «Скрэббл». Остановимся на 'люде.

---

⁹⁸ Джон Эллин Берримен (1914–1972) – американский поэт, формально относимый к «исповедальной» школе, значительная фигура американской поэзии второй половины XX века.

⁹⁹ «Сэндвич с носовыми платками» – отсылка к строке из 76-го стихо творения (1969) в цикле Джона Э. Берримена «Песни снов».

Тед пожал плечами и подпалил снаряд. Марти закинулся «Рорером-714»¹⁰⁰ и заодно несколькими таблетками витамина С конского размера, после чего сказал:

– За дым не беспокойся, у меня всего-то рак легких.

– Черт, – сказал Тед и, выдув дым в сторону, разогнал его руками. Тщательно затушил бычок и вернул его в карман. – Извини.

Некоторое время посидели молча.

– Пап?

Марти удостоверился, не ирония ли у Теда это «пап». Может, и нет.

– Да, сын?

– Хочешь погулять?

– Не, не очень.

Тед несколько откатился в себя, как уходящая волна. Почувствовал, будто сделал шаг навстречу в милю длиной, хотя на самом деле понимал, что не так уж далеко и шагнул. Скорее, на дюйм, но по ощущениям – гораздо дальше. Марти почувствовал этот отскок и перекинул кое-какой душевный мостик.

– Неважный из меня теперь ходок. Посеменить, впрочем, можно. Хочешь, своди меня посеменить?

---

¹⁰⁰ «Рорер-714» – кваалюд изначально выпускали компании «Рорер» и «Леммон», и на таблетках штамповали число «714».

15

Тед натянул куртку «Янки» – от утренней зяби, а Марти, в порядке контратаки, надел поверх халата куртку бостонских «Красных носков», а также, чтобы уж добить, – их бейсболку. Марти ходил теперь с палочкой, а иногда и на коляске, и ему приходилось опираться на руку Теда. В конце квартала размещался зеленый газетный киоск, Марти покупал там «Пост». «Таймс» ему доставляли, а вот в чтении «Пост» Марти признаваться не хотелось. Да и никому не хотелось. Спортивный раздел – исключение. Марти приходил к киоску поболтать с другими стариками, которым нечего было делать – лишь посасывать окурки неподожженных сигар, жаловаться, нести чепуху о спорте и все утро напролет врать друг дружке. Эти люди обитали в округе, сколько Тед себя помнил. Марти, всю жизнь проработав рекламщиком, ошивался с ними редко. Но как ушел на пенсию пару лет назад, принялся проводить на углу все больше времени, и эта община стариков, этот польско-русско-черно-итальяно-ирландо-греческий хор стал его общественной жизнью.

По дороге к киоску Марти с бухты-барахты произнес:

- Мариана.
- Что?
- Медсестру зовут Мариана.
- Я не спрашивал.
- Правда?
- Не, не спрашивал.
- Хм.

Марти знал, кажется, половину публики – и шедшей мимо, и торчавшей из окон. Похоже, личина заскорузлого старого мудака существовала не для одного Теда, но соседей по кварталу она скорее веселила, чем раздражала. Их обогнала молодая пара с прогулочной коляской и малолеткой в ней, и Марти шепнул ребенку:

- Пять с половиной игр, поганец ты мелкий.

Отец ребенка рассмеялся и сказал:

- Доброе утро, мистер Сплошелюбов.

Пожилая женщина высунулась из окна своего насеста на третьем этаже и крикнула:

– Эй, Сплошелюбов, спринтер сраный! – Марти засветил ей средний палец. Она хохотнула. – Я испекла банановый хлеб, Марти, а это Тед? – спросила она, будто видала его вчера, а не пятнадцать лет назад.

- Да, здрастье, миссис Хэгер, это я.
- Господи ты боже, Тед, сто лет, сто зим. Охо-хо, как летит время.

Марти вякнул в ответ:

- Да, милая Бетти, время летит быстро, зато дни охуеть какие длинные.

Бетти встреча с Тедом, похоже, действительно тронула – она все качала головой: чертово это время, медленно-быстрое.

- У меня бананового хлеба хватит на вас обоих. Зайдите на обратном пути.

Квартал до киоска на углу они преодолевали поразительно долго. Но так теперь стало у Марти. Теду нужно приспособиться. Седые пантеры¹⁰¹ околачивались тут исключительно с целью убить ползшее, как улитка, время. Хозяин киоска Бенни был один к одному Чезвик из «Кукушк ина гнезда». Штиккер – толстый австрийский еврей, вечно гремевший горстями четвертаков в кармане, словно радостно страдал некой разновидностью нумизматической слоновой болезни. Айвен, очень светлокожий черный, вечно спихивал кончиком трости сигаретные

¹⁰¹ «Седые пантеры» (с 1970 г.) – американская организация, занятая защитой прав пожилых людей.

бычки с тротуара в водосток – ни дать ни взять крайне специализированный дворник. Весь из себя фронт Танго Сэм, напоминавший престарелого Берта Ланкастера¹⁰², казалось, не ходил, а танцевал. Когда Тед с Марти подобрался к киоску на расстояние вопля, Танго Сэм заговорил:

– Марти, ах ты фу-ты ну-ты, пенсионер двенадцати вице-президентов седьмой крупнейшей рекламной конторы на Восточном побережье, выглядишь великолепно, одолжи полтинник.

Марти ткнул большим пальцем в Теда:

– Помнишь моего неблагодарного отпрыска? Это мой усыновленный ребенок, Лорд Фенуэй, повелитель арахиса со стадиона «Янки».

Старики пригнули головы, как пасущийся скот. Из-за магазинной стойки заговорил Бенни, но видно его почти не было – коротышка:

– Ой-вэй. Тедди. Сорванец, я тебя не видал с тех пор, как ты был во такусенький. – Он показал рукой в паре дюймов от своей макушки, поскольку «во такусенький» – это чуточку выше, чем он сам. У Бенни всегда был вид, будто он того и гляди горестно-радостно расплачется. – У меня есть «Спортс Иллюстрейтед». И «Пост». А девочки тебе нравятся? Есть «Плейбой».

– Этот вопрос пока открыт, – вставил Марти.

Бенни продолжил:

– Заткнись, Марти, я разговариваю с человеком, который еще жив. А еще у меня есть «Уи» и «Клуб», если ты не склонен к таинственности. Кушать хочешь? Может, Голденберговых батончиков? В них арахис. Здоровая пища. Белок.

– Приятное лакомство эти Голденберги, – добавил Штиккер.

– Нет, спасибо, Бенни. Спасибо.

Следуя некому таинственному суфлеру у себя в голове, заговорил Айвен:

– Видал, Швеция запретила аэрозольные баллончики?

Танго Сэм шагнул к Теду и сжал его руку обеими своими.

– Тедди, выглядишь великолепно, одолжи полтинник.

– Привет, Танго Сэм, привет, Айвен.

Айвен отвлекся от пихания бычка тростью в сток и сказал:

– «Носкам» не хватает черных игроков.

Все хором застонали. Штиккер подал голос:

– Хватит вам и Реджи Джексона. Чистое бедствие. А ты и не черный вовсе, Айвен, не бывает черных с таким именем. Невозможно это. Как единороги. Или ветка «Вторая авеню»¹⁰³. Эй, Марти, иди сюда, я тут вычитал в журнале «Тайм», что можно угадать возраст человека, сунув палец ему в зад.

– В «Тайм» про это было?

Бенни сказал:

– Да мне просто жалко всю семью Валленд¹⁰⁴. – Он словно вел разговор, который никто, кроме него, не слышал. Но как бы ни разбрасывало темы, ничто не могло помешать чокнутому ходу бесед этих людей – отсутствие хода этим ходом и было.

– Или в «Ньюсуик», – продолжил Штиккер. – Или, может, в «Сайнтифик Америкен».

– В «Нэшнл Джиографик».

---

¹⁰² Бёртон Стивен «Бёрт» Ланкастер (1913–1994) – американский кино актер, обладатель премий «Оскар» и «Золотой глобус» (1961), призер Венецианского (1962) и Берлинского (1956) кинофестивалей.

¹⁰³ Ветка «Вторая авеню» – проект скоростной линии метро на Манхэттене; первый замысел возник в 1919 г., однако завершение строительства планируется лишь к концу 2016 г.

¹⁰⁴ «Летучие Валленды» (с 1922 г.) – немецкого происхождения династия эквилибристов-акробатов-каскадеров на проволоке, выполняют все свои трюки без страховки; в период с 1962 по 1978 г. труппа пережила несколько смертей и травм в результате падения с проволоки; 22.03.1978 погиб во время выполнения трюка основатель труппы Карл Валленда.

– В «Эдвокейт».

– Так нечестно, моя очередь была, – вставил Айвен.

– Раз в неделю, Айвен, мы об этом толкуем, но не чаще.

– Все так и есть.

– Как кольца у дерева. Ему семьдесят восемь.

– А что это за «Космические захватчики»¹⁰⁵ такие? Кто-нибудь слышал?

– Он прав, мне семьдесят восемь.

Марти включился в разговор:

– Похоже, заднице его сотня все же.

– С графиозом и с японской эпидемией жуков. Придется отрезать, чтоб на яйца не перекинулось.

Теду захотелось потрепаться.

– Ага, небось сильнее всего птички достают, яйца всюду откладывают... – И умолк, почуввав перемену погоды. Полная тишина. Как в модной рекламе Э. Ф. Хаттона¹⁰⁶. Старики повертели головы и уставились на Теда с возмущенным недоумением. – Что? – спросил Тед. – Жопа у него – как дерево, значит, птицы могут откладывать яйца Айвена в жопе, как в дупле. На дереве. Его жопа – дерево в этой шутке, стало быть, птицы... Я просто...

– Непристойно, – произнес Айвен пренебрежительно.

Штиккер вмешался с отвращением:

– Марти, языкастый какой парень-то. Нельзя так говорить про хер и яйца другого мужчины.

Марти умиротворительно вскинул ладони:

– Приношу свои извинения, господа. Иисусе, Тед, кто тебя воспитывал?

– Да ладно... – возразил Тед.

Танго Сэм чечеткой приблизился к Теду:

– Теодор, лишь я тут люблю и прощаю тебя. Одолжи полтинник.

И старики дружно заржали. Седобородое стадо хохотунов, включая Марти. Впервые после больницы Марти смеялся. Тед улыбнулся. Он готов быть посмешищем – лишь бы отец смеялся.

---

¹⁰⁵ *Space Invaders* – видеоигра для аркадных автоматов, разработанная Томохиро Нисикадо и выпущенная в июне 1978 г.

¹⁰⁶ Брокерская компания «Э. Ф. Хаттон и Ко.» выпускала в 1970-х гг. рекламные ролики, где, когда речь заходила о рекомендациях компании, публика умолкала и прислушивалась; рекламный девиз компании – «Говорит Э. Ф. Хаттон – люди прислушиваются».

16

Ближе к ужину Тед отправился добыть какой-нибудь китайской еды. Ему до зарезу требовалось накуриться, но он не хотел дымить на отца. Заначка осталась дома, и по дороге в «Нефритовую гору»¹⁰⁷ он зашел в ямайский ресторан под названием «Бруклинский джерк»¹⁰⁸ и купил там пакетик «расты» за пятерку. Почти сплошь стебли и семечки – все равно дрова, лишь бы грело. Тед посмеялся про себя: все равно трава, лишь бы грела, – скрутил в машине косячок и скурил его дотла. Ему тут же полегчало, он закрыл глаза и прислушался к регги, долетавшему из ресторана клочком карибского неба. Но регги приходилось перекрикивать адское диско, что вопило из проезжавших машин. В то лето диско было везде. А над предыдущим властвовал Сын Сэма¹⁰⁹ со своей сверхнастоящей бойней и главенством в таблоидах. Теперь же никто не желал ничего настоящего, и диско эскапистским требованиям вполне соответствовало. Но как же Тед его не выносил. Лихорадка субботнего вечера¹¹⁰, по мнению Теда, была хуже бубонной чумы.

Даже «Стоунз» когда-то – парни с хардрокковым зачетом, герои плакатов – заполнили собой чарты с убийственной, хастлопригодной «Скучаю» и ее дебильной басовой диско-партией. Уаймен¹¹¹ убрал Ричардса, а Джаггеру, похоже, было насрать, пел себе дальше.

Мамочкам можно было наконец выдохнуть: Мик на поверку оказался не Антихристом, а Тони Орландо¹¹². И хотя Тед, может, и не против был бы, если б по нему сохли девчонки-пуэртиориканки, «Скучаю» – все, что нужно было знать о плачевном состоянии поп-музыки летом 78-го. В ноябре, после чемпионата мира, Род Стюарт еще озвучит надир падения рок-н-ролла песней «Ну и как, я сладкий?». (Хер там, ответил бы Тед, ты нелепый.) Но это ж Род Стюарт, он всю дорогу был эдаким клоуном с отличным хаером. А тут «Стоунз». Это вам не Дилан подался в электричество – это Дилан Донну Саммер¹¹³ изображает. Это Грегг Оллмен начал ухлестывать за Шер¹¹⁴. Танцевальная музыка безо всякого смысла, лирический субмаризм. «Диско отстой» – вот надпись на футболке что надо.

Тед попытался оградить разум от проникновения в него через уши «Последнего танца»¹¹⁵ из уличных транзисторов. Затем пришлось отбиваться от кошмарных братьев Гиббов¹¹⁶ и от подарочка клятого младшенького из этого писклявого, протейского и, похоже, бесчисленного

¹⁰⁷ «Нефритовая гора» – китайский ресторан в конце Второй авеню в Нью-Йорке; работает с 1931 г.

¹⁰⁸ Джерк – вяленое мясо, характерное блюдо индейской, мексиканской, карибской кухонь.

¹⁰⁹ Дэвид Берковиц (Ричард Дэвид Фолко, р. 1953) – американский серийный убийца, держал в ужасе весь Нью-Йорк с весны 1976 по август 1977 г., убил и ранил свыше двадцати человек, приговорен к шести пожизненным заключениям; кличка «Сын Сэма» происходит от признания Берковица на допросах, что к убийствам его подталкивал бес, вселившийся в собаку соседа по имени Сэм.

¹¹⁰ *Лихорадка субботнего вечера* – отсылка к музыкальному кинофильму *Saturday Night Fever* (1977) режиссера Джона Бэдэма, с Джоном Траволтой в главной роли.

¹¹¹ Билл Уаймен (Уильям Джордж Перкс, р. 1936) – британский бас-гитарист, участник группы «Роллинг Стоунз» (с 1962 г.).

¹¹² Майкл Энтони Орландо Кассавитис (р. 1944) – американский профессионал шоу-бизнеса, солист поп-группы «Тони Орландо и Дон» (1970–1977, 1988–1993).

¹¹³ Донна Саммер (1948–2012) – американская диско-и ритм-н-блюзовая певица.

¹¹⁴ Грегори Лемуар «Грегг» Оллмен (р. 1947) – американский госпел-, кантри и блюзовый певец и музыкант, вокалист, органист и автор песен в группе *The Allman Brothers*; Шер (Шерилин Саркисян Лапьер Боно Оллмен, р. 1946) – американская поп-певица, автор песен, актриса, режиссер, музыкальный продюсер, состояла в браке с Грегори Оллменом (1975–1979).

¹¹⁵ *Last Dance* (1978) – сингл Донны Саммер.

¹¹⁶ Братья Гибб, известные преимущественно как «Би Джиз», – австралийская музыкальная группа (1958–2003, 2009–2012), состоявшая из трех братьев: лидера-вокалиста Барри Гибба, второго лидера-вокалиста Робина Гибба и клавишника-гитариста Мориса Гибба.

австралийского клана – «Теневых танцев»¹¹⁷, № 1 по «Биллборду»; Тед постарался настроить внутренний слух на Боба Марли, добродетельно струившегося из «Бруклинского джерка». Регги с битом работала по-настоящему – в ней гитара и бас менялись местами. Гитара подавала ритм, а бас крал мелодию. Революция. Боб желал спеть Теду, что ему не надо волноваться, что все до последней мелочи будет в порядке¹¹⁸. Ну не знаю, Боб. Не знаю. Но Боб Марли – свой чувак. Боб говорил: «Когда куришь траву, она являет тебе тебя». С этим Тед не спорил. А еще он соглашался и с обратным. Что трава прячет тебя от тебя. Ему по нраву было и то и другое, по нраву противоречие. В сознании всплыл образ давно покойной матери – лицо на коробке со стиральным порошком. Как миссис Порядок. Странно это и словно бы со смыслом – но с каким? Привести жизнь в порядок? Не известно. Тед закрыл глаза и выпихнул коробку с порошком прочь из головы. Одного родителя явить, другого скрыть. Разбираться с родителями надо по очереди, одного сейчас более чем достаточно.

---

¹¹⁷ *Shadow Dancing* (1978) – второй альбом поп-вокалиста Энди Гибба, младшего из четверых братьев Гибб.

¹¹⁸ *...все до последней мелочи будет в порядке...* – отсылка к песне Боба Марли «Три птички» (*Three Little Birds*) из одноименного альбома (1977).

17

Тед решил, что случайный образ матери на коробке с порошком – знак прибраться у Марти, чем Тед весь вечер и занимался. Дом за много лет оказался *u#ber*¹¹⁹ -загажен, и Тед вскоре близко познакомился с запахами и гнилостным отторгаемым отцова захватнического заболевания. Стирка заняла не один час, набралось несколько мусорных пакетов древних бумажных платков, на которых засохло бог весть что. Теду не хотелось знать, что именно. Животно-минерально-растительное – три в одном? Мог бы и Джимми Хоффа¹²⁰ найтись, мало ли. Тед продолжал батрачить. За своим хозяйством он, вероятно, хреново следит, однако это не значит, что у него не выйдет следить за хозяйством отца. Хоть какое-то занятие, и благодаря ему натянутое молчание между отцом и сыном казалось не таким вопиющим. Если Тед не понимал, что перед ним за предмет, – отправлял его в мусор, не приглядываясь.

Когда Тед наконец сдулся, они разогрели китайскую еду и поели перед телевизором, под спортивные новости. И отцу, и сыну больше прочих нравился «Аббалденный» Билл Мэйзер¹²¹ с «Дабыю-эн-и-дабыю». Аббалденный рассказывал публике, что на стадионе Фенуэй выиграли «Янки». Кажется, Марти раскашлялся из-за этого проигрыша. Тед набил рот оранжевым студенистым куском жареного чего-то, что преимущественно моноязычные ребята из «Нефритовой горы» именовали «кисло-сладкой свининой». У Теда на сей счет были подозрения. Еще когда он рос, бродил слух, что в «Нефритовой горе» в дело идут собаки. Там, может, каждый год – Крысы или Собаки. Тед понятия не имел, чье это мясо посерединке сладкой, хрустящей оранжевой слизи – да и мясо ли вообще, и решил не думать, как именно они там добиваются этого охренительно оранжевого оттенка, но хавчик был что надо.

– Хватит злыдничать, – сказал Марти.

– Чего это?

У Марти аппетит стал так себе. А вот Тед у себя в тарелке скатывал палочками цыпленка ло-мейн, жареный рис и кисло-сладкий соус-клей в чудовищную массу и лопал все это как единое целое – так акула дерет тушу мертвого кита. Не считая чавканья и звуков из телевизора, было тихо. Тед отхлебнул пива.

– Эй, а что там в итоге с медсестрой? Этой, как ее звать, Мария? Мария Что-то-там-испанское?

Марти рассмеялся.

– Что смешного? – спросил Тед.

– Что-то-там? Думал про нее с тех пор, как познакомились, тыщу раз на карточку ее глядел, может, даже нюхал, – отлично ты помнишь ее имя. Может, только поэтому и сидишь тут сейчас со мной. А ну как она сюда явится. Насквозь тебя вижу.

– Вообще не понимаю, о чем ты.

– Она – моя. Ты не потянешь. Она испашка, поэл?

– Да, мы уже установили, что она латиноамериканка, ага.

– Тебе на нее соку не хватит, живой крови.

– Гадость какая.

– Латынь ты, сынок, понимаешь, а вот латиносок – нет, врубаешься?

– Это ты у нас мачете машешь.

¹¹⁹ Сверх- (нем.).

¹²⁰ Джеймс Риддл «Джимми» Хоффа (1913 – официальная дата смерти 30.07.1982) – американский профсоюзный лидер, неожиданно исчезнувший при загадочных обстоятельствах (19 75).

¹²¹ Билл Мэйзер (ур. Моррис Мэйзер, 1920–2013) – американский теле- и радиоведущий.

– Жаль, я позволил твоей матери разбодяжить тебе добрую ветхозаветную кровь хлипкостью первоприпльвших англосаксов-протестантов. Думал, если смешать, тебе, дворняжке, живости прибудет, но...

– Ладно, пап. Я понял.

– У меня хер набрякал так, что я в нем свое отражение видел. Как в зеркале.

– Это несколько не по существу.

– Хер мой. Что с ним случилось?

– Член потерял?

– Не помню, куда сунул.

– Еще бы.

– Пшел ты.

– Ну здрасьте.

– Куда он делся?

– Я, пап, уж точно не знаю и, думаю, знать не хочу.

– Твоя мать...

– Перестань! Нет!

– Ладно, не хочешь говорить – передай дистанционку.

– Пульт? А где он?

Марти показал на свой тапок. Тед пожал плечами. Марти опять показал на тапок, Тед поднял его, заглянул под. Марти протянул руку. Тед выдал ему тапок. Марти швырнул его в телеящик и мастерски его выключил. Дистанционка.

– Было дело, я мог хером с канала на канал переключаться.

– Ой, чушь какая, Марти, ты и с семьи на семью переключаться мог бы, раз так.

– Во, настоящий человек заговорил. Заткнулся бы уже? Ты понятия не имеешь, о чем толкуешь. Вечно шпионил для мамочки.

– Знаешь, подобные херазговоры могут быть для ребенка травмой.

– *Травма* – херня, а не слово. Жалко тебя, ты ж из Поколения Кисляев. Вам все – «травма».

– Детям – да.

– Ты – дитя?

– Нет. Но был – в те поры, когда ты знал меня, я был ребенком.

– Может, и сейчас все еще.

– И чья это вина?

– Полагаю, твоя, не?

Оба уже тяжело сопели. Тед собрался уйти. Марти попытался его остановить:

– Ладно, не видел я своего отражения на елде у себя, если честно. Ну, так, что-то расплывчатое. Утешает? Взрослит это тебя?

– Ага, пап, взрослит.

Тед рванул прочь из дома.

Марти крикнул ему в спину:

– Ну вот, а все только стало налаживаться.

18

Тед сел на скамейку и закурил ганджу, добытую в «Бруклинском джерке». Нью-Йорк – что надо город, если хочешь одиночества в толпе. Растаманы с ним не заговаривали. Братство косяка косяков в общении не допускало. Это ему и нужно было. Тед достал старый дневник – из тех, что он вел, когда ему было одиннадцать, и принялся читать:

Ужасный день! Лига боулинга плохо – 124, 108 (!), 116! Средний годовой результат у меня теперь – 134,7538568. На улице делать нечего потому что дождь и я пошел к Уолту мы играли в Апбовский¹²² карточный футбол и смотрели футбол. [Изображение футбольного мяча] я не огорчился когда проиграл 54 цента, но обрадовался когда выиграл у Уолта 10:7 в футбол. У меня было дурашливое настроение. Все смеялся и смеялся. Смеялся над всяким [так и написано] но мне было отлично. Я не имел права чувствовать себя отлично потому что завтра в школу. За каникулы я ничего почти не делал вообще боженствовал [так и написано]. Так мне было плохо боженствовать, так плохо что даже захотелось в школу (ничего личного). Не очень-то каникулы вышли.

Тед задумался, что за мальчишка он был. Вроде совсем другой человек, а все же он. Кто этот ребенок, объявлявший о проигрыше 54 центов? Тед порадовался точности этих 54 центов и вспомнил, какое почти паранойальное беспокойство о деньгах внушила ему мать. Подумал: да, это хорошее письмо – хорошее письмо должно быть точным. Я еще тогда это знал. Запомню заново, спасибо себе самому. Один приятель Теда, взрослый человек, говорил, что неустанно упражняется в игре на гитаре, чтобы однажды сыграть так, как «играл в четырнадцать лет». Дитя мужчине есть отец. А средний результат по боулингу? Одержимость статистикой, чистота и мощь числа, прописанного до седьмого знака после запятой, словно истина, спрятанная в золотом сечении. Он чувствовал, как его юная ипостась ищет в этих цифрах устойчивость, ключи к самому себе: я – очень конкретное, приверженное цифрам существо. Я есть 134,7538568. Неуязвимое «я есть». Цифры делали мальчика настоящим, а вот мужчина себя настоящим пока не ощущал. Где они теперь, его цифры? Облупилась ли его ДНК? Какая математическая последовательность открыла бы ему его самого, сняла завесу иллюзии и шкуры и явила среднее по боулингу его души? Он листал дневник и видел автографы знаменитых бейсболистов, страница за страницей. Все поддельные, выполнены подражательной рукой юного Теда. Он откинул голову, улыбнулся и вспомнил те времена: Тед часами тренировался выводить эти подписи, словно примерял чужие личности на себя. Большие личности – Тед Уильямз, Боб Феллер, Джимми Фоккс¹²³. Тысячи раз выведено это двойное «к». Будто способность писать, как эти герои, превратила бы Теда в них, забросила его на Олимп. Подсказки – в цифрах. Подсказки – в буквах. Подсказки. Страница за страницей подделки – не потому что он собирался их продавать, а потому что хотел стать ими.

До сих пор ли он все тот же фальсификатор души? Цепляющийся, зыбучий мальчик? Ребенок, что не мог себе позволить быть «дурашливым», кому не нравилось боженствовать/блаженствовать? Не мальчишеское это слово. Оно библейское. Ребенок попугайничает за взрослыми. Юный Тед, кукла чревоушателя. Тот ли он, Тед, мальчик, который все это

¹²² APBA – компания-производитель игр (с 1951 г.), сначала настольных, позднее – компьютерных.

¹²³ Теодор Сэмюэл «Тед» Уильямз по прозвищу «Замечательная Заноза» (1918–2002) – бейсболист Главной лиги, позднее – управляющий; играл за бостонские «Красные носки» (1939–1942, 1946–1960), один из величайших подающих в истории бейсбола; Роберт Уильям Эндрю Феллер (1918–2010) – бейсболист Главной лиги (18 сезонов), из команды кливлендских «Индейцев»; Джеймс Эмори «Джимми» Фоккс (1907–1967) – первый бейсмен в истории американского бейсбола, отыгравший 20 сезонов в Главной лиге за четыре разные команды.

написал, – просто с обогащенным словарным запасом, со словами длиннее, что уводят его все дальше от простых чувств, стирают их? От глубинного стыда и дурашливости. Он ли это сам – или он-ребенок? Или и сам, и ребенок? Кто ведет самолет? Еще точнее: кто из них – лучший летчик?

19

Осень 1946 года

Младенец не мыслил себя младенцем. Младенец не мыслил. Младенец ощущал. Младенец был всем, что вообще есть. Младенец был небом, морем и молоком. Младенец был нутром и наружей. Единое целое, гладкий сияющий совершенный мир. Младенец был всем, нах. А затем случилось отпадение. Сама нужда младенца и есть Отпадение. Из-за нужды младенец распался надвое, нужда лишила его цельности, сделала несовершенным. Я не цел, пока не получу вот это. Положите это мне в рот, положите это в меня. Нужда заставляла его плакать. А теперь еще и вот это. Новая боль. Новая боль – хуже нужды. Это нужда другого порядка. Нужда не получить что-либо желанное, сама по себе скверная, а нужда освободиться от чего-то наличного, но нежеланного. Жажда Отсутствия, Тьмы, Ничто. Слишком сложно и ново. У меня есть лишь голос и гнев – ощущал ребенок, – праведное чувство несправедливости, злость на Бога. Младенец осознал Бога – еще одно отпадение. Прежде младенец был Богом, а теперь есть еще один Бог. Здесь. Рядом. Идет со мной, говорит со мной. Вот Он. Вроде боится. Что это за Бог, если боится? Он разговаривает. Называет меня. Ищет оправданий, делает ставки. Заключает сделки с дьяволом, что сидит у меня в груди. Наказывает меня. За что? Младенец не понимал, в чем он оплошал. Я же не оплошал ни в чем – чувствовал младенец. Значит, со мной что-то неправильно, младенцедумал младенец. Я сам есть Неправильность. Вот что этот Бог говорит мне в лицо. Я сам – вот что неправильно. Правильно. Значит, так тому и быть. Я принимаю свою судьбу. Но я все равно буду Его любить, а зная, что я плох, – даже сильнее. Лишь Он знает меня, отторгает меня, сражается за меня с дьяволом и обнимает холодной ночью. Спасибо, Отец.

20

Финальные результаты Теда Уильямза (1946)¹²⁴

ВБ	У	ХР	ЗКО	БЗМ	СР*
514	176	38	123	156	,342

Самый ценный игрок

Молодой отец сидит у больничной кровати младенца-сына. Может, они слишком затянули с походом к врачу. Взгляд врача, когда они прибыли, сообщил им это в точности. Мальчика подсоединили к трубкам, проводам и машинам, и он уже так долго и так надсадно плакал, что рот у него остался открытым, но больше ничего не было слышно. Ребенок кричал беззвучно. Словно был так далеко, что отец не мог его слышать, будто сын недосыгаем, уже в другом измерении – уже в долине смертной тени. Отец осознал, что мысленно именуется младенца «это», как вещь, и тем создает между ними расстояние. Нужно прекратить. «Это» – труп, а мальчик – все еще «он». От мук и ребенка отцу хотелось убить себя, выпрыгнуть из окна, выскочить из собственной шкуры. Невыносимо.

Маленькие легкие наполняла жидкость. Возможно, менингит. Придется делать пункцию. В позвоночник его сыночка воткнут иглу, шип – в корень его существования: в ребенка пырнут, вытянут из него жидкость, кровь жизни. И тогда отец убьет врача – за то, что его ребенку делают больно. Отец склонился к младенцу: от ребенка пахло болезнью. Отец не смог его защитить, а это единственная обязанность отца, и он ее не выполнил. Ему хотелось уйти и обо всем забыть. Начать заново. Встретить другую женщину, родить другого сына, сделать так, чтобы все это обернулось скверным сном. Уехать в другую страну, выучить другой язык, сменить имя.

Он прижал палец к крохотной ладошке мальчика. Та не откликнулась. Едва ли не первый инстинкт, какой есть у едва родившегося ребенка, – сжимать приложенный к его ладони палец: младенец словно говорит «да» самой жизни, «да, я держусь», «да, я схватился». Да, я вступлю в игру жизни. А сейчас – ничего. Отец склонился к маленькой головке. Холодная, влажная, липкая. Пух волос сваялся. Отец знал: там бес, пустил корни в легких. Отец знал. Дьявол вселился. Отец изгонит беса.

Отец заговорил с мальчиком, в мальчика, сквозь него – бесу: «Ты трус. Сучий потрох. Всю гордость растерял? Уничтожаешь младенца. Чего не идешь на честный бой? Считаешь себя убийцей? Иди в меня. Пидор. Хуесос. Нацист. Иди в меня». Отец теперь совсем близко от мальчика – он прижал губы к его рту.

Мать смотрела на него из другого угла палаты, слышала «пидор» и «хуесос» – и не понимала, что происходит. Она падала, кружась, в свою личную пропасть беспомощности. Уповала на науку, на врачей, а муж пусть уповает на гнев, заклинания и проклятья. Так они прикроют все тылы, заполняют пробелы. На это и нужны двое родителей. Отец раздвинул губы ребенка своими. Словно собрался отдать ему свой воздух, вздох жизни – искусственное дыхание рот в рот. Но отец не вдыхал и выдыхал – он высасывал. Высасывал отравленный воздух из легких мальчика в свои. Или так ему думалось. Так он себе мыслил.

Отец проглотил воздух и вновь присосался, глубоко, подержал этот воздух в себе, выдохнул и сказал: «Иди в меня, бес. Или в меня, поглядим, сумеешь ли ты убить мужчину. Ссыкло

¹²⁴ ВБ – выходы на битую; У – удары; ХР – хоум-раны; ЗКО – заработанные командой очки (после действий отбивающего – бэттера); БЗМ – базы за мяч; СР – средний результат отбивающего.

ты, слабак. Оставь ребенка, возьми меня, попробуй-ка одолеть мужчину, мудло ты сраное. Наци пидор хуесос».

Взгляд мальчика сосредоточился на отце, и отец вмиг осознал, что мальчик неверно понял оскорбления – подумал, что это его отец зовет слабым и никчемным. Пидором. Хуесосом. Сраным. Слова, пока неведомые, отложились в крохотном, гибком, восприимчивом уме, проникли в сердце и там преобразовались в чувство. Отпечатались в паспорте самого существа его. Отец постиг это – постиг, что они друг друга не поняли, но объясниться сейчас не мог. Ни сейчас, ни потом. Объяснить, что он смертно согрешил в дословесном мире и потому эта рана останется навеки неназываемой, неизлечимой. Что он обрек сына своего на целую жизнь в сомнении.

У отца не было времени сожалеть. Жизнь в сомнении – все-таки жизнь. Таковы условия сделки. С этой болью он мог жить дальше. Они оба могли жить дальше с этой болью. Жить – вот так. Времени не существовало. От врачей никакого проку. Отец открыл рот, в третий раз приложился к раскрытому рту сына и снова вдохнул в себя вирус, беса, глубоко. Почувствовал, как что-то мерзкое и мощное вошло в него – как дым древних ритуальных костров, что-то со вкусом смерти, отныне и вовек. Мальчик закрыл глаза и решил поверить в этого мужчину, во все, что этот мужчина думал и делал, благое и скверное. Мальчик выдохнул отцу в рот – глубоко, любовно, смиренно. Он – никчемное говно, зато он будет жить дальше. Будет жить. Он принял бой. Ладонка мальчика сомкнулась вокруг отцова пальца – накрепко.

21

Когда Тед вернулся к Марти, был уже третий час ночи. Он вошел в дом как можно тише, вспомнив, как, бывало, еще старшекласником крался к себе, виноватый и обдолбанный. Вообще-то он и сейчас крался к себе, столько лет спустя, виноватый и обдолбанный. Мало что меняется. Проходя по коридору, увидел отца – тот спал в баркалокресле¹²⁵, озаренный телевизионной статикой. Встреча при свете настроечной таблицы, подумал Тед. Двинулся на цыпочках к лестнице, но недостаточно тихо. Марти заговорил:

– Мы не закончили нашу задушевку, а?

Тед остановился, вернулся в гостиную. Выключил телевизор и замер в темноте, прореженной лишь уличным фонарем.

– Ничего, пап. Все нормально.

– Нормально? Ничего?

– Я подумал, с утра продолжим, где остановились. – Теда устроило бы не продолжать совсем.

– Не уверен, есть ли у меня завтра. Нет у меня времени на херню. Рак сделал из меня буддиста – я полностью в настоящем, детка.

– Я не ссориться к тебе приехал.

– А ради чего ты приехал?

– Потому что ты меня позвал, пап. Спокойной ночи. – Тед собрался уходить.

– Не надо тебе курить травку.

– Что?

– Паршивое это дело.

– Ты, что ли, отца включить решил? Издеваешься?

– Я отца не выключу, пока не помру. Еще неделю, со вторника начиная. Покуда один из нас не помрет.

Даже в темноте Тед видел, что отец очень устал, а проснувшись от дремы, был еще и уязвим, и сны обволакивали его, как некогда – сигаретный дым.

– Ладно, пап, слушаю. У тебя есть байка про травку?

– Пробовал я ее разок. Травку.

– Травку.

– Запараноил на какой-то богемной вечеринке на Чарлз-стрит, в пятидесятые, что ли. Аллен Гинзберг клеил меня, весь «Вой» целиком прочел, держа руку у меня на коленке. Рука у него – что костлявый волосатый паук. *Фейгеле*¹²⁶. Да ни за что. Не понимаю, чего ты на меня так залупаешься, Тедди.

– Ты не понимаешь, почему я залупаюсь?

– Нет. Твоя мать любила тебя за нас обоих.

– Ха.

– Она тебя обожала, старалась сделать из тебя маменькина сынка, весь бойцовский дух у тебя отбила.

– Глубоки твои представления о семейной динамике.

– О, мистер Коламбия голос подает. Знаешь что? Я в Коламбии не учился. Я учился в Нью-Йоркском универе по Солдатскому биллю¹²⁷. В Плющ не пошел, потому что мне на это

---

¹²⁵ Баркалокресло – массивное мягкое кожаное кресло, производимое американской компанией «Баркало» (с 1941 г.).

¹²⁶ Гомосексуалист (*идиши*).

¹²⁷ Солдатский билль о правах – закон о правах военнослужащих, подписан президентом Ф. Д. Рузвельтом 22 июня 1944 г., предусматривал образовательные льготы для ветеранов.

денег не хватило бы в те поры, а еще потому, что надо было урыть Адольфа Гитлера голыми руками и *отитанить* Гиммлера в *тукес*¹²⁸.

– Я был болезненным ребенком.

– Ты, да, был болезненным ребенком, но мать тебя нянькала всю дорогу. Врубала режим повышенной боеготовности четвертого уровня по любому чиху. К тебе через всю это мамалюбовь не пробиться было.

Тед-писатель задумался, не в одно ли слово и впрямь – *мамалюбовь*.

– Ну, может, она мне и дарила всю свою мамалюбовь, как ты ее именуешь, потому что ты не принимал ее женолюбовь.

– Веский довод. Спасибо скажи.

– А тут-то за что?

– Поблагодари меня за то, что я своей самцовой хладностью дал твоей маме, ну, одарить тебя всей ее материнской любовью, которая, со слов Фрейда, вселяет в юношу уверенность. Зиги говорил, что мужчина, уверенный в материнской любви, может достичь всего на свете.

– Уверенность? Это ее ты во мне видишь? Я ж Господин Арахис!

– Ты эту дурацкую работу делаешь, чтобы платить по счетам и заниматься писательством.

– Как ты смеешь вставать на мою сторону? Поздно!

– Что?

– Не оправдывай меня.

– Если б кто говорил о тебе, как ты сейчас о себе, я б тому жопу надрал.

– Так давай, надери мне жопу. Как в старые добрые времена. Или, может, призовем Сестру Смерти, пусть поможет нам. Поможет нам взять власть над нашим повествованием – за эту херню ты платишь, да? Думаешь, будто жулика и парнишку-глубинщика¹²⁹, который всю жизнь жил, понуждая людей хотеть то, что им не нужно, не сможет ослепить пара приличных сисек. Ты – как смерть в Венеции: жулика наконец обжулили.

– Прекрасные сиськи.

Тед лишь глянул себе под ноги и покачал головой. Марти на тему сисек мог распространяться долго. Он прямо посветлел – и даже сделался чуточку милым. Сила жизни, пусть потрепанная и недееспособная, в старике все же теплилась. Мило – и несносно.

– Да ладно, Тед, ну красивые же сиськи. Она прямо Ава Гарднер¹³⁰, только испашка.

Временами остановить Марти можно было, лишь согласившись с ним. Тед мысленно взвесил предложенные к обсуждению сиськи.

– Годные сиськи.

Но у Марти все лишь начиналось:

– Я бы за такие драконов бить пошел.

– Да, это драконобойные сиськи, верно. Только вот сиськи я со своим отцом обсуждать не хочу.

– Херня. Ты тут вообще лишь потому, что она может объявиться. Я тебе, неблагодарному, не сутенер.

Тед старался, старался быть милостивым, но Марти наускакивал да наускакивал на него, мотал им, будто крокодил в предсмертных корчах, а Тед у него в зубах – добыча. Крутит и вертит. Теда укачало. А может, какая-нибудь странная дрянь в растаманской траве? Инсекти-

---

¹²⁸ Отыметь; задница (*идши*).

¹²⁹ Парнишка-глубинщик – так иногда называли Эрнеста Дихтера (1907–1991), австро-американского психотерапевта и одного из отцов маркетинга, идеолога общества потребления, пионера метода фокус-групп; в частности, его исследование реакций детей на различные образы и формы привело к созданию куклы Барби.

¹³⁰ Ава Гарднер (1922–1990) – американская актриса, звезда кино 1940–1950-х гг.

цид какой, что ли, напыскали? Паракват¹³¹ или еще чего, про какое в новостях говорили? Никакого контроля качества.

– Тогда уеду. Завтра утром уеду.

Но так запросто это не кончается, да и Тед не хотел заканчивать. В глубине души. Он бы так спорил до скончания веков. Лучше, чем ничего. Гнев на отца не истощался, и каждое слово, хоть благонамеренное, хоть умышленно колючее, драло коросту на его окровавленном сердце.

Запоздало все это, слишком запоздало. Исцелить до конца не получится. У Марти – последняя стадия рака, и потому рак у них на двоих. У них как у отца и сына – последняя стадия рака. Оба мгновенно устали, но возникшее затишье – лишь между молнией и громом: так звук отстает от света. Молния уже ударила в землю, ее пока просто не слышно. И молнией, и громом был Марти.

– Да ты скажи, за что мне извиниться перед тобой, – и я извинюсь. Мне насрать. Времени нету. Я знаю, что был паршивым мужем и паршивым отцом, – как и миллион других мужиков. Все как у людей, что называется.

– Какая прелесть. Эдакий порядок сразу навел со своего конца. Очень ценю.

– Прости меня, а?

– За что?

Тед изуверство свое осознавал, но чувствовал, что уполномочен, что оно правомерно. Он хотел, чтобы отец сам все сказал. Хотел ткнуть Марти носом в его же ссаки.

– За все.

– Ха. А именно?

– За все. Сказал же – за все.

– Например, за что?

– За все-все.

– Ты даже не знаешь за что.

– И за что?

– За миллион мелочей?

– Прости меня за миллион мелочей.

– И три-четыре по-крупному.

– И три-четыре по-крупному. Доволен?

– Пока нет.

– Иисусе, Тед, ты носишь на мизинце обручальное кольцо, которое я твоей матери подарил?

– Она отдала его мне. Оставила по завещанию. До хрена ей было с него пользы.

– Ага, только, думаю, она хотела, чтобы ты подарил его какой-нибудь женщине.

– Какой?

– Женщине с влагалищем, ебте. Из этих вот. Из таких, влагалищной разновидности.

– Такое ощущение, что ты *от меня* ждешь извинений.

– Я одно большое ухо, детка.

– Ага, ладно, твоя взяла. Прости меня за то, что я говно, а не сын, прости, что я – твое величайшее разочарование в жизни, прости за то, что я родился.

Трава делалась все мощнее и страннее. В Теде зарождался смех. Тед хихикнул. Отец глянул на него с легким ужасом – происходившее было жутко даже для Марти.

– Тебе смешно?

– Кажется, может, да. – Тед хихикнул еще раз и оказался на грани приступа ржачки по накуру.

– Черт, может, ты и прав. – Марти тоже смог хохотнуть.

---

¹³¹ Паракват – сильный гербицид неспецифического действия, токсичен для человека и животных.

– Экие мы смешные мудаки. – Теда прорвало на хохот. Марти присоединился. – Не ржи слишком, – вымолвил Тед, – задохнешься. Помрешь от смеха.

– Ты всегда был смешной мудачок, Тедди. Я за всю жизнь только одного ироничного четырехлетку и видал – тебя.

Ироничный четырехлетка. Четырехлетка с крепкими понятиями о висельном юморе и разочарованном тоне. Язык обреченных и безнадежно проклятых – говорить одно, иметь в виду другое. Жизнь в зазоре между миром, как он есть, и миром, каким он должен быть. Ироничный малыш Тедди. Тед был благодарен отцу за этот образ себя самого – он придал Теду немножко знания о себе и своей судьбе.

– Ничего приятнее ты мне отродясь не говорил.

– Иронизируешь?

– Не уверен?..

Вопросительный знак показался им сдохнуть каким смешным. Обоих несло. Им это нравилось.

– Иди спать, Тед. Злым не ложись.

– Ладно.

– Злым просыпайся.

– Годный совет, пап.

Оба уже хрипели, никак не в силах обороть смех.

– Иди сюда, поцелуй старика на ночь.

Тед не сдвинулся. Он сознавал, что не хочет прикасаться к отцу, словно оба – оголенные провода, и от контакта случится удар током, будто они – магниты и тыкаются друг в друга отталкивающимися полюсами. Марти почуял это первобытное отторжение и сказал:

– Никто не прикасается к старикам и больным.

Тед обмяк и шагнул к нему, приложил губы к отцову лбу. Кожа холодная, влажная, безжизненная. Они едва друг друга видели. В темноте любить друг друга безопасно, подумал Тед. В темноте не видно, как сильно они любят друг друга, как они вечно все портили, не желали видеть эту пропасть нужды. Тед чувствовал, как отцова душа открывается поцелую – словно цветы, что растут лишь по ночам, подумал он без всякой иронии. Паслен. Паслен отец мой.

22

На Тедовой старой односпальной кровати обитали странные сны. Пока засыпал, размышлял, а ну как у некоторых кроватей есть свой особый доступ к бессознательному, и в зависимости от свойств этого средства перемещения в сон видишь там определенные времена, места и людей. Ну явно же. А если так, его старая кровать хорошо запомнила дорогу к девушке вороной масти, в бежевом плаще, из августовского выпуска «Плейбоя» 1960 года. Не с разворотной фотографии. Тед на лидеров забега никогда не ставил. Та барышня – из рассказов в картинках, игрок второго плана, изгибистая Розенкранц, гологрудая Гильденстерн. Судя по всему, вычислил юный Тед, бедняжка попала под дождь, нырнула в телефонную будку, а там – представляете? – красавец в смокинге. Что? Места не густо, не развернуться. И хотя на ней плащ, ей, видимо, пришлось его снять, он же мокрый, и – что? – под плащом у нее почему-то ничего нет. Как так вышло? Должно быть, отвлеклась, когда облачалась поутру, опаздывая на работу в школу. Юному Теду нравилось думать, что она – учительница седьмых классов, а через год – восьмых и так далее, пока Тед не поступил в Коламбию, и тогда она получила докторскую степень и стала преподавать в колледже неприметного вуза на Среднем Западе. Все оплели ее роскошные черные волосы. Красавца в будке ее нагота под плащом несколько не удивила. Он снял смокинг – вероятно, из солидарности. Так Тед-подросток узнал, что полагается делать в телефонной будке джентльмену при встрече с обнаженной женщиной, как ведут себя настоящие мужчины.

Что-то в той девушке из «Плейбоя», в ее формах и оттенках, запечатлелось в либидо Теда, как Лоренц – в утенке¹³². Тед всюду ходил бы за ней – и за ее прототипом. Она стала ему домом былого и грядущего¹³³, который всегда был с ним. Много раз, и в дневных грезах, и во снах на этой кровати, находил Тедди дорогу к ней. Ему казалось, что это – отношения. Ну да, это они и были. Его первая любовь. Теперь ей за пятьдесят, не меньше, замужем, с детьми, мать. Или умерла. Тед ощутил порыв найти ее, поблагодарить. Она сама не ведала, как здорово помогла ему. Та темноглазая средиземноморская женщина в плаще в телефонной будке под дождем. Она не ведала, что любима. А должна, подумал Тед, потому что ему нравилось отдавать должное в тех случаях, когда было за что. Пусть знает, что ею дорожили. Пока жив Тед, она продолжит жить, застыв во времени, юная, красивая, возлюбленная.

Он проснулся от запаха гари. Скверный запах. Не папаша ли его, идиот, пытается завтрак приготовить? Марти это с размахом не удавалось даже и в лучшие времена. Тед удостоверился, не заснул ли с зажженным бычком. Нет, пекло явно не у его жопы. И, нет, это не жареный филей.

Тед ринулся в кухню, но там было пусто. И тут он понял, что и запах, и дым тянет сверху. Тед дал обратный ход. На последнем этаже Марти развел в старом камине вполне приличный, теперь уже смиренный, огонь. Стоял на коленках посреди кучи разбросанных журналов, кассет, рисунков и записей. Вырывал фотографии и рекламу, смотрел на каждую, после чего швырял в огонь. Между делом развлекался, пшикая горючкой в довольно буйное и ядовито дымное пламя.

– Пап, что ты делаешь? Дым же.

Марти ответил, поливая учиненный бардак из баллончика с бутаном:

¹³² Конрад Захариас Лоренц (1903–1989) – австрийский зоолог, зоо психолог, этолог; среди многого прочего исследовал импринтинг (запечатление) у животных и людей, в том числе у новорожденных утят.

¹³³ ...домом былого и грядущего... – отсылка к серии романов Теренса Хэнбэри Уайта (1906–1964) «Король былого и грядущего», пер. С. Ильина.

– Знаешь, я оглянулся на свою жизнь в редком припадке рефлексии и понял, что не много-то и добился. Но вот лежит оно тут все, смотрю я на это, на бездарные усилия, на все годы, когда я вынуждал дураков покупать херню, и прямо хочется пулю себе в ебаную башку пустить. – Марти умел истерить и картинно презирать себя, а также картинно презирать других, но Тед понял, что сейчас все искренне, – или, по крайней мере, он отца таким искренним прежде не видел. Искренность в стиле умирающего Марти. – Сжечь. Все сжечь, – сказал он. – Костры бесславия¹³⁴.

Марти работал в нью-йоркской рекламе 1950–60-х. Эдакий Сом Хантер, вождь вольный профи того мира, он переходил из команды в команду – смотря где больше заплатят. Отец начинал у «Янга и Рабикэма». Дальше – «Хьюитт», «Огилви», «Бенсон» и «Мэтер», сразу после войны. Немного поработал на «Дойл Дэйв Бернбэк», а в промежутке – во множестве бутиковых агентств. Подолгу нигде не задерживался. Для его работы хорошие были времена. Отец был последователем племянника Фрейда – Эдварда Бернейса¹³⁵, отца того, что позднее стали называть подсознательной рекламой. Бернейс намеренно применял дядино «открытие» «бессознательного» к манипулированию общественным поведением и потребительскими привычками. Тед подсел на Бернейса, этого невоспетою злодея американской истории, когда слушал на втором курсе в Колумбии лекции по социологии. Бернейс, начинавший пресс-секретарем у Энрико Карузо, ввел понятие «связи с общественностью», кои выросли в большой бизнес «достижения общего согласия», а тот породил другой большой бизнес – рекламу. В наши дни не поверишь, что именно племянник Зигмунда Фрейда, по сути, создал бизнес, основанный на возможности заставить людей желать того, что им не требуется, и все же он сотворил херню, какую нарочно не придумаешь.

Когда табачные компании обнаружили, что не могут заставить женщин курить, – те боялись, что будут выглядеть мужиковато, ибо курение считалось привилегией мужчин, – Эдди Бернейс устроил на Бродвее парад смазливых юных вертихвосток, наслаждавшихся не просто сигаретами, а «факелами свободы», и тем в общественном сознании успешно сомкнул курение с молодостью, красотой, независимостью и самостоятельностью. Бернейс обеспечил своей идее пышную прессу, и миллионы женщин закурили почти мгновенно. Шустрый Эдди проделывал тот же трюк с любыми продуктами, какие надо продать, и продавал не достоинства вещи, а ощущение, которое эта вещь предположительно обеспечит покупателю. Триумф стиля жизни над жизнью. Возможно, Фрейд сам был болезнью, от которой лечил, а его племянничек – метастаз дяди.

Теду нравилось считать Фрейда одним из величайших литературных критиков в истории – и не более. Тед даже замыслил, но бросил, роман под названием «Дядя Зигги», в котором Эдди играл роль эдакого американского Фауста. Марти, следующее поколение после Эдди, остроумно и изящно продолжил его дело, стал придумывать, как пиво делает мужчин неотразимыми для женщин, а определенная жевательная резинка загоняет прекрасных блондинок-близняшек к тебе в постель. Когда Теда посетило унылое прозрение, что вздорные 800 страниц «Дяди Зигги», скорее всего, попросту эдиповы нападки на Марти через Бернейса, Теду стало стыдно: он почувствовал, что сам себя разоблачил, и пусть ему нравилась глава, в которой Фрейд (на самом деле Эрнест Дихтер) предположил, что продажи спаржи подскочат, если позиционировать ее как фаллический символ, Тед оставил роман и больше к нему не возвращался.

---

¹³⁴ *Костры бесславия* – отсылка к роману «Костры тщеславия» (1987) Тома Вулфа (в рус. пер. «Костры амбиций»).

¹³⁵ Эдвард Бернейс (1891–1995) – австро-американский специалист по пиару, один из пионеров современной науки массового убеждения.

Не сводя глаз с огня, Тед присел на руинах отцовской профессиональной жизни, а пламя, пожирая плакаты, поплеывало клевым голубым и оранжевым и выбрасывало в воздух бог знает какие вещества.

– Ты уверен, что вьюшка открыта? Ладно тебе, пап, тут есть чем гордиться. Ты часть доньне существующей культуры, «чуть-чуть – и ты пригожий»¹³⁶. Это ж классика. Не просто реклама, а краугольные камни культуры, машины времени.

– Тут в основном не мое. Не знаю, зачем они мне. Твоя мать небось собирала. Гордилась вопиющей херней. Не понимала ни черта.

– Чего не понимала?

– Хер с ним.

– Нет. Чего?

– Не хочу я полоскать ее больше. Все позади.

– Что, пап, что мама не понимала?

Марти глянул на сына и вздохнул:

– Как мне стыдно.

Теду было ясно, что отец не врет. И он видел, как из-за глубинной разницы восприятия прямо у него на глазах родители отдаляются друг от друга. У этой пары и без того все было не просто, но хватило бы и вот этого – ее искреннего желания хвалить мужа за достижения, которые лишь добавляли ему стыда, собирательства как мучительного выражения любви, что растревляли самому Марти его же самострелы. Любовь убивает так. Тед, кажется, готов был заплакать. Словно оказался в глубокой темной воде, попытался нащупать ногами почву, оттолкнуться, всплыть к свету. Осознал, что голос у него стал вдруг на октаву выше обычного, как у болтуна-бодрячка, торгаша, но, как и мама когда-то, он хотел выручить отца. Хоть на миг. Любовь ли это? Или недостаток смелости? Есть ли разница? Тед не знал. Может, малая толика воздуха и света спасет их всех, спасет – или уже убьет наконец.

– «Удвой удовольствие, удвой веселье»¹³⁷? Тоже классика. Помню тех близняшек. Разве забудешь «Даблминтовскую» двойню? «“Фольксваген” – мысли мелко». Классика.

– Не мое.

– Ты сделал автомобиль Гитлера самым продаваемым в Америке. Кто так может? Ты! Ну то есть ладно тебе.

– Прекрати. Не то сблевно.

Тед вытащил из свалки плакат печально известной «ромашковой» кампании 1964 года в пользу будущего президента Линдона Джонсона. Политическая реклама: девочка ощипывает лепестки с ромашки, произносит числа, они превращаются в обратный отсчет ядерного взрыва, учиненного красными в Судный день. Не исключено, что это была первая политически агрессивная реклама в истории телевидения. И уж точно одна из лучших. Леденящая душу агитка. Тед припомнил и изобразил техасский выговор закадрового голоса Линдона Джонсона:

– «Мы должны любить друг друга – или умереть».

– Геббельсу не к чему придраться, пацан, я во время войны держал ухо востро.

– Ты знаешь, как я ненавидел тебя за эту рекламу? Мне было восемнадцать. Если бы мои друзья в Коламбии обнаружили, они бы меня урыли.

– Воткнули бы тебе ебаную ромашку в дуло? Вы были сплошь слюнтяи. Это вот – из того же миллиона мелочей, за которые я должен, извиняться?

Тед почувал, как его тащит старым семейным отливом в ссору, но успел поймать себя – и отца заодно, – успел увидеть перед собой человека, маявшего человека. Марти часто казался

---

¹³⁶ «Чуть-чуть – и ты пригожий» – строка джингла из рекламы 1950-х гг. «Брилкрима» – укладочного средства для волос, изначально – торговой марки компании «Каунти кемикалз», ныне – собственность компании «Юнилевер».

¹³⁷ «Удвой удовольствие, удвой веселье» – строка из рекламы 1950–1970-х гг. жвачки «Даблминт» (*Doublemint* – англ. двойная мята).

Теду дешевой поделкой-Иисусом, какие попадаются в витринах магазинов в Вашингтон-Хайтс или в не на шутку католических районах города. Смотришь на такого Иисуса, склоняешь голову набок, чуть-чуть, и выражение лица у Сына человеческого меняется. Китч невыносимый, но завораживает. Иисус под «черной» лампой. Тед положил это в мысленную папочку годных названий для музыкальной группы. Дамы и господа, сомкните длани – «Иисус Черной Лампы!» Тед как-то раз видал такое в студгородке Коламбии: отводишь взгляд на миллиметр – и Иисус превращается в Сатану. Иисус. Сатана. Иисус. Сатана. Так же и Марти – то благой, то пагубный, туда-сюда. Папа. Человек. Папа. Человек. Тед осознал, что на самом деле Марти как человек – где-то посередине, между крайностями, но никак не мог его там засесть, не дать ему переключаться туда-сюда со спасителя на обвинителя. Тед решил пока сосредоточить взгляд на человеке – человеке, которому больно. Похлопал отца по плечу:

- Писать за деньги – не позор, Марти. Есть на что еду брать.
- Есть на что в колледж тебя засунуть.
- Есть на что в колледж меня засунуть.
- Чтобы ты потом мог швыряться арахисом в пуэрториканцев.
- Чтобы я мог швыряться арахисом в пуэрториканцев.
- Ну, по крайней мере, одно было правдой: мы, «курильщики “Тарейтона”, будем драться, но марку не сменим»¹³⁸.
- Может, вот это стоило бы продумать получше.
- Ты «удар держал и дальше шагал»¹³⁹, дорогой мой человек.
- «Человек в рубашке “Хэтэуэй” – только так»¹⁴⁰.
- Ты «заслужил сегодня передышку»¹⁴¹. – Марти умолк. – Дай мне передохнуть, Тед. –

Марти потрепал Теда по голове. – Спалим все, – объявил он. – Награду за совокупность пожизненных незаслуг впервые в этом году получает пара, тандем отца и сына из Бруклина, Нью-Йорк...

Марти швырнул в огонь еще журналов, опрыскал их горючкой и притих. Тед заметил, что Марти припас пакет марשמеллоу – причудливо завершить самоистязательное сожжение. Дальше Марти говорил очень тихо, не сводя глаз с плясавшего пламени:

– Думаешь, мне одному нужно прощение, Тед? На тебя жизни еще хватит, а ты даже не знаешь, что с ней делать. Молил бы меня о прощении. Я тебя сотворил.

Спаситель. Обвинитель. Спаситель. Обвинитель.

– Верно, ты меня произвел, а также, может, «то самое пиво, какое нужно, если берешь больше одного»¹⁴². Хочешь и меня сжечь со всем остальным твоим паршивым выхлопом?

Тед подобрался к камину и сунул руку в огонь. Марти завопил:

– Нет! Рука! Твоя прелестная ручка!

Тед показал Марти руку – он лишь хотел прикурить косяк, а не устроить себе средневековое само истязание.

Ул ыбн улс я, сделал глубокую затяжку и, пока держал дым, протянул самокрутку отцу.

– Травка. Нет. Ни за что. Я на таблетках.

¹³⁸ ...мы, «курильщики “Тарейтона”...» – из рекламы американских сигарет «Тарейтон», с 1963 по 1981 г.

¹³⁹ «Удар держал и дальше шагал» – из рекламы американских часов «Таймекс», с 1956 г.

¹⁴⁰ «Человек в рубашке “Хэтэуэй” – только так» – из рекламы мужских рубашек «Хэтэуэй», с 1951 г.; одна из революционных кампаний Дэвида Огилви: прежде никому не известная частная американская компания «К. Ф. Хэтэуэй и Ко.», производившая рубашки с 1837 г., прославилась благодаря «мужчине с повязкой на один глаз» из рекламы, придуманной Огилви.

¹⁴¹ «Заслужил сегодня передышку» – из рекламы «Макдоналдс», с 1971 по 1975 г.

¹⁴² «То самое пиво, какое нужно, если берешь больше одного» – из рекламы изначально нью-йоркского пива «Шейфер» (1960-е гг).

– Да ладно, пап, чуть-чуть не повредит... Это называется «давление общественного мнения», старичок. Все крутые папашки делают это. Вот как нынче, в семидесятые, восстанавливают отношения отцы и дети.

– Ты всегда укурен, сынок?

– Не всегда, но я к этому стремлюсь, да.

В доме что-то послышалось – словно электрический шок, словно сигнал неверного ответа в телевикторине, умноженный на десять. Теда потрянуло.

– Что за херня? Пожарная сигнализация?

– Дверной звонок.

– Это дверной звонок? По звуку так прямо конец света.

Тед оставил Марти у огня и пошел глянуть, по какому поводу конец света.

23

Открыв дверь и обнаружив за ней Мариану, Тед первым делом подумал: «Я не знаю, во что одет». И не стал себя оглядывать. У него было скверное ощущение на сей счет, подтверждать его не хотелось, и потому он упер взгляд в гостью, а та сказала:

– Привет, Теодор.

Теду показалось, что он помнит затянувшийся торг, который завершился соглашением, что называть его надо Тедом. А может, и нет.

– Привет, сестра смерти.

– Консультант в горе.

– Привет, консультант смерти.

Она терпеливо улыбнулась, но не поддавалась ни на уловку, ни на чары.

– Как мило, что вы приехали побыть с отцом.

– Как мило, что вы... несете... смерть, ну, в смысле, на дом, обходы делаете, кхм.

– Надолго вы?

Тед осознал, что ему до зарезу хочется пустить пыль в глаза этой женщине – сосиски есть на скорость, например, – и покачал головой: он понимал, что этой мысли тут не место и не время. Ответил:

– Знаете что, да сколько потребуется. Я такой вот человек. Благодетель. Это мое. Я делаю благо.

– Вы – благодетель.

– Угу. – Он уставился в ее темно-карие глаза – в них были крапинки янтарного и орехового, словно прожилки в драгоценном камне, что намекают на сокровища, скрытые внутри. Ему по-прежнему хотелось сказать ей, что он ради нее сосиски готов жрать, пока не лопнет, но прикусить язык ума хватило.

Она сказала:

– Ух ты, смотрите-ка. У вас отцовы глаза.

Тед почувствовал, что Марти ей очень нравится и что быть на него похожим, вероятно, в кои-то веки неплохо.

– Ну, думаю, я на пятьдесят процентов – он, в гинекологическом смысле.

Тед почувствовал перемену погоды. Будто сказал что-то странное, но не понял, что именно. Попытался проиграть в голове, что именно сказал, но слышно было плохо.

– Вы хотели сказать «в генеалогическом смысле».

– Да, я так и сказал.

– Вы сказали «в гинекологическом».

– Нет, не сказал.

– Сказали-сказали.

– Это вы так сказали.

Боже, какой идиотизм. Ему что, четыре года? Возможно. Он заметил их отражение в зеркале в прихожей. Ее он увидел первой, и его поразили этот профиль напротив – другой человек, красавица, да, но появилось новое измерение, глубина, скрывавшая столько же, сколько являвшаяся. А следом увидел себя. На нем были старые пижамные штаны нью-йоркских «Янки», доходившие до середины голени, на манер кюлотов. Что надо вид. Пузо... с пузом он сейчас не готов был разбираться совсем и потому взялся за патлы, бля. Сгрел их в горсть и закрутил в подобие узла. У линии волос заявил о себе пот.

– Вы сказали, что вы на пятьдесят процентов ваш отец, «в гинекологическом смысле». Похоже, придали новую глубину обороту «яблоко от яблони...».

– Ужас какой. Нет. Ни в коем случае. Но в любом случае, если мы об этом... уверен, я куда больше пятидесяти процентов. Это не... скажем так: я – противоположность пятидесяти процентов, что бы это ни значило, вероятно, как... Иисус. Как показывает абак у меня в голове.

– Какую-то новую математику вы разрабатываете.

– Можно я закрою дверь, вы постучитесь еще раз и мы все это сделаем заново?

Предполагалось, что это может показаться забавным, – предполагалось и то, что оно может забавным не показаться совсем, что, может, это валун над пропастью и покатиться он может куда угодно – и в землю обетованную, и ему на голову.

– Вероятно, я оговорился.

– Как утверждал Фрейд, случайностей не бывает.

– Ой, разыграли карту с Фрейдом, ладно, круто. Хотите, чтоб я отбился Юнгом? Или даже вытянул Отто Ранка¹⁴³? – На этом можно было бы и соскочить, неплохой вброс, но Тед решил милосердно добить: – Фрейд-шмейд.

Во как. А зря. Его милосердно добивать не стали.

– Отомстили, угу. Чем это пахнет?

– Моим позором?

– Ваш позор пахнет, как маршмеллоу.

Мариана, озабоченная гарью, протиснулась мимо Теда в дом. Понеслась к источнику дыма, на третий этаж, Тед карабкался по лестнице следом, голова – в нескольких дюймах от ее восходившей задницы. Тед готов был подыматься по этой лестнице весь день напролет. Это еще что за чертовщина? Ой. Ой. Он почувствовал, как зародился стояк, а Тед и не помнил, когда с ним такое последний раз случалось. Весной 1976-го? Что-то было с парусниками и пьяной женщиной (возможно, трансвеститом) в Куинзе. А, ладно. Хер у него заворочался, как человек, потревоженный во сне, разбуженный шумом за окном, но не уверенный, стоит ли как следует просыпаться и идти проверять, в чем дело. Интересно, подумал Тед, и вновь услышал отцовы слова у себя в голове: «Ты не потянешь». Согласился.

Следом за сестрой смерти и за своими мыслями о ней он дошел до кабинета, где Марти жарил теперь маршмеллоу, насаженные на острие рекламного зонтика бостонских «Красных носков». Мариана обозрела сцену, замерла, кивнула. Увидела журналы, сожжение, а остальное поняла наитием. Она такое видала и прежде. Умиравшие люди часто просят все уничтожить – как горящие корабли северных огненных погребений, – особенно очень личные вещи, творческие, будто обреченным не хотелось быть после смерти уязвимыми, чтоб не копались в их прахе грифы-потомки. Это многих заботит.

Она читала, что неудачливых альпинистов, которые падали с высоты или теряли тропу и исчезали в холоде Гималаев, иногда находили без одежды. Так некоторые из них нелогично отвечали на замерзание до смерти. «Парадоксальное раздевание» называется. Судя по всему, когда тело на холоде отказывает, кровь уходит из конечностей вглубь, к жизненно важным органам, в тщетной попытке сохранить организму жизнь. Но, когда это происходит, уже слишком поздно. Замерзающий переживает последнюю стадию умирания как перегрев и, пытаясь как-то обустроиться, может снять с себя одежду при минусовых температурах – леденея и сгорая одновременно. Огонь и лед. Вмерзая во время, сгорая на костре. Она все это прекрасно понимала. Костер Марти – что-то в этом духе, рассудила она. Холодный жар, парадоксальный стриптиз человека, не желающего, чтобы его видели.

Она подошла к Марти и обняла его за талию. Они вместе смотрели, как жизнь вылетает в трубу.

---

¹⁴³ Отто Ранк (Розенфельд, 1884–1939) – австрийский психоаналитик, один из ближайших учеников и последователей Фрейда.

– Вот к этому огонь все и сведет?¹⁴⁴ – спросил Марти.

На его попытку иронически отстраниться Мариана ответила, прижавшись к нему еще теснее. Теду, глядевшему на них сзади, они казались любовниками. Май/декабрь. Или даже июль/февраль. Марти упокоил голову у Марианы на плече, вытащил зонтик из огня и сделал подношение:

– Маршмеллоу? Завтрак чемпионов¹⁴⁵. Может, это я придумал.

И взяла она и ела¹⁴⁶.

---

¹⁴⁴ *Вот к этому огонь все и сведет?* – отсылка к песне *Is That All There Is?* (1969), написанной Джерри Либером и Майком Столлером; песня стала хитом в исполнении Пегги Ли.

¹⁴⁵ *Завтрак чемпионов* – из рекламы зерновых хлопьев «Уайтиз» (с 1927 г.)

¹⁴⁶ *И взяла она и ела* – Быт., 3:6.

24

Тед, новый мажордом, занялся уборкой того, что осталось от костра, а Мариана с Марти внизу – йогой. Похоже, Марти, неисправимый циник, шарлатан и торгаш воздухом с прекрасным чутьем на продаваемый воздух и шарлатанство, наслаждался йогой и всем, что она обещала в смысле чакр, равновесия и третьего глаза. Этот человек из 40–50-х годов предпочитал принимать позы Новой эры в красных «спидо»¹⁴⁷.

– Чем бы ты ни тешился, – сказал Тед.

– Удобнее у меня ничего нету, – ответил Марти, – да, я смотрюсь как француз, но мне насрать.

Мариана йогой занималась не в «спидо». А жаль. Ее стан, подобный песочным часам, облегало бежевое трико, оно ничего ни подчеркивало, ни вычеркивало. Какой там цвет секса? Красный? Бежевый, во всяком случае, – полная противоположность. Бежевый – тепловатый цвет контроля рождаемости. Но Тед не мог взгляда отвести от Марианы, даже в бежевом.

Более того, он подумал, что вот закончит убираться и, может, займется с этими ребятишками их йогой – или после-йогой, что бы там после йоги ни делалось. Тед радовался, что Марти искренне нравится Мариане, – и что он, Тед, не единственный человек в оставшейся у Марти жизни. Кочергой размел костер на множество костерков поменьше – такие не спалят дом дотла. Перемешивая пепел, наткнулся на что-то гораздо увесистее журнала. Тед осторожно извлек из камина тетрадь до того толстую, что она не загорелась, а лишь обуглилась по краям. Сдул с нее прах, открыл на первой странице и прочел: «Человек-Двойномят, роман Мартина Сплошелюбова». Роман? Теду и в голову не приходило, что отец пытался сочинять пространную прозу. Он подозревал, что Марти, цитировавший Лира и Уитмена, – читатель-тихушник, но все же последний раз отца за чем угодно, кроме газеты, видел не один десяток лет назад, и Марти частенько говорил что-нибудь вроде: «Ты, видать, норман-мейлеровским нарциссом себя возомнил, чтоб считать, будто тебе есть что сказать на трехстах страницах всякой херни? Мне на такое *хуцпы*¹⁴⁸ не хватит». Марти блестяще давались девизы и чеканные фразы, краткие всплески остроумия и соблазнительности, но вот это – этот том – чистое потрясение. Тед перелистнул первую страницу и прочитал написанное аккуратным почерком:

Вы встречали Человека-Двойномята на улицах – не зная его, видели. Он – среди вас. Он – вы, лицемерный читатель, брат. Он – человек с двумя жизнями. Двойной. Не из-за химически обусловленной шизофрении, а по ежемгновенному сознательному выбору. Двойной Человек – белый снаружи с мягкой бурой сердцевиной из нуги, а в венах у него – остуженный джин. Он работает с 9 до 5, бок о бок с остальными бесцветными людьми, а по выходным наслаждается плодами досуга: персиками и софтболом. Его жена говорит, это его больные вечера, фигурально выражаясь.

Тед припомнил выходные своего детства, когда они с отцом играли в софтбол за пуэрториканскую команду с уймой разных названий, в зависимости от рисков игры: «Короли», «21-е», «Короны» или «9 корон». Обычно ставили по пять долларов с человека или наличные деньги на пиво и играли от души, по всему городу. Тед видал, как взрослые дядьки шли юзом на вторую базу по асфальту ради пары баксов и из гордости. Так они были хороши, что команде приходилось менять имя: из-за репутации найти противника им было непросто. Когда «Короны» как династия стали слишком знамениты, команда переименовалась в «Коро-

¹⁴⁷ *Speedo* – марка одежды для плавания (с 1914 г.).

¹⁴⁸ Наглость, самоуверенность (*идиши*).

лей», а когда слава «Королей» сделалась слишком громкой, они превратились в «21-е», а затем обратно в «Короны» – когда про них забыли. Названия им были эдакой защитой свидетелей.

Роман, похоже, автобиографический. Марти еще ребенком был подающим – и преотличным – и однажды участвовал в бруклинской игре, приз за которую должна была вручать Шёрли Темпл¹⁴⁹. Пуэрториканцы и доминиканцы почему-то величали Марти «Ами» и присвоили ему титул «Гринго № 1», а отец лучшего друга Теда Джулиус – он же Джул, он же Джули – звался «Гринго № 2». Итого было всего двое гринго – № 1 и № 2. Ами и Джули. Теду показалось, что отец пишет слегка под влиянием махровых авторов нуара, которых предок обожал, как Тед помнил, еще с его детства, среди них – Реймонд Чэндлер и Дэшил Хэмметт. Тед улыбнулся и продолжил читать:

Человек-Двойномят ничего особенного не искал, не ощущал никакой нехватки *perse*. Но в это воскресенье что-то меня донимало – не владел ситуацией. Никак не мог добыть мяч на пластину. Прошел полные базы. Мой кетчер Рауль, здоровенный, ловкий пуэрториканский парняга с проворными ногами, мог отбить софтбол с 400 футов, а к черной магии моей белой руки относился почти религиозно. Рауль обращался с моей рукой как с отдельной от меня сущностью, словно она отыскивала тело этого гринго благодаря какому-нибудь проклятью или ритуалу сантерии. И хотя он знал, что я владею испанским лишь в пределах начальной школы, считал, что рука моя двуязычная, и, когда вышел на поле разобраться, разговаривал с ней, а не со мной. Рауль нашептывал ей – сначала тихонько, воркуя, моля, уговаривая, а затем сурово и требовательно. Я отвел взгляд, едва ль не стесняясь этой любовной свары.

Пока Рауль секретничал с моей рукой, я смотрел по сторонам, празднично оглядывал трибуны. И увидел ее. Я узрел ее, и она, однажды увиденная, уже не могла сделаться незримой. Высокий бокал *сервесы*¹⁵⁰. Должно быть, латина, подумал я, и она мне улыбнулась. Я ощутил, что колени у меня подгибаются, а воздух из легких мчится прочь. Последний раз я чувствовал такое в старших классах. Человек-Двойномят никогда ее прежде не видел, но в тот краткий миг знал: до конца своих дней он увидит мало что кроме нее.

Рауль наконец оторвался от моей руки, глянул мне в глаза и сказал:

– Ами! Ами! Деляй эстрайки, гринго.

Ну я эстрайки и деляль. И всякий раз проверял, следит ли за мной с трибун Темная Дама. А между подачами пытался разглядеть, нет ли с ней кого. Не разобрать. Да и неважно. Улыбками мы обменивались все чаще, в ход пошли кивки и даже подмигивания.

– Хесус! *Каброн!*¹⁵¹ – проорал Рауль и швырнул кетчерскую перчатку оземь, потрясая от боли рукой. Так мощно я никогда не подавал – *фуэго*¹⁵² не хватало.

В тот день мы выиграли оба раза, на сумму в десять паршивых баксов на человека, и я придумал отговорку, чтобы поошиваться после игры, как бродяга, – я видел, что и она так же, на другом краю поля. Когда толпа хорошенько поредела, я подошел и представился. Она сказала, что ее звать Марией. Можно было догадаться. Спросил, не Хесусом ли именуют ее сына. Она сказала «си» и рассмеялась. То было как с первой рыбой, которой хватило смелости и мечты, – издавна она извлекала кислород из воды, отделяла молекулу О от Н₂, и вдруг выбросилась на сушу, а вокруг ничего, лишь чистый, чудовищный кислород, сама первозданная жизнь. Человек-рыба из сказки, наполовину в этом мире, наполовину в другом, счастливо паривший

---

¹⁴⁹ Шёрли Темпл (1928–2014) – американская актриса, много снималась еще ребенком; в зрелые годы оставила кинематограф и занималась политикой.

¹⁵⁰ Пиво (*исп.*).

¹⁵¹ Козел (*исп.*).

¹⁵² Огонь (*исп.*).

в когда-то убийственном воздухе. Остальные девять «Корон» чудесно исчезли, словно Восхищенные, и, пока солнце садилось, мои губы встретились с ее, и я обрел путь домой.

Тед уловил, что Марти с Марианой внизу завершают свои занятия йогой. Услышал «ом шанти шанти» и почти не усомнился, что «Бесплодную землю»¹⁵³ они наизусть декламировать не будут. Прекращать читать Теду не хотелось. Взял тетрадь и отправился на улицу.

Он брел и читал на ходу, пока не оказался перед «Бруклинским джерком». Кивнул местным растаманам, купил привычный пакетик на пятак. Растаман по прозвищу Вергилий присел рядом и сказал:

– Какая радость – внимать словам растамана. (Тед улыбнулся и кивнул, как неуклюжий бледнолицый в мире дредов.) Я и Я¹⁵⁴ Верг. Зови меня так.

Тед собрался было сказать что-нибудь про Боба Марли или Хайле Селассие и Льва Иуды¹⁵⁵ или что он тоже верит в траву как в святое причастие, но нечто во взгляде Вергилия намекнуло: можно не говорить ничего. На Западе невесть что раздули из общественных взаимодействий, подумал Тед, из приглашения к разговору дружественным взглядом, а вот, вероятно, еще более дружественный взгляд – приглашение быть и не говорить совсем ничего, просто сосуществовать по-человечески рядом – совершенно недооценен. Уважаю.

Вергилий потянулся к шерстяной шапке, хранившей его дреды, набитой до того плотно, что Верг смахивал, подумал Тед, на Великого Газу¹⁵⁶ в поздние годы «Флинтстоунов» или на контейнер «Джиффи-Поп»¹⁵⁷, который разнесло до предела. (Тед сделал себе мысленную пометку, что образы получились недурные, и понадеялся, что они ему когда-нибудь пригодятся.) Вергилий извлек косяк толщиной чуть ли не с гаванскую сигару – со кровянице из личной записки. О Бруклин, мой Бруклин¹⁵⁸. Тед подумал об Уитмене и Кастанеде, о словах Карлоса, что местная культура сделалась ограниченной и приниженой, а физическое странствие в зрелость посредством отваги и стойкости подменено фальшивым странствием посредством наркотиков и грибов – не осталось пространства для полета: из-за вторжения на Запад и в Калифорнию вместо полета возник улет. В мире сделалось тесно, не повернуться, и люди обзавелись новыми территориями – в уме. Ментально расширили мучительную франшизу – кливлендские «Индейцы», атлантские «Смельчаки». Удивительный это был путь – и для меня, и для этой страны. Последняя граница. У себя в уме Тед, вместе с Уолтом Уитменом, бородатым бардом, проехался бруклинским перевозом¹⁵⁹ на косяке размером чуть ли не с каноэ, напевая обо всем измельчавшем. У Берримена было 77 песен сновидений, на дворе – 1978 год: Тед добрался до конца стропы, брошенной Генри¹⁶⁰. Шел теперь в открытые воды, голова набита глянцевыми словесами великих. Безумным смешеньем старого в мир входило нечто новое.

¹⁵³ *The Wasteland* (1922) – поэма американо-английского поэта Томаса Стернза Элиота (1888–1965).

¹⁵⁴ Я и Я – выражение из языка растафари, сложное понятие, обозначающее единство человека с Богом.

¹⁵⁵ Хайле Селассие I (1892–1975) – последний император Эфиопии (1930–1974), в растафарианстве считается одним из воплощений Джа; Лев Иуды – один из титулов Селассие (Лев-победитель из колена Иудова, избранник Бога, царь царей Эфиопии).

¹⁵⁶ Великий Газу – маленький зеленый инопланетянин с громадной круглой головой из американского мультсериала «Флинтстоуны» (1960–1966).

¹⁵⁷ «Джиффи-Поп» – марка попкорна компании «Кон Агра Фудз»; зерна кукурузы, масло и ароматизаторы продаются в сковороде из толстой фольги с крышкой, которая раздувается по мере жарки содержимого.

¹⁵⁸ *О Бруклин, мой Бруклин!* – отсылка к стихотворению Уолта Уитмена «О капитан, мой капитан!» (1865), написанного на смерть Абрахама Линкольна.

¹⁵⁹ «На Бруклинском перевозе» (*Crossing Brooklyn Ferry*, 1855) – стихотворение Уолта Уитмена из сборника «Листья травы», пер. В. Левика.

¹⁶⁰ Генри – поэтическое альтер-эго Джона Берримена во многих его стихах, в том числе в цикле «Песни сновидения».

День для витаний задался. Витавший юнец принялся ходить по касательной сразу во все стороны. Что-то рождалось. Каждая третья мысль Теда была о Мариане. И ладно. Как припев в песне. Хорошим куревом Вергилий поделился. Может, даже слишком. Тед сознавал, что для улета день что надо, что он всюду успеет, что у себя в голове сможет горы двигать. Что-то просилось родиться. Тед прямо-таки ощущал ментальные схватки. Откати камень¹⁶¹. Стоя под горой, срежь ее ребром моей ладони, пел Джими. Дитя вуду¹⁶². Великий Газу, Карлос Каста-неда, Уолт Уитмен, Марти Сплошелюбов и Джими Хендрикс толкались у Теда в уме – рвались посмотреть, возникло ли от их сотрудничества что-нибудь новое. Супергруппа. Как «Крим» или «Дерек и Домино»¹⁶³. «Почему от любви печаль?»¹⁶⁴ Клэптон – общий знаменатель супер-группы. Вольный стрелок пения, Сом Хантер сакса. Вот что такое писательство-то, подумал Тед: даешь Газу и Уолту потолкаться рядом с Джими, а Клэптону – попеть серенады Марти и Сому, а сам глядишь, не мелькнет ли искра, и в свете этих искр пробуешь увидеть новую мысль, новые края. Тед укурился в хлам.

– Я и Я Тед, – выговорил Тед наконец.

– Уважай себя. – Верг улыбнулся.

Вергилий с Тедом сидели на скамейке, скручивали, дули, ели куриный джерк, читали и уважали себя. Безупречный летний вечер.

---

¹⁶¹ *Откати камень* – отсылка к песне *Roll the Stone* (1974) американской глэм- и рок-группы *Mott the Hoople* (1969–1980).

¹⁶² *Voodoo Chile* (1968) – песня (а перед этим – строка из нее) группы «Джими Хендрикс Экспириенс» из альбома «Электрическая страна дам».

¹⁶³ *Cream* – британская рок-группа (1966–1968) в составе: Эрик Клэптон (вокал, гитара), Джек Брюс (бас-гитара) и Джинджер Бейкер (барабаны); *Derek and the Dominos* – британская блюз-роковая группа (1970–1971) в составе: Эрик Клэптон (вокал, гитара), Бобби Уитлок (клавиши), Карл Рэйдл (бас-гитара), Джим Гордон (барабаны).

¹⁶⁴ *Why Does Love Got to Be So Sad?* – песня группы «Дерек и Домино» 1970 г., из альбома «Созвучно».

25

29 июля 1978 года¹⁶⁵

	Выиграли	Проиграли	ППБ	Отставание
Бостон	64	37	,634	—
МИЛ	58	42	,590	5,5
КСК	57	43	,570	—
БАЛ	57	45	,559	7,5
НЙЯ*	56	45	,554	8,0

Тед проснулся раньше отца – от удара «Таймс» о дверь. Рука у пацана с почты была меткая, но неукротимая. Он напомнил ему Сэнди Коуфэкса, когда тот еще не совладал с собой, или Нолана Райена¹⁶⁶. За «Пост» и «Дейли Ньюс» Тед решил сходить к Бенни в киоск. Дедов он завидел у киоска за квартал, они били баклуши и галдели как стая ворон. Из тонкого воздуха у киоска возник голос:

– Тедди! Тедди, малыш!

Тед пригляделся и увидел макушку головы Бенни.

– Доброе утро, господа, – сказал Тед.

– Доброе, Тед, – отозвались потасканным хором старики.

Танго Сэм выганцевал вперед:

– Тед, смотришься обалденно, такой красавец, одолжи полтинник.

Бенни подвинул «Пост» и «Ньюс» поближе к Теду:

– Так и знал, что старика твоего сегодня не увидим.

Айвен добавил:

– После поражения «Носков» – то, не.

– А если б явился, то на коляске, – сказал Танго.

– Психосоматика, – добавил венец Штеккер. – Мысль превыше материи.

– Болезненные дни.

– Мне одному тут интересен Полански¹⁶⁷, что ли? – спросил Айвен, но, похоже, на зачин это сегодня не тянуло. – Или озоновая дыра? – Еще один не-зачин.

– Как-то раз, – сказал Бенни, – я ради эксперимента, когда «Носки» продули, вырвал страницу со старой таблицей, с тех времен, когда они еще выигрывали, и подменил новую. В то утро твой отец приехал на коляске.

Танго влез с профессиональным комментарием:

– Он уснул, когда «Носки» начали проигрывать и решил, что совсем продули.

¹⁶⁵ Аббревиатуры названий бейсбольных команд: милуокские «Храб рецы», канзасские «Короли», балтиморские «Иволги», нью-йоркские «Янки».

¹⁶⁶ Сэнфорд «Сэнди» Коуфэкс (р. 1935) – питчер-левша, играл за лос-анджелесских «Ловкачей»; Линн Нолан Райен-мл. (р. 1947) – питчер, играл за нью-йоркских «Метов», калифорнийских «Ангелов», хьюстонских «Астро» и техасских «Рейнджеров», ныне бейсбольный консультант.

¹⁶⁷ Кинорежиссер Роман Полански (р. 1933) в 1977 г. был обвинен в изнасиловании несовершеннолетней и 01.02.1978 сбежал из США в Европу.

Старики начинали и заканчивали байки друг за друга, будто у них был один ум на всех, – роевое сознание. Временами они казались хоровой капеллой, поющей каноном, или бригадой телеведущих, обсказывающих игру жизни. Ризуто и Уайт, помноженные на два.

Вновь включился Бенни:

– Мы соврали – сказали, что «Носки» победили. И я ему выдал липовый счет. Он не унюхал. И знаешь что?

– Что?

– Пошел домой, – сказал Айвен.

– Приплясывая, – добавил Танго.

Штиккера пустили завершить:

– Нахуй коляску, нахуй трость.

26

Девочку звали Христиной, и она умирала. Знала, что умирает. Рак костного мозга. Лейкемия. Болезнь называли по имени, но девочка знала, что фамилия у болезни – смерть. Она ощущала это костями – и приняла. Все умирают. У некоторых впереди многие годы. У нее их несколько. Ей было грустно оттого, что она никогда не влюбится и не родит деток, но толком и не знала, что теряет. То были, скорее, представления о потерях, какие есть у взрослых – в кино, во всяких историях. Она знала, что выйдет замуж за Иисуса. Красивого голубоглазого Иисуса. Она не из-за смерти тревожилась больше, а за маму. Перед мамой ей было неловко. Она видела, что ее болезнь с мамой делает. Болезнь убивала и маму. Но мама не болела, и ей не надо было умирать. Мама заживет дальше, и они обе тогда выживут, потому что Христина будет жива в маминой памяти. Но Христина грустила, потому что память о ней – то, что останется, когда дух Христины уйдет жить с Иисусом, – будет ранить маму. А Христина не хотела, чтобы ее будущая жизнь у мамы в уме приносила маме страдания. Она хотела, чтобы Иисус поговорил с мамой, чтобы объяснил: с Христиной все наладится, она будет у Него по правую руку. Так говорят. Но Иисус пока не поговорил с мамой. Христина видела это по маминым глазам. И думала: что же мешает Иисусу?

Слишком много кого нужно утешать? Наверное. А Дева Мария как же? Тоже занята? В мире нужно облегчить столько страданий. Я-то подожду Иисуса, а мама – нет. Но у Христины не хватало слов. Слов, чтобы велеть маме жить и не чувствовать себя виноватой. Что вообще такое – вина? Как вино? Как пятна на скатерти? Может, просто отстирать их от жизни?

Она услышала шаги в больничном коридоре. Цок-щелк, цок-щелк. Она знала: если торопливые шаги замрут у двери в ее палату, это мама. Врачи входили сразу, а мама останавливалась на пороге, незримая. Цок-цок-цок. Собирается с духом, Христина знала. Понимала, что маме нужно несколько мгновений побыть невидимой, подышать, запихать поглубже плач, который ежесекундно сидел у нее в горле. Пять секунд ожидания. Раз, два, три, четыре, пять – как часы. Вот она – любовь моя, мамочка. Как мне ее освободить? Дать ей волю, как себе? Мамочка называет меня по имени и садится на край кровати. Лицо и рот она заставляет улыбаться, а глаза – не может. Глаза не врут. Она берет меня за руку, целует ее. Как хорошо. Мне нравится, когда меня трогают. Как мне освободить тебя, мамочка? Какие для этого есть слова? Девочка думает, думает, думает, думает – и не может придумать правильные слова. Может, попробовать те, что придут сами? Чего бы и нет? Может, Иисус их там оставил по-быстрому, а сам помчался еще куда-то, где грустно. Ладно. Христина откашлялась.

– Мамочка? – сказала она.

– Да, милая, – сказала мама.

– Не умирай. Ладно? Живи. Невиноватая. Ты живи.

Глаза у мамы прояснились: казалось, Христина видна ей насквозь. Девочка надеялась, что мама улыбнется, рассмеется и станет свободна. Но мама уткнулась головой девочке в грудь, сгребла дочь в охапку и заплакала так, как на виду у девочки никогда не хотела.

– Детка, детка, детка, – все повторяла она, – моя милая, милая детка, – и плакала, и задыхалась.

Ну ой, думала Христина, неудачный день, слова не те. Я еще за них помолюсь. Иисус мне их нашепчет. *Эт спиритус санкти*¹⁶⁸. *Дух возблагодарит тебя. Господь – Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться*¹⁶⁹. Но я нуждаюсь, еще как нуждаюсь – в тех словах. Я еще поищу. И найду. Надо найти.

¹⁶⁸ И святой дух (лат.).

¹⁶⁹ *Пастырь мой...* – Пс., 23:1.

27

12 августа 1978 года

	Выиграли	Проиграли	ППБ	Отставание
Бостон	73	42	,635	—
НЙЯ	65	50	,565	8,0

– Йо-йо-йо! Господин Арахис, *пор фавор*¹⁷⁰? *Мира мира*, сеньор Арахис!

У «Янки» в тот день началась серия игр на домашнем стадионе, и Тед работал. Он привез «Человека-Двойномыта» с собой и в затишьях игры и продаж арахиса успевал читать. Отцова проза Теда впечатлила, он заметил кое-какие общие для них обоих стилистические пунктики и решил, что это генетическое. С чего бы генам определять лишь физические черты, цвет глаз и леворукость? Почему не остальные, более тонкие, нетелесные склонности – любовь к точке с запятой, например, или тягу нанизывать определения до бесконечности? Читая прозу Марти, Тед чувствовал себя в большей мере сыном своего отца, биологически, чем за всю предыдущую жизнь. Он всегда считал себя клоном матери, и, если б она рассказала эту историю по-своему, он рассказал бы ее так же. Тед был на сто процентов ее. Марти разделял этот взгляд. «Внушал я твоей матери, чтоб отъебалась, – любил он говаривать в свое время, – и девять месяцев спустя ты б родился». Но поток слов с этих обоженных страниц оказался тестом на отцовство – с положительным результатом, и Теду от этого было и хорошо и тошно разом. Он читал дальше:

Бейсбол – единственная игра, которой завидует смерть. Бейсбол берет верх над временем. Все прочие виды спорта идут по часам и потому подвластны смерти. И лишь бейсбол может длиться вечно. Лишь бы не огрести третий аут в девятом иннинге, всегда остается возможность, что XXXXXXXXXXXX [вычеркнуто] игра не превратится [так!], возможность на победу, возможность, что никогда не умрешь. Человек-Двойномыт размышлял над всем этим, а сам целовал ее и надеялся, что этот день можно продлить на дополнительные иннинги.

Тед читал это у своего шкафчика в раздевалке, а рядом облачался в цивильное Манго.

– Ты сегодня чуток рассеянный был, Тедди Бей-мяч. Ни разу из-за спины не кинул. Пятьдесят три процента хитов. Так мало не бывало с тех паршивых дней в семьдесят шестом, когда у тебя мочевого пузыря воспалился, помнишь? Что за дела, Джерри?

– Ничего, Манго. Все хорошо. Вот и все дела. Власть рабочим.

– Власть рабочим, – отозвался Манго.

Они стукнулись кулаками, и Тед вышел в коридор, ведущий со стадиона.

Миновал комнату, где игрокам давали сеансы физиотерапии, заглянул. Увидел спины пары тренеров напротив телевизора, в руках – по планшету, что-то записывали. Тед заметил, что телики подключены к этим новым машинкам, видеоманитофонам, и тренеры смотрели какую-то игру, состоявшуюся в этом году, и пускали ее то побыстрее, то помедленнее. Удивительные машинки. Вот как оно теперь по-новому, подумал Тед: можно замедлить жизнь и разглядеть то, что когда-то проносилось мимо незамеченным. Тренеры смотрели, как бьет Реджи Джексон. Реджи замахнулся так сильно, что чуть не плюхнулся на задницу. На замахах этого

¹⁷⁰ Пожалуйста (*исп.*).

парня не обставишь. Теду показалось, что он заметил у Реджа малюсенькую оттяжку перед тем, как тот начал замах, крошечное колебание в руках, из-за которого могла случиться миллисекундная задержка, равная разнице между сильным ударом и страйк-аутом. Тед не был уверен, жульничество это в спорте или нет, но подумал, что, если бы жизнь можно было замедлить, удалось бы ее разглядеть, а значит, и сыграть получше.

Может, вот что со мной трава и делает, размышлял он, – все замедляет, чтобы я смог взглядеться. Может, вот что с моей жизнью делает писательство. Замедляет ее. Может, мое писательство замедляет жизнь недостаточно. Тед задумался, мыслимо ли замедлить писательство – или Марти, или женщин. Может, как замедлил Марти, чтобы Теду удалось разглядеть Марти и в заминке отцовской души воспринять его точно. Или вот женщины. На Тедов взгляд, они двигаются слишком быстро. Пустить бы Мариану в замедленной промотке на видеоманитофоне – какие тайны тогда откроются Теду, что он в ней увидит? В чем ее оттяжка?

В общем, он решил, что мог бы поделиться мыслями с тренерами, – не о Мариане, конечно, а о Реджи. Как и многие не включенные в игру, Тед ее прекрасно прозревал. Вероятно, если не дать человеку преуспеть в чем-нибудь, он становится восприимчив к тому, в чем состоит успех или поражение этого дела, одержим его особенностями и тайнами, а одаренные не лезут разбираться – они просто выполняют, и все; менее даровитые ломают голову, размышляют, тревожатся, набираются знаний окольным путем и могут поэтому учить других. Одаренные не могут научить тому, чему не учились сами. Вот почему большинство великих тренеров никогда не были великими игроками, а лучшие тренеры – всегда посредственные игроки, и подвижный, задиристый Билли Мартин¹⁷¹, недавно уволенный управляющий «Янки», – блестящий пример. И только Тед собрался открыть рот, поделиться наблюдением, что он углядел у Реджи оттяжку, один из тренеров заметил его, зыркнул злобно и захлопнул дверь прямо перед носом у г-на Арахиса.

---

¹⁷¹ Альфред Мануэль «Билли» Мартин-мл. (1928–1989) – игрок второй базы, директор нескольких бейсбольных команд, был знаменит способностью делать из слабых команд сильные, однако обладал тяжелым, вздорным характером, пил.

28

Тед теперь вставал раньше, чем у себя дома, и, когда зашел Марти, не спал уже пару часов.

– Хотел дать тебе отдохнуть, – сказал Тед.

Марти картинно принюхался:

– Кажется, запахло Гинзбергом.

Тед показал отцу спасенную из огня тетрадь:

– Читаю твой роман, пап, он неплох.

Марти сплюнул.

– Предполагалось, что ты дашь этому говну догореть. – Он закашлялся – его, похоже, скрутило болью. – Чертовы «Носки» опять продули.

– Ты не пытался его издать?

– Дрянными романами сыт не будешь.

– Ну, работу же ты не бросал. По ночам писал?

– Тед, выкинь это, пожалуйста.

– Тут есть отличные писательские находки.

– Иногда посрешь и минутку любуешься этим делом, прежде чем смыть, да?

– Тебе виднее.

– Ладно, полюбовались, теперь смой.

– Нет.

Марти закашлялся сильнее.

– Черт бы драл «Носки» – и черт бы драл тебя. Пойду лягу.

Марти ушел спать дальше. Тед соорудил себе сэндвич и кофе и снова уселся читать «Человека-Двойномята». В книге имелась дочь, а не сын, и хотя Тед понимал, что это вымысел, ему все равно было немного обидно. Означало ли это, что старик хотел дочь? Такова опасность чтения прозы близких людей: все время ищешь параллели и намеки, словно это головоломка, письмо в бутылке. Вот как думает Марти о Тед, что ли? Означает ли это, что Марти совсем не хотел сына? Или не хотел именно Теда? Ну как тут не проецировать. От мысли, что у него нет сына и некому, стало быть, предвзято копаться в его работах, Теду полегчало. Но он-то сам – сын, ничего не поделаешь.

Ближе к полудню опять загремел этот кошмарный дверной звонок. Теду в отчем доме были известны лишь два звука: удар о дверь «Нью-Йорк Таймс», запущенной не укротимой рукою мальчика-почтаря, и стук/звонок Марианы. Тед изо всех сил надеялся, что это второе, а не первое, глянул в зеркало – удостовериться, что на нем не напялено одежд двенадцатилетнего мальчика. Черт, какой же он жирный. В попытке начать сбрасывать вес он немного потрусил на месте перед дверью. Мариана. Тед запыхался. Как ему это удалось, пробежавшись лишь до двери? Со стороны смотрится небось как серийный убийца. Стремясь изобразить невозмутимость, Тед сказал, словно с некоторым разочарованием:

– Опять вы. – Один-ноль, подумал Тед и добавил в порядке *туше*: – *Оле*¹⁷². – Оле? Два-ноль.

– *Ола*¹⁷³. Вы разобрались, что именно противоположно пятидесяти процентам?

– Не-а, пока вожусь с вычислениями.

– Как Марти?

– А, вы пришли к Марти.

---

¹⁷² Возглас одобрения (напр., браво, ура; *исп.*).

¹⁷³ Привет (*исп.*).

– А что, вы тоже болеете?

– У меня чешется.

– Вероятно, вам стоит позаниматься с нами йогой. Поможет сбросить лишний вес.

– Это не жир. Это утепление. Зима на носу. Я медведю подобен.

– Как угодно. Что же Марти?

– Доставка к порогу, полное обслуживание, смертельный патронаж. Впечатляет. – Не-не. Полное обслуживание смахивает на массажные услуги. Откручиваем назад. – Не полное обслуживание, конечно, ничего такого не подразумевалось. Разнообразие услуг. Глубина. Всеохватность. Тщательность. Прервите меня когда пожелаете. Заткнусь прямо сейчас. Он ушел спать.

Прочсть ее лицо он не смог. Очарована? Отвращена? Нечто среднее?

– «Носки» проиграли, а? – сказала она.

– Вот откуда все знают, как эти проигрыши действуют на него физически? Деды на углу тоже про это говорили.

– Седые пантеры-то? Их так ваш отец называет.

– Ага, они. Говорят, что по одному его виду могут определить, проиграли «Носки» или победили.

– Он так излагает окончание своей истории.

– В смысле, это психосоматика?

– Так или иначе всё – психосоматика. Ум владеет телом. Я видела, как люди умирают от разбитого сердца. Никаких других недугов, только разбитое сердце, а люди просто прекращают жить, дальше не могут, умирают от грустных мыслей, от одиночества.

– Что, и на вскрытии это видно?

– Веру общучивать нетрудно.

– Простите, это механизм защиты.

– Уверены, что не механизм нападения?

– Нет. Нет, не уверен, если вдуматься. Простите.

– Передо мной не надо извиняться, Тед. Вы ж не назвали меня испашкой.

Она застала Теда врасплох, и он рассмеялся. И увидел, как кусок чего-то – вероятно, бейгла, по крайней мере, Тед надеялся, что бейгла, – вылетел у него изо рта и оказался у нее на лацкане. Тед не понял, заметила она или нет, следует ли ему признаться – в куске бейгла, в смысле. Черт, что это, если это не бейгл? Иисусе. Будем считать, что бейгл. Тед решил не претендовать на него, но протянул руку, словно желая одобрительно похлопать ей за удачную шутку, стряхнул мокрое что-то с ее лацкана – и тут же осознал, что ладонью опасно приблизился к Марианиному бюсту. Она глянула на Тедову ладонь, потом на самого Теда и спросила:

– Вы меня лапаете исподтишка?

Тед прекратил ее гладить, но все еще не мог отдышаться и сказал:

– У вас там был *шмуц*¹⁷⁴ какой-то.

– О, тогда спасибо.

И она тоже отряхнула лацкан. Тед процокал зубы и десны, проглотил все, что оттуда могло выпасть. Тайком. Хотелось бы верить. Надо нитью зубной пользоваться хоть иногда, подумал он.

– Это еврейское слово – *шмуц*?

Она произнесла его с долгим «у» – нуэриканский акцент. Тед не стал ее поправлять. Нравился ей «шму-у-уц», пусть будет «шму-у-уц».

– Да, идиш, думаю.

– И означает оно?..

---

¹⁷⁴ Грязь, сор (*идиш*).

– Оно означает... *шмуц*. Ну *шмуц*, понимаете? Как слышится, то и значит. *Шмуц*.

– Ономатопея.

– В точку. Ух ты, я прямо и не знаю, лучшая вы сестра смерти на свете или худшая, если вы меня понимаете.

– Думаю, вам решать, Тед, скажу так.

Тед кивнул.

– Ну, раз ваш папа лег спать, я пойду.

Она собралась спускаться с крыльца. На попе у нее – на заднем кармане джинсов – виднелся логотип. Джинсы «Джордаш», и это, в общем, тут же разбило Теду сердце. Ей все-таки не плевать на свой внешний вид, подумал он. Казалось, что мода и тренды для нее не важны, – ан нет. Ей хотелось верить, что нам подвластны любые истории наших жизней, а сама искала безопасности чужого мнения, что следует надевать, была частью чего-то – пусть хоть глупой истории Америки, где в остальном здравомыслящие люди вынуждены таскать у себя на задницах надписи «Джордаш» или «Сассун». Она все же чуточку, но шла за стадом, хоть это стадо – у-у-у-ла-ла – и переплачивает за джинсу. Сам Тед был из племени «ливайсов», колена Строссова, но это ж наверняка преодолимая разница. Стросс и Джордаш – это вам не Монтекки и Капулетти, а? Может, она примкнет к клану «ливайсов». И джинсы их поженятся. Черт, джинсы на ней отлично смотрятся – может, это ему стоит сменить веру?

Тед поймал себя на том, что улыбается. Начал даже видеть в этой женщине слабости и недостатки – в свете ее обаяния и уязвимости. Она – человек. Вот как выглядит любовь изда- лека, подумал он. Если бы мое сердце было фотоаппаратом (если бы мое сердце было фотоаппаратом?), я бы постоянно ловил наилучший свет, чтобы запечатлеть ее, но бля, я ее даже не знаю, не может это быть любовью, даже изда- лека, а она считает меня жирдяем и Господином Арахисом. Он тут же понял, как ему важно, что она о нем думает. А это отстой. Тут открыва- ется мысленное пространство, которое Теду не нравилось. Новая неуверенность в себе поверх уже наличной неуверенности в себе. Не надо мне такого, подумал он. Ему стало нездорово. Пусть уйдет. Пусть уйдет и никогда не возвращается. Тед открыл рот попрощаться, а вылетело:

– Погодите.

Мариана обернулась:

– Что такое? У меня шму-уц сзади?

– Я поделаю йогу, – соврал Тед.

29

Тед с Марианой убрали с дороги кое-какую мебель и организовали свободное место для йоги. Начиналось все довольно просто – сидели, пели мантры, а затем выполнили нечто под названием «приветствие солнцу», кое Тед счел чем-то вроде ясельных «потягушек-подрастушек». Ну и ладно, он же за компанию. Мариана переделалась в свое бежевое трико.

– Сосредоточьте взгляд внутри.

Черта с два, подумал он, да и что это вообще означает? Она приняла позу «собаки мордой вниз», как она ее назвала, далее – «собаки мордой вверх», а следом началась последовательность все более сложных поз, поименованных в честь других зверей. Вскоре Тед уже запыхался и весь трясся – мышцы устали.

– Мой отец все это проделывает? Мой умирающий отец?

– Ваш папа – вполне жеребец. Вы дрожите.

Тед изобретал повод прерваться. Ему казалось, что он сейчас отключится. Стойка на голове? Черт.

– И это мой отец делает?

– Увы, да. Давайте-ка поспокойнее. Попробуем лотос.

Мариана взяла Теда за щиколотки и попыталась подsunуть одну под другую, как у Гамби¹⁷⁵. Тед подумал, что лодыжки у него того и гляди буквально отломятся, как черствый хлеб, но черта с два он спасует в том, что удастся его предку. Наконец Мариана защелкнула его в позу полного лотоса. Он понятия не имел, как из нее выбираться. Почуял, как зарождается паника. Связки выли – мука йогина. На лбу выскочил пот.

– Спасибо, вечно мне помощник нужен с этой позой.

Пытаясь хоть как-то отвлечься от раскаленной боли в ногах и от крепнувшей мысли, что он наносит себе непоправимый ущерб, Тед сосредоточился на Марианиной лодыжке, точнее – подумать только! – на татуировке «Благодарных мертвых». Есть ли пределы привлекательности этой женщины? Классическое «мертвецкое» изображение: череп, вид сверху, аккуратно скальпированный так, что молния, пересекая по диагонали, делила круг, в котором видно мозг, надвое – на синюю и красную половинки. Тедов голос застрял у него в онемевших ступнях, но ему все же удалось просипеть:

– Вам нравятся «Мертвые»?

Мариана, кажется, опешила, в глазах вспыхнули недоверие и настороженность, пока Тед вел ее взгляд ей же на лодыжку.

– В каком смысле?

– Ну, группа. «Благодарные мертвые». У вас татуировка – их символ.

Мариана расслабилась.

– А, я, было дело, расстроилась как-то раз тут, недавно, увидела эту картинку в витрине тату-салона и подумала, мне подойдет. Это группа такая, да?

– Одна из знаменитейших на белом свете.

– Клево.

– «Дальнобой»? «Кейси Джоунз»?¹⁷⁶ «Сладкая магнолия»?

– Не в курсе. Это песни, что ли?

– Песни? Это не песни – это гимны.

– Какой религии?

¹⁷⁵ Гамби – персонаж пластилинового анимационного сериала (первый эфир 1953 г.), создан американским пионером покадровой пластилиновой анимации художником Артуром Клоки (1921–2010).

¹⁷⁶ *Truckin'* – песня из альбома «Американская красота», *Casey Jones* – песня из альбома «Мертвые для работяг» (1970).

– Покойнизма. Мертвианства. Усопшизма.

– Хорошо.

– Можно спросить? – Когда Тед умолкал, боль простреливала ему позвоночник, и потому он изо всех сил старался говорить не умолкая: – Вы не заметили, что белые ребята, после того как вы татуировку сделали, стали с вами гораздо лучше обращаться? Уйма тощих ребятков в крашенных футболках да с футбэгами небось начали на свиданья звать?

Страннейший вопрос – Тед заметил, что Мариана сначала решила, будто он шутит, но потом передумала и сказала:

– Хм. Ну да. А мне показалось, это из-за того, что я волосы мелировала.

– Ну, волосы у вас наверняка были хороши, но те ребята – фанаты «Мертвых». Их приятнул символ. Как тайное рукопожатие.

– Путаные у вас, у гринго, традиции и ритуалы.

– Мы, да, поразительные. Мы, ребята посветлее.

Мариана переместила вес, и показалась другая татуировка – на левой лодыжке. Тед разобрал начало слова «Христос».

– А с этой у вас что за история? Которая с Христом. Перебрали вина на причастии в церкви рядом с Сорокдвойкой?¹⁷⁷

Еще до того как оно вылетело, Тед понял, что «Сорок-двойка» – это ужасно глупо, что Сорок вторая слишком старается быть «улицей». Многие улицы Тед видал, в том числе даже опасные, но эта улицей не была и никогда ею не станет. Мариана одернула штанины и застенчиво прикрыла татуировку.

– Ой, – сказала она, – это васнека.

– Васнека?

– Ага.

– Это по-испански?

– Ага, это по-испански «вас не касается», – сказала она с улыбкой. – Пора бежать. *Намасте.*

– На мосты? А что там?

– Нет, «намасте» – это на санскрите означает «мир», по-йогически «будь здоров – паси коров, конец связи».

– Я знаю. – Ни хера Тед не знал. – Я шутканул.

– Вам помочь?

Теду не удалось бы взяться за протянутую руку, даже если бы он захотел. Его заклинило от шеи до пят.

– Нет, я еще не закончил. Еще часок-другой прихвачу. Я уж как возьмусь за йогу, так мне все мало.

Мариана собрала вещи:

– Ладно, потом пять минут *шавасаны* сделайте в конце, поза трупа.

– Думаю, одолею.

– И произнесите «ом-шанти-шанти», когда закончите, хорошо?

– Есть контакт. В смысле, нама, ну то есть нама-нама-рама-лама-дин-дон...

Мариана улыбнулась:

– *Намасте.*

– Точно.

---

¹⁷⁷ Сорок-двойка – так называли с 1950-х по 1980-е одну из самых оживленных деловых улиц Центрального Манхэттена в Нью-Йорке – 42-ю, центр театрального квартала города; протяженность улицы около 3,5 км, она пересекает весь остров от Восточной реки до реки Хадсон.

Тед сверкнул ей улыбкой, которая на самом деле была переодетой гримасой. Услыхав, как за Марианой хлопнула дверь, Тед взвыл от боли и рухнул на бок, не в силах расцепить лодыжки. Он походил на черепаху, уложенную пузом кверху. Он взялся за щиколотки, потянул их, но вырвать их из пут лотоса не смог. Пробудившись от Тедова звериного скулежа, приковывлял Марти. Глянул на Теда, прищурился:

- Ты опять укурился?
- Пап, дай руку.
- Последил бы за легкими.
- Помоги мне.
- Как?
- Пни меня.
- Куда?
- Под зад.
- Ты хочешь, чтобы я пнул тебя под зад?
- Умоляю.
- Ну наконец-то.

Марти подобрался к Теду, двинул ему по заднице, и ноги у Теда наконец расплелись. Но попытка не завершилась. Ноги у Теда от двадцатиминутной неподвижности так затекли, что он не смог их выпрямить, и всякий раз, когда пытался встать, поясницу сводило судорогами и Тед валился на пол. Его скрутило, как Хитрого Дика Никсона, и смахивал он на Квазимодо, которого безуспешно учат кататься на роликах.

– Какая прелесть, – сказал Марти. – У тебя прямо дар к коверной клоунаде.

Тед наконец выпрямился и попробовал походить, однако ноги не гнулись, как у мумии, руки-палки хватались за кресло Марти – чистый Франкенштейн в исполнении Бориса Карлоффа¹⁷⁸; Тед пытался нащупать равновесие. Марти отошел на несколько дюймов.

– Это уже чересчур. Это уже не Питер Селлерз, а Джерри Льюис¹⁷⁹. Ты меня передразниваешь, Тед?

– Нет.

Но Марти ему не поверил – решил, что Тед насмехается над его немощью, над старческой походкой. Марти убрел в другую комнату.

– Говнюк, – сказал он на прощанье, и тут ноги, будто наделенные своим умом, Теду отказали. Он тяжело рухнул, и мебель в доме содрогнулась. Марти, не сомневаясь, что это все еще издевка над ним, проорал из соседней комнаты: – Очень смешно, говнюк. Погоди – сам состаришься.

Тед подумал, что лучше всего сейчас просто лежать на полу и ждать, пока отпустит. Он осторожно перекатился на спину и, словно умирающий таракан, задергал лапками, мимолетно подумав о «Превращении» Кафки, после чего по телу туда и сюда электрическими волнами забегало трупное окоченение, а Тед запел:

– Ом-шанти-шанти... ом-шанти... ебте.

---

¹⁷⁸ Борис Карлофф (Уильям Генри Прэнт, 1887–1969) – британский актер кино и театра, икона жанра киноужасов.

¹⁷⁹ Ричард Генри Селлерз (1925–1980) – британский актер, комик, певец; Джерри Льюис (р. 1926) – американский актер, комик, режиссер и писатель.

30

На следующее утро Тед проснулся спозаранку, все связки – в ужасе, с единственной мыслью в голове: сбрею нахер эту бороду. С такой затеей, впрочем, все шло небыстро: борода была нечесаная и густая, и росла она лет пять. Сначала пришлось обрубить ее кухонными ножницами и лишь затем подступаться с бритвой. А когда дело дошло до бритвы, оказалось, что ничего, кроме смертоносного оружия – бритвы Марти с одним лезвием – в доме нет. Теду еще повезло не зацепить вену, однако не успел он разобраться и с половиной бороды, лицо его уже укрылось крапинами туалетной бумаги – унять кровотечения. Марти проступил в зеркале позади Теда, как привидение из фильмов ужасов. Тед вдруг узрел у себя за плечом этот образ: отец в красном купальном чепчике с символикой бостонских «Красных носков», облегающем череп как вторая кожа.

– Бреется ради дамы сердца, – сказал Марти.

– Что? Где ты взял эту бритву, пап? У деревенского кузнеца? Сколько лет этой херовине?

– Час йоги – и Заноза уже как форель на крючке.

– Не зови меня Занозой.

– Это ж твой тезка. Тед Уильямс, также именуемый Замечательной Занозой. Ты – просто заноза, не замечательная.

– Я знаю. Странная кличка.

– Любовная. Это я тебе угождаю. «Заноза бреется для дамы сердца» – это угожденье.

– Ты чувствуешь разницу между «угодить» и «угадить»?

– Конечно, нет. Ты чувствуешь разницу между «пошел» и «нахуй»?

– Хватит. Ни для какой дамы я не бреюсь, просто надоело. – Тед показал на заметную седину в настриженной кучке на полу: – Представляешь, сколько анг лосаксовости у меня в бороде?

Но Марти так запросто со следа не собьешь. Он лишь улыбался да кивал.

– Если Заноза еще и эти свои идиотские хипповские лохмы отстрижет, тогда Заноза точно не жилец. Я помню Занозу, когда у него даже под мышками волос не было.

– Брось вот это третье лицо.

– Ты не видал мою купальную шапочку?

– Она у тебя на голове.

– Бля, точно. А я ее уже час ищу.

– На что вам чепчик, Капитан? Собираетесь на бобслей или как?

– Когда «Носки» дают зевка, я иду плавать в «Уа й»¹⁸⁰. Смыть грехи их. Заноза не желает присоединиться?

– А есть ли у Занозы выбор?

– У Занозы нет. Заноза обязан отвезти отца.

– А, но у Занозы нет плавательного костюма.

– Я тебе одолжу свои старые «спидо».

– Как мило. Занозе пиздец.

¹⁸⁰ УМНА (разг. У) – Юношеская иудейская ассоциация.

31

Старый «Уа й» – чисто машина времени. Минуешь входные двери – и оказываешься в конце 1950-х – начале 1960-х. По столько лет тут все работали, и так давно последний раз меняли оборудование. Та же громадная старуха Пёрл проверяла документы. Пёрл трудилась здесь с тех еще пор, когда Тед был мальчишкой. На глаз в ней было четыре фута одиннадцать дюймов и 250 стоунов веса, как у спятившей тети Би из Мейберри¹⁸¹, но стоймя Тед ее никогда не видел. Эдакий сидячий кентавр – наполовину еврейская старушка, наполовину стул. Ни от кого и ни от чего не пахло, как от нее. Опороченный мускус, головкружительное силовое поле задохнувшейся нейлоновой ластовицы, капусты и кофе – словно духи, набрызганные поверх того места, куда духи уходят умирать. Когда Тед с друзьями подросли, они стали звать ее Эрл Пёрл, в честь великого баскетболиста Эрла Пёрла Монро¹⁸², также именуемого Черным Иисусом. Тед отродясь не видывал, как не-великая Пёрл двигалась-то, – какое там крутилась и металась, как ее тезка, – но не видывал Тед, и чтоб кто-нибудь проскочил мимо Пёрл. Она была перевозчанной недвижимостью. Свирепой. Медузой бородавчатой, древнееврейским Цербером в хламиде и с местечковым акцентом – проверяла членские карточки.

– Эрл Пёрл, как ваше ничего, мамаша? – почтительно прошептал Тед, когда они с отцом проходили мимо.

– Карточку, – потребовала она.

– Ой, да ладно вам вредину-то включать, – отозвался Тед с нежностью и показал карточку Марти.

И в раздевалке, и в спортзале все было столь же неизменно. Тед миновал древнюю сауну, куда его когда-то приводил отец, – Марти усаживался и балагурил с другими мужчинами, голыми в сухом жаре. Тед помнил потрясение от размера и отвисания мошонок у стариков, когда те сидели, не запахнувшись в полотенца, и старательно пытались не вырубиться от перегрева. «А моя тоже так отвиснет? Хочу ли я этого?» – помнится, думал он.

Были здесь и «физкультурные» машины, воздействовавшие только на жирные части тела. Вибрационный пояс с системой ремней, обвивавших талию; если такую машину включить, она сжимала физкультурника в судорожных объятиях и принуждала его к ускоренной версии твиста – и сим, как предполагалось, избавляла его от лишних фунтов в талии. Был и здоровенный деревянный ролик от жира, который крутился на манер гриля, а штыри, которыми он был утыкан и на которые надо было садиться, по идее, изводили и разминали в ничто жир на жопе. Прямо дитя Джо Уидера и Руба Голдберга. Отменное чувство юмора было у Джека Лалэйна¹⁸³, похоже.

Тед переоделся в отцовы «спидо». Эластан из них уже почти весь вышел, хлорка, будто химическая моль, проела мелкие дырочки и превратила их практически в сетку, и шнурком единым, ныне – от старого ботинка, спасался Тед от обнажения перед семидесятилетними.

В воде все тоже было не злободневным. Марти направился к дорожке с надписью «медленная», но «медленная» здесь – слово дерзновения. Восьмидесятилетние на этой дорожке казались недвижимыми, их качало приливом из стороны в сторону, как человекоподобных медуз. «Умеренная» дорожка была по любым понятиям «медленной», а «быстрая», как ни

¹⁸¹ Тетя Би из Мейберри – персонаж американского комедийного телесериала «Шоу Энди Гриффита» (1960–1968).

¹⁸² Вернон Эрл «Пёрл» Монро (р. 1944) – американский баскетболист; получил свое прозвище за эффектную – и эффективную – игру.

¹⁸³ Джозеф Эдвин «Джо» Уидер (1919–2013) – канадо-американский тренер, основатель Международной федерации бодибилдеров; Рубен Лушес Голдберг (1883–1970) – американский карикатурист, скульптор, писатель, инженер и изобретатель; Франсуа Анри «Джек» Лалэйна (1914–2011) – американский деятель альтернативной медицины, натуропат, диетолог, пропагандист здорового образа жизни, бизнесмен, шоумен.

странно, – медленнее «умеренной». Тед выбрал «быструю», поскольку первый и единственный раз в жизни мог себе это позволить. Подумал, что стоило бы уже присоединиться к старческому сообществу: вот где он преуспел бы как физкультурник. Вот где вершины-то.

Слушаясь надписи «Без шапочек не плавать», Тед нацепил одолженную у Марти красную шапочку «Носков». В ней он смахивал на сердитый сперматозоид. Макнул пальцы ноги в воду. Холодрыга, бя. Вспомнил, как его прабабушка Бакка «моржевала» на Кони-Айленде – была из тех стародавних восточных европейцев, что посреди бруклинской зимы дружно плавали в ледяных атлантических волнах нового мира. Она вместе со стайкой других таких же крепышей-поляков и русских сходила по мосткам в едва ли не замерзшую воду. «Привыкаешь», – говаривали они. Так же они могли говорить и о житейских страданиях в целом – привыкаешь. Железная была публика. И вероятно, коллективно чокнутая. Ныне Тед бесстрашие Бакки перед обморожением чтит, но когда был ребенком и слышал, что прабабушка – морж, Тед представлял себе настоящего громадного серого и довольно опасного зверя, а сухонькую старушонку в четыре фута десять дюймов роста, что совала ему в ладонь долларовую бумажку при всякой встрече, считал оборотнем. Рассказал он об этом лишь самым близким друзьям, в третьем классе.

– Мама мамы моего отца – морж, – заявил он. – Никому не говорите.

Быть может, какие-то из тех старых морозоустойчивых генов передались и Теду: два-три заплыва по бассейну – и он обнаружил, что начинает «привыкать». Тед на своей дорожке был лет на пятьдесят моложе всех, весил, вероятно, меньше всех – и оказался единственной мужской особью, судя по всему, хотя всматриваться не очень хотелось. Плыл, гребя от, извините, груди, брассом. Погружаясь с головой под воду, он поглядывал, нет ли кого впереди, наблюдал громадные конечности кумушек, влекшие их вдоль дорожки, и вспоминал сцену из «Фантазии» – бегемотов в балетных пачках. Так и было же? Бегемоты в пачках? «Фантазия» – кислотный улет, какой Дядя Уолт, всеамериканский верховный толкач опасных приторных фантазий, завещал детям всего мира как наркотик отрыва. Сладкая да вкусная гаш-печенька – Мики-мусс. Сколько улет-пирожков нужно было умять, чтобы измыслить такое? Тед включил воображение и рассмеялся – и всосал воды, хлорированной самую малость слабее, чем для отбеливания. Тед исчезал и появлялся над поверхностью дорожки, как автогонщик – самый медленный автогонщик во вселенной, – а подымавшиеся над бассейном пары щипали ему легкие. В своем неудержимом подводном гоне он то и дело упирался в чьи-нибудь бултыхавшиеся стопы и тыкался лицом в пухлые белые пятки.

Многое тут было неприятно. Тед остановился в конце дорожки и вновь нырнул – поглядеть на плававших бегемотов, странно замороженный их невесомыми тушами. Благословенны пусть будут бегемоты, подумал он. Тут его похлопали по плечу, и он вынырнул подышать. На него сверху вниз взирала одна из Бегемотих. Он вспомнил, как читал где-то, что бегемотов в Африке следует остерегаться: они опаснее и зловреднее для человека, чем львы. И этому воспоминанию Тед тоже улыбнулся.

– Извращенец, – сказала матрона с уникальной смесью отвращения и самодовольства и отплыла, подняв волну под стать небольшой лодке.

Тед простоял под душем, пока в пальцы рук и ног не вернулась щекотная чувствительность. Когда пришел в раздевалку, оказалось, что Марти уже ждет его, нагишом: он вытирался полотенцем, к Теду спиной. Теда поразило, сколько у отца на спине родинок и старческой «гречки» – как звезд в умирающей галактике. Тед воспользовался моментом, чтобы стянуть с себя «спидо» хоть в сколь-нибудь приватной обстановке, но стоило спустить плавки, как Марти обернулся, и Тед дернул их обратно.

– Хорошо поплавалось? – спросил Марти.

– Ага, – ответил Тед. – А тебе?

– Неплохо. Неплохо.

Марти вновь повернулся спиной, Тед спустил плавки, Марти обернулся, Тед натянул плавки.

– Все нормально? – спросил Марти.

– Ага, – ответил Тед.

Этот потешный танец повторился еще несколько раз: Теду не хватало времени стащить с себя «спидо» прежде, чем Марти вновь обернется. Марти наконец спросил:

– Ты собираешься одеваться?

– Ага.

– Сначала тебе придется раздеться.

– Занозе это известно.

Замотанный до талии в полотенце Марти встал к Теду лицом:

– Ты меня стесняешься, что ли?

– Что? Нет. Я размышляю.

– Ты смеешься? Я тебе подгузники менял. Видел это твое все.

– Не упомяну.

– Ладно, я видел, как твоя мать меняет тебе подгузники. Иисусе, да ты серьезно.

– Не могу. Отвернись.

Марти сбросил полотенце на пол и стоял теперь перед Тедом голый.

– Хуже, чем у меня, не будет. Я похож на старуху, а вместо хера у меня дохлый воробей. *Esse homo*¹⁸⁴... – Марти щедрым взмахом, наподобие Кэрол Меррилл в «По рукам»¹⁸⁵, обвел свои чресла.

– Я бы предпочел отказаться¹⁸⁶.

– Ты глянь, Бартлби. Оголяйся со мной, прохвост.

– Нет.

– Снимай – или я сниму.

Марти хватанул Теда за «спидо». Тед отклонился назад, отпихнул отцовы руки, потерял равновесие, поскользнулся и со всего маху плюхнулся задом на мокрый пол.

Марти заржал:

– Блестяще. Совершенно по-чаплински. По-китонски. От русского рефери – десятка.

Тед был положительно взбешен.

– Ладно, – сказал он, встал и сдернул плавки до щиколоток – единым буйным порывом.

Се стояли отец и сын, нагие, мужик с мужиком, в паре футов друг от друга.

Взгляд Марти опустился на Тедово мужское достоинство и там замер. Марти непроницаемо рассматривал эти места, склоняя голову то вправо, то влево, и так и эдак, оценивал, словно редкий самоцвет.

– Доволен? – сердито спросил Тед. – Для общего сведения, хотя это и так понятно: я плавал, между прочим.

Тед схватился за полотенце, но Марти остановил его.

– Посмотри на меня, Тед, глянь на это барахло. – Марти раскинул руки, как человек, которого собираются ощупать на предмет носимого оружия.

– Да ладно, пап, не надо...

– Глянь, Тед, глянь. Пожалуйста. Мне нужно, чтобы ты посмотрел.

Тед сделал, как отец просит. Воспринял его. Узрел разор, причиненный временем и раком. Обнаружил у отца на груди свежий злобный шрам от последней операции, влажно бле-

---

¹⁸⁴ *Esse homo* – Се человек (*лат.*), слова Понтия Пилата об Иисусе (Иоанн, 19:5).

¹⁸⁵ Кэрол Меррилл (Кэрол Лю Хиллер, р. ок. 1940) – модель и ассистентка (1963–1977) в американской телевикторине «По рукам» (с 1963 г.)

¹⁸⁶ *Я бы предпочел отказаться* – фраза, которую несколько раз произносит главный герой рассказа Германа Мелвилла «Писец Бартлби» (1853), пер. М. Лорие.

стевший, красный. Казалось, он еще не зажил, еще болел, и Тед поморщился, инстинктивно ощутив боль и у себя в груди. Он узрел перед собой умирающее животное, что было ему отцом, и почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

– Ебаная хлорка, – проговорил он.

Марти простер распахнутые руки к Теду и шагнул вперед обнять его. Тед сдался, ответил объятием. Так и стояли отец с сыном, голые, мокрые, обнявшись, в недрах Юношеской Иудейской Ассоциации в Бруклине, в конце лета 1978 года.

Марти тоже заплакал. Прошептал Теду на ухо:

– Совершенно подходящий у тебя хрен, сынок.

Эта вот фраза показалась Теду приятнее, чем он вообще мог себе вообразить, и ему не хотелось разбираться почему. Когда Марти это произносил, в раздевалку из бассейна пришел еще какой-то мужчина – и увидел, как они обнимаются.

– *Фейгеле...* – пробурчал вторгшийся себе под нос и убрался.

Марти и Тед не отпускали друг друга.

32

Человек-Двойномят блестит от пота, куролесит в испанском Гарлеме. Он не один. Мария лежит рядом с ним. Мария. Он только что встретил девушку по имени Мария. И вдруг лето. Плещут шторы. Он оглаживает хрупкую поросль у нее на руках, над коленками. Не насытится ею никак. Вдыхать ее, ощущать ее, ее ее. Ему конец. Отпивает «Бадвайзер», прикладывает банку к губам Марии. Та отхлебывает. Даже то, как она отхлебывает, его заводит да так и оставляет. Мария достает кубик льда из холодильного ящика у кровати, прижимает Двойномяту ко лбу, лед тает, словно на плите.

– Я люблю тебя, Мария, – говорит он. – Твоя плоть мне как дом родной. *Su casa эс ми каса*¹⁸⁷.

– Вообще-то оно на слух не так уж и здорово, как тебе кажется, Гринго. – Но улыбается.

Они целуются. Языки их скользят друг по другу и быстро, и глубоко, словно, чтобы выразить силу чувства, отказались от слов. Благодарение Богу за языковой барьер. Столько всего есть обсудить, но совершенно нечего сказать. Рты их отныне станут показывать, но не говорить. Никогда *сервеса* не бывала по вкусу лучше. Женщина никогда не бывала по вкусу лучше. Жизнь никогда не бывала по вкусу лучше. Он шепчет ей на ухо, а сам негрузно погружается в нее. И покачиваются они, прижавшись, и творят любовь – в третий ли, в четвертый ли раз за сегодня.

– Вне этой комнаты нет ничего. Ни блго свта [так!] ни людей ни солнца ни луны ни времени.

– Расскажи мне ту байку еще раз, Григо [так!].

– Мы одни. Русские сбросили бомбу. Все умерли, никого нет. Осталась лишь эта комната.

Одни мы остались.

– Одни мы?

– Одни мы, детка.

---

¹⁸⁷ Твой дом – мой дом (*исп.*).

33

1 сентября 1978 года

	Выиграли	Проиграли	ППБ	Отставание
Бостон	84	49	,632	—
НЙЯ	77	55	,583	6,5

Тед проснулся от скулежа. Поначалу подумалось, что это скулит он сам. Тед сел и задумался, отчего он заскулил, и постепенно осознал, что шум раздается из другой комнаты. Отправился на разведку. Марти лежал боком на диване, фыркал по-собачьи и бежал во сне. Вид у него был несчастный. Тед присел рядом и легонько его потряс.

– Пап? Пап? Проснись, пап. (Марти перестал дергаться и открыл глаза, детские и мутные, едва отвернувшиеся от другого мира.) Что такое, пап?

– Ужасно, Тедди, ужасно.

– Что именно?

– Мне приснилось, что нам все нужно вернуть. Все, что в августе было, в сентябре надо вернуть.

– Что вернуть?

– Все. Ох, все.

– Да о чем речь-то?

– О «Носках». Отдать наше лидерство «Янки». Они все отдали, и мне пришлось умереть.

Билли Мартин прибыл забрать мою душу, как в «Клятых Янки»¹⁸⁸.

– Это сон, пап. У «Носков» преимущество в шесть, что ли, игр?

– Шесть с половиной.

– Ложная тревога. У тебя есть подушка безопасности.

– Не допусти этого, Тедди. Не дай им все забрать.

– Не допушу. – Тед потянулся к столу, взял склянку с лекарствами и сунул таблетку Марти в рот. – Спи дальше, пап.

Марти все еще был вял и измучен, но таблетка подействовала, и он вновь начал засыпать.

– Коли что снится, так, ебте, беда. Пообещай, что не дашь мне помереть.

Как Тед мог такое пообещать? Что тут лучше, добрее всего сделать? Тед искренне понятия не имел. Эх, Мариану бы сюда: у нее было бы мнение, она бы знала, взяла бы на себя ответственность. «Мертвые» вновь начали обратный отсчет перед «Сладкой магнолией» и мешали Теду сосредоточиться.

– Тед?

– Обещаю, пап, обещаю.

¹⁸⁸ *Damn Yankees* (1958) – американский киномюзикл, современная версия истории доктора Фауста, про бейсбольные команды нью-йоркских «Янки» и вашингтонских «Сенаторов».

34

Сновидящий пес-отец заснул, а Тед отправился к седым пантерам у киоска Бенни один. У него возникла мысль. Смутная тень плана. Он попытается сдержать слово. Выйдя из дома, подобрал «Нью-Йорк таймс» и открыл страницу спортивных новостей, глянуть, не продули ли «Носки». Продули. Тед забрал газету с собой и, дойдя до стариков, выбросил ее в помойку. Накатила первая седая волна – Танго Сэм.

– Тед, смотришься потрясающе, такой красавец, чувствуешь, какой ты красавец? Должен чувствовать. Одолжи полтинник.

Аккурат над стопками газет Тед заметил макушку Бенни.

– Где Марти?

– «Носки» проиграли, – сказал Айвен.

– Ч. т. д.

– *Ипсе хок проттер хок*¹⁸⁹.

– *Сине куа нон*¹⁹⁰.

– Не вполне. Неточно это.

– Сам ты неточный.

– Ребята! Ребята, послушайте, я тут думал про всю эту историю с «Носками», как она добивает Марти.

– Мы это и обсуждаем.

– Нечего тут обсуждать.

– Верно, верно, – оборвал Тед неминуемое гонимо. – Я тут подумал: а чего это «Носки» все время должны проигрывать?

– Птушта они отстой – и из Бостона, вот почему.

– Птушта они зовут «герой» «подлодкой»¹⁹¹, а винный магазин – «пэки»¹⁹².

– Бостон – не узел¹⁹³.

– Птушта таковы пути мира сего.

– Таков Путь. Дао.

– Это Папа Хемингуэй зовет «славной штукой».

– Этого боги хотят.

– Этого Бог хочет.

– Монотеист сраный.

– Политеист сраный.

– Нет, я – индудей.

– Го с пода, прошу вас, дайте объяснить. – Тед наконец уловил редкий зазор в эфире и тут же в него влез: – Бенни, у тебя не осталось ли старых выпусков, а?

– Кое-какие да, конечно.

– Он же наполовину барахольщик, Бенни-то.

– Это болезнь.

---

¹⁸⁹ Это происходит потому что (*лат.*). Судя по всему, имелась в виду формула *cum hoc ergo propter hoc* («раз происходит вслед, значит, происходит из-за», ошибочное рассуждение, в котором последовательность приравнивается к каузации).

¹⁹⁰ То, без чего не, необходимое условие (*лат.*).

¹⁹¹ Герой (*hero*) – нью-йоркское название большого сэндвича с разнообразной начинкой, вероятно, от *греч.* «гирос» – хлеба жаренным на вертеле мясом; подлодка (*субмарина, sub*) – название большого сэндвича во многих американских городах.

¹⁹² «Пэки» – массачусетское название винных магазинов (от *package store* – место продажи уже разлитых в тару спиртных напитков на вынос).

¹⁹³ *Бостон – не узел* – спортивное радио Бостона называется «Бостонский спортивный узел» (с 1948 г.).

- Психологическое нездоровье.
- Что-то случилось, пока Бенни приучали к горшку.
- Да чего только не случилось, пока Бенни приучали к горшку!

Тед влез вновь:

– Вот бы найти таблицы игр с тех времен, когда «Носки» выигрывали или «Янки» проигрывали, вынуть те страницы, разворотные, когда «Нос к и» проигрывали, и заменить их на подложные, старые, но с выигрышами, которые у тебя припрятаны.

Старики умолкли. Впервые. Танго Сэм нарушил тишину:

- В смысле, ты хочешь, чтобы мы соврали?
- Ну, не прям соврали. То есть да, соврали. Святой ложью.
- Мы как-то раз такое провернули, в порядке эксперимента, но сделать из этого стиль жизни, модус операнди, – совсем другое.
- Что сказал бы Иммануил Фихте?
- Может, предложил бы тебе пососать его немецкий *имекель*.
- Я бы отказал. «Фих те, Иммануил», – возразил бы я.
- То ли дело Реймонд Муди.
- А телевидение как же?
- Вымявидение.
- Разьясни телевидение.

Разьяснять телевидение Тед приготовился заранее.

– Вы видали видеомагнитофоны? – Старики забормотали слова «видео», «Касио» и «Ар-си-эй», перебрали всякую технику начиная с 1950-х, на 80 % мимо. Тед продолжил: – На них записывают игры, а потом отсматривают их вместе с игроками, чтоб разобраться хоть как-то в общих тенденциях и всяком таком. У них на стадионе штук пять, я один спер, вряд ли кто заметит, а заодно и кассет, их можно воткнуть в проигрыватель, когда Бостон проигрывает или «Янки» выигрывают. У меня десяток записей игр, где «Носки» победили. И парочка – с выигрышами прямо у «Янки». (Все протвоестественно умолкли, зажужжало коллективное роевое сознание.) Навскидку оно, понятно, чокнутое, но у меня сердца не хватает смотреть, как он при каждом проигрыше «Носков» мается.

Айвен заговорил первым:

- Я в ужасе от твоего лицемерия, но тронут твоим состраданием.
- Обречено на неудачу.
- Чисто картеровская администрация.
- Пораженец.
- Республиканец.
- Додик.
- Тед – у руля. Власть Теду.

Ул ей вновь затих. Шло молчаливое голосование. Танго Сэм исполнил тустеп. Штиккер заговорил от имени улья:

- Похоже, юный Теодор, мы с тобой, как тот самый герой.

35

С тех пор Тед ежеутренне вставал с рассветом – перехватить доставку «Таймс». Он попытался отменить подписку, но чертова паразитка газета продолжала прилетать им на крыльцо каждое утро еще точнее прежнего – как отвергнутый, но от этого еще более старательный любовник. Как только газета прибывала, Тед забирал ее в дом и прятал у себя под кроватью. Марти просыпался и спрашивал про новости, и Тед говорил ему, что газету не приносили, клял Салцбергеров¹⁹⁴, мальчишку-разносчика и, если был в ударе, международный еврейский заговор. Убеждал Марти, что каждый день звонит в «Таймс» жаловаться.

– Умница, – говорил Марти. – Устрой им веселую жизнь.

Очень кстати: «Носкам» пошла непруха, и «Янки» их догоняли. Но Марти о том не ведал. Тед с пантерами держали Марти под колпаком бостонской победоносности. Бенни быстро наострился подменять спортивные страницы, а глаза Марти все равно уж были не те. Получалось. Тед пошел еще дальше – когда хотел, чтоб Марти думал, будто «Янки» продули, изображал хандру. Тед и пантеры стали богами отцовской погоды.

Тед верховодил обманом, и Марти в некоторые дни прямо скакал по дому. В точности как он и говорил: «выигрывая», «Носки» питали его жизнью. Но Тед беспокоился, что Мариана может нечаянно протащить новости в их информационный карантин, как заразу из внешнего мира, и потому решил навестить ее в больнице. Не виделись они со времен йогического фиаско.

В приемном покое ему сказали, что Мариана ушла на обед в столовую. Войдя в обеденный зал, Тед заметил ее, у нее на груди – красавца примерно возраста Теда, а рядом – пожилого мужчину. Трио излучало горе. Между ними происходило нечто едва ли не чересчур личное. Приятно было смотреть на Мариану за работой – как она утешает молодого человека, дает ему возможность все выплеснуть. Что бы то ни было. Ощущается в Мариане сострадание без сентиментальности, решил Тед. А это немалая сила. Тед задумался, какая такая боль привела ее сюда – принимать боль чужих людей, день за днем. Какое свое горе она уравнивает чужим? Теду не хватало воображения. Но что-то тут сокрыто, глубоко, и его это, как ни в какой другой женщине прежде, и пугало, и интриговало.

Тед продолжил наблюдать за Марианой издали – и вот уж те двое оставили ее. Она покрутила головой и потрясла руками, словно стряхивая воду, словно выпуская из себя печальную энергию, словно омывая небо перед следующим клиентом. Встала в очередь за едой, Тед втиснулся следом.

– Можно предложить вам чашечку «Джелл-О»? – Мариана обернулась чуть порывисто, словно ее выхватили из грезы. Тед продолжил: – Или же, по-испански, чашечку «Хелл-О». – Не ловится. Дальше. – Красное или зеленое? – Тед протянул ей стаканчики с красным и зеленым «Джелл-О». Мариана ткнула в красный. Тед превратился в желейного сомелье: – Превосходный выбор. Думаю, красный покажется вам гибким, но не бесхребетным, упругим, но не упрямым, сладким, но не приторным, с изысканными нотками красного красителя номер два.

Очередь двигалась. Тед прихватил пару сэндвичей и маленькие упаковки молока, сказал кассиру:

– За обоих. Как на свидании.

Мариана отошла с подносом, поискала свободное место.

– Со мной дешево, – сказала она. – Но не настолько.

Они уселись, развернули сэндвичи.

– В чем же дело, Заноза?

---

¹⁹⁴ Салцбергеры (Артур Хэйз, Артур Окс, Артур Окс-мл.) – династия медиамагнатов, владельцев «Нью-Йорк Таймс» с 1935 г.

- Не надо.
- В чем же дело, Лорд?
- Прошу вас.
- Тед.
- Тяжелая у вас работа.
- Я люблю свою работу.
- *Любите?* То ли тут слово?
- Вы явились объяснить мне, что я неверно толкую свою работу?
- Ладно, простите, нет. Вы в курсе, что «Носки» последнее время продувают, а «Янки»

выигрывают?

- Вам виднее. – Кажется, она устала, давно устала.
- Так вот, я не могу смотреть, как это отнимает у отца силы. И я, ну, подтасовываю результаты в пользу «Носков», а вы – единственный человек, с которым он разговаривает, кроме меня, и не хотелось бы, чтоб вы мне прососали это дело по ошибке.

Мариана сделала большие глаза:

– Что? – Она глянула себе за спину, затем вновь посмотрела на Теда: – Вы не хотите, чтобы я вам прососала?

Теперь большие глаза сделал Тед. Он оглянулся и посмотрел на Мариану:

– Что?

– По ошибке? Как я могу прососать вам по ошибке? – Она так задала этот вопрос, будто и впрямь пыталась найти отгадку ребуса.

– Я сказал «нам». Я не хочу, чтобы вы это нам прососали. По ошибке.

На губах у Марианы возникла едва заметная улыбка.

– Вы не хотите, чтобы я вам это прососала?

Тед осознал, что краснеет. Черт бы драл его млечные шотландские корни по материнской линии.

– Да. Я бы не хотел, чтобы вы это прососали.

– Уверены?

– Полностью. Заявляю еще раз: Фрейд-шмейд.

– *Dios mio*, какой же вы ханжа, Тед. Мы же просто части тела, вот и все, – части тела и души.

Тед почувствовал себя голым, ощутил, что части его тела в этот миг как-то неловко друг к другу прилажены. Подлил себе молока в «Джелл-О», как четырехлетка, и сказал:

– Я. Я. Вы. Черт. Я из-за вас бестолковее... кретина.

– Вы меня сейчас назвали кретиной?

– Кретина! Я себя имел в виду. – Тед глянул на Мариану – она смеялась, над ним или вместе с ним, он не разобрал, да и неважно. Он ее рассмешил. Она смеялась, и это было чистое золото.

– Слушайте, Тед, – сказала она, – смерть – не байка, ее не выдумаешь. Смерть – настоящая. Отца вам уберечь не удастся.

– Я знаю, но что вам стоит подыграть? Если это ему скрасит последние дни, понимаете, что ж тут плохого? Я думал, сестре смерти такая идея понравится, это ж как раз власть над повествованием и все такое.

Мариана кивнула и встала:

– Это ваш отец, вам моего позволения не требуется. Мне пора, перерыв окончен.

Тед смотрел, как она уходит раздавать предсмертные утешения. Глубоко выдохнул, вдохнул свой «Джелл-О» и взялся за то, что осталось от Марианиной порции, попутно размышляя, можно ли смешивать красное с зеленым.

36

9 сентября 1978 года

	Выиграли	Проиграли	ППБ	Отставание
Бостон	86	55	,610	—
НЙЯ	85	56	,603	1,0

К сожалению, сегодня Марти негибаемо настроился смотреть игру «Носков» с «Янки» по телевизору. Тед встревожился: предстоит совладать с ситуацией в прямом эфире. Примерно за час до игры он вывел Марти на прогулку, понадеявшись отвлечь его, чтобы Марти вообще забыл об игре, но отец все поглядывал и поглядывал на часы. Теду удалось ненадолго сбегать его седым пантерам, и он успел установить видеоманитофон – про который сказал отцу, что это новомодная антенна такая, – и заготовить кассеты, если вдруг понадобятся. Записей было итого десять, все подробно подписаны: «Карлтон Фиск, хоум-ран, против “Янки”», «Джордж Скотт, победный хит, против “Янки”», «Торрес, страйк-аут, против “Янки”»¹⁹⁵ (что здорово, потому что Майк Торрес сегодня играл подающим за Бостон, если верить «Пост»).

Когда Танго Сэм со Штиккером привели Марти домой, Тед, как сумел, приготовился. Игра уже добралась до середины, «Янки» вели. Тед успел подобрать фрагменты записей, какие тут могли бы сгодиться для подмены. «Носки» играли дома, значит, на них должна быть домашняя форма, белая, а у Теда была смесь видео – и домашних игр, и выездных (в красной форме). Это важно, чтоб все было непротиворечиво, если надо будет подменять, но тут уж придется соображать по ходу дела и надеяться, что Марти не заметит. Тед на всякий случай помухлевал с цветовыми настройками телика и свел весь спектр к некоему зеленоватому. Пока Марти задерживали, Теду удалось предупредить некоторых ключевых людей в квартале – мальчишку-газетчика с неукротимой рукой, кое-кого из соседей – и объяснить им, что 2 они с дедами задумали и зачем. К этим ребятам, вероятно, потребуется обратиться в любой момент – за подкреплением. Все это смахивало на дворовую театральную постановку, если не считать, что сценария не было, а спектакль может начаться в любую минуту, в любой день.

Марти добрался домой, когда «Янки» вели со счетом 5: 3, восьмой иннинг. Услышав, как закрылась дверь, Тед выключил ящик. Марти заглянул в комнату с телевизором:

- Счет?
- Какой счет? – переспросил Тед невинно.
- Игры, черт бы драл!
- А, сегодня игра?
- Тедди, говнюк, дай удаленку сюда.
- Примените хер, мистер Холмс.

Марти дошаркал до телевизора, включил его. Голос Филадельфии Ризуто заполнил комнату. Скутер гнал и гнал про какую-то съеденную давеча пасту. Если закрыть глаза, и в голову не пришло бы, что это трансляция бейсбольной игры. Джулия Чайлд¹⁹⁶, ни дать ни взять.

¹⁹⁵ Карлтон Эрнест Фиск (р. 1947) – бывший кетчер Главной лиги бейсбола, играл 24 года (1969, 1971–1980 – за бостонские «Красные носки», 1981–1993 – за чикагские «Белые носки»); Джордж Чарлз Скотт-мл. (1944–2013) – первый бейсмен Главной лиги бейсбола, играл за бостонские «Красные носки» (1966–1971, 1977–1979), милуокских «Пивоваров» («Храб речов», 1972–1976), канзасских «Городских королей» (1979) и нью-йоркских «Янки» (1979); Майкл Огастин Торрес (р. 1946) – бывший питчер Главной лиги бейсбола, с 1967 по 1984 г. играл за семь разных команд.

¹⁹⁶ Джулия Чайлд (1912–2004) – американский шеф-повар французской кухни, телеведущая.

- Черт бы тебя драл, Ризуто, какой, бля, счет? Феноменальный парень. Малахольный.
- Полоумный гений. Обожаю.
- Я тоже, но... Наконец Ризуто сказал:
- Меж тем бронксские «Бомбисты»¹⁹⁷ ведут со счетом пять-три, в восьмом. Большая сегодня в Фенуэе игра, Уа й т.
- Бля!
- Эй, пап, а какой он был, Эдди Бернейс?
- Маленький бесчеловечный гениальный гомункул-хорек.
- Он тебе, значит... нравился?
- Я не знал его толком, скорее, знал о нем. Кто на подаче? Реджи? Чего эта новая антенна постоянно двенадцать часов показывает?
- А Эрнеста Дихтера ты знал? Из Института исследований мотивации? Это вообще что было?
- Дихтер – еще один несвятой гений. Эти двое притащили Фрейда в американскую торговлю. Их звали «мальчиками-глубинщиками». Наши гуру, всем нам. Знали б наперед, говорили б, что стоим на плечах австрияков.
- А правда, что это Дихтерово: «Из страны, живущей нуждами, мы станем страной, живущей желаниями»?
- Типа того. Судя по всему, я того и гляди помру.
- Почему?
- Птушта ты выказываешь ко мне интерес.
- Реджи Джексон метнул долгий крученный флайбол, да не в ту степь.
- Реджи замкнуло на Торресе, он залип в этой херне по уши. Уберите Торреса. Уберите.
- Я тут читал, что Фрейд потерял в экономической депрессии между войнами все деньги и попросил своего богатого американского племянника Эдди о займе.
- Бернейс попытался развести дядю Зигги на психотерапевтическую колонку в «Космополитене», но Фрейд не переносил Америку и сказал: «Хер там» – по-немецки. Вообрази: Фрейд в роли Дорогой Эбби¹⁹⁸ в «Космо». Дорогой Зигги. «Похоже, у вас сапфический эдипов комплекс, или комплекс Электры, рекомендую вам убить своего отца и отправиться со своей матерью на остров Лесбос. Принцип удовольствия этой весной подсказывает, что надеть при этом следует черные туфли-лодочки. Черный – это новый красный. Следующий!»
- Смешно. Прямо так и сказал? Фрейд сказал «хер там»? Прямая цитата?
- Скорее, парафраз.
- Ты кто такой, Ралф Эдуордз? У нас тут что, «Это ваша жизнь»?¹⁹⁹
- Тед надеялся, что его потуги на задушевность вытянут Марти из дома и отвлекут от игры. Подумалось: вот вернулась бы к жизни бедная мама и села на диван, Марти вымелся бы на улицу в мгновение ока.
- Я хочу про тебя знать, пап. Меня интересуют мои корни.
- Ни с того ни с сего.
- Лучше поздно, чем никогда.
- Я вел в те поры дневники. Откопаю тебе, ладно? Бля! Невыносимо! Такое ощущение, что у меня на груди скачет Йоги Берра²⁰⁰. Я из-за этого рака от Бога отрекусь.

---

¹⁹⁷ «Бомбисты» – одно из прозвищ нью-йоркских «Янки».

¹⁹⁸ «Дорогая Эбби» – колонка советов в прессе, начатая в 1956 г. Полин Филлипс под псевдонимом Эбигэйл Ван Бурен; права на псевдоним ныне принадлежат ее дочери, Джинн Филлипс.

¹⁹⁹ «Это ваша жизнь» – американский документальный радио- (1948–1952) и телесериал (1952–1961) на Эн-би-си; Ралф Ливингстон Эдуордз (1913–2005) – американский радио- и телеведущий, продюсер, наиболее известный по программам «Правда или последствия» и «Это ваша жизнь».

²⁰⁰ Лоуренс Питер «Йоги» Берра (1925–2015) – американский игрок Главной лиги бейсбола, кэтчер и аутфилдер, впо-

– Сначала в него нужно уверовать, а уж потом отречься.
– Чья бы корова мычала.
– Не Бог же столько выкурил.
– Он создал табак!
– Резонно. А еще он создал свободу воли.
– Свободу воли? Нет такой. Свободу воли уничтожили такие, как я и Бернейс. Уничтожили, невзирая на то, что ее воспевали как американскую мечту и продавали публике вместе с «шевроле». Перечитай «Великого инквизитора». Достоевский в этой херне разбирался. Людей свобода страшит. Мне подобные освободили их от этого кошмарного бремени. Мы за мзду объяснили вам, кем быть, рассказав, что покупать.

– В이니шь себя за это?
– Когда мы платили за твою Коламбию, тебя не интересовало, виню я себя за это или нет.
– Опять резонно.
– Невыносимо. Не могу я на это смотреть. – Марти выпрямился. – Пойду в ванную, включу воду. Крикни, если что хорошее случится, ладно?
– Что надо план, старик.
– Ты накурился?
– Вообще-то нет, но это отличная мысль. Пшел вон, подальше от опосредованной накурки.

Услыхав, как хлопнула дверь в ванную и вода из кранов заглушила игру, Тед вытащил из стопки кассету «Джордж Скотт, выигрыш, третий хоум-ран» и сунул ее в проигрыватель. Марти все спускал и спускал воду в унитазе – чтобы шуму побольше было. Тед заместил Ризуто. Дальше он сам все откомментирует.

На экране к бите вышел Джордж Скотт, и Тед поставил на паузу.

– Черт бы драл! Черт бы драл!

Марти услышал Тедов голос и на секунду оставил унитаз в покое.

– Что? Что? – проорал он из-за двери.

– Зажигают!

– Кто?

– Бостон.

– Херня.

– Не херня, иди глянь.

Марти осторожно прокрался обратно, почти боясь смотреть в телевизор. Замер на безопасном расстоянии, уже в комнате, но предельно далеко от экрана. Тед исподтишка нажал на кнопку воспроизведения в проигрывателе и пожаловался:

– Отыгрываются.

– Херня.

– Две подачи, два сингла. Первый и второй, один аут, вторая половина девятого иннинга, Джордж Скотт ведет.

– Вроде формы не домашние.

– Как ты различаешь вообще? Все ж зеленое.

– Дома играют, на Фенуэе.

– Понятия не имею, может, они на Стадионе²⁰¹.

– А.

– Госсидж в игре.

– Вижу я Гуся. Если они на Стадионе, ты почему не там?

следствии тренер и спортивный менеджер нью-йоркских «Янки».

²⁰¹ ...на Стадионе – имеется в виду нью-йоркский домашний стадион «Янки».

- Взял отгул, побыть с отцом.
- Я, видимо, устал. Все и впрямь зеленое.
- Похоже, лекарства хрен знает что с твоей головой делают. Говорю тебе, чувак, легальные наркотики тебе не в жилу. Неспроста они легальные, между прочим.
- Может, и так.
- И тут Джордж Скотт, как по заказу, рванул к стенке правого поля. Тед изобразил ужас:
- Черт. Нет!
- Что? Давай, давай, гони, гони! (И мяч вылетел, ушел, во дела.) Да!
- Тед выключил телик и буркнул:
- Бля!
- Ты зачем выключил?
- Всё. Шесть-пять в пользу Бостона.
- Ну да, но я ж хочу поликовать!
- Не будь заразой, победитель.
- Марти сплясал победную джигу, на щеках вновь появился цвет.
- Рак легких? Какой такой рак легких? Меня лечит Джордж Скотт! Хуй тебе, Тедди, торопыга ты, сукин сын, любитель «Янки».
- Тед глядел, как его воодушевленный папаша кружил по комнате, кляня весь мир. Счастливее некуда. Тед – тоже.

37

Молодой отец теперь не так уж и молод. Сын выжил, ему уже десять с лишним. Черт бы драл, он не помнит, десять его сыну или одиннадцать. Попаду я в ад за такое, думает он. Пытается смотреть игру. Жена его не выносит. Он знает. Так ему и надо. Он ее больше не любит. Отдалившись от сына, он отдалился от всего. Пока не случилась она. Другая женщина. Но с нею он быть не мог. Нельзя. Так не делается. А делается у него вот что. Включает игру, а это знак его жене и сыну, что его дальше не трогать, и в этом покое он погружается в мысли, глубже и глубже. Она ждет его, она – там. И в том пространстве они займутся любовью, выстроят дом, родят других детей. И эти дети вырастут по законам фантазии и его воображения. Но она не состарится. Как же ей всегда оставаться молодой и красивой? А почему нет? Это его мир, бескрайний, нерушимый. Чтобы туда попасть, нужны время, тишина и покой, но он добирался туда, и с каждым разом тот мир оказывался зримее. Словно божок, он проецирует свой мир на телеэкран. Не смотрит он бейсбол – он смотрит себя. Поначалу тот мир был прозрачным, не толще бумаги, но теперь набрал веса, плотности, глубины. В нем появился горизонт. Стало можно трогать предметы. Трогать ее.

Вот она. Он идет к ней. Жена хлопает дверью, чувствует другую женщину. Жена бьет тарелку, сын говорит какую-то глупость – это все приказы на выход, повестки о выселении, и он, вечно раздраженный глава семьи, неохотно подчиняется им. Он идет с ней рука об руку по первозданному карибскому пляжу. Чайка глядит на него и говорит: «Пап?» Это его сын. У сына здесь есть представитель: чайка – его микрофон, так дети играют в кукольный театр, чайка роняет помет ему на плечо. «Пап? Пап?» Оно проступает, не отвертеться. «Проступает» – здравый смысл. Подчиняться призывам этого мира – тоже долг, в конце концов. Он покидает мир своих мыслей и возвращается в настоящий. Но вновь и вновь он укрепляет фундамент. Его мир – тоже настоящий и никуда не девается. Там не останешься. Ему там не жить, но он может возвращаться туда когда пожелает, потому что этот мир – его. В одном мире он будет один, и не один – в другом. Этот мир – его и ее. Его.

38

16 сентября 1978 года

	Выиграли	Проиграли	ППБ	Отставание
НЙЯ	90	57	,612	—
Бостон	87	61	,588	3,5

«Носки» ушли в отстой, а «Янки» – ввысь, но не в Бруклине: в Бруклине «Носки» продолжали восхождение. Тед приучился употреблять кофе и траву еще до рассвета, сидя на крыльце. Стерег прилет газеты. Дальше ее можно было либо выбросить, либо припрятать под кроватью и залечь поспать еще на пару часов, пока бодрок от кофе и расслабон от травы боролись за его усталый мозг.

Через несколько часов Тед «просыпался» вместе с Марти. Помогал ему облачиться в фанатские одежки «Красных носков».

– Ты себя не чувствуешь чуточку глупо – взрослый человек, а носишь символику спортивной команды, как малолетка?

– Нет, – ответил Марти. – Мне нравится. Она меня определяет. Как оперение – птицу.

Затем они шли к киоску Бенни. Сегодня, после поддельной победы Бостона, – никакой коляски, никакой трости. Марти шел как кум королю. Упадок «Носков» – а значит, и Марти – завершился.

Седые пантеры при подготовке сцены проявили рвения чуточку с перебором. Но, с другой стороны, заняться-то им было нечем, нечем абсолютно. Первый признак свехусердия Тед засек при появлении мальчика-разносчика «Таймс» на велосипеде – тот несся к ним и вопил:

– Бля бля бля хуесосы мать их сосать ебать в жопу взасос сиськи соски бляди «Янки»!

– Мне нравится этот пацан, – сказал Марти и крикнул мальчишке: – Что стряслось, пострел?

– «Носки» выиграли? – спросил Тед неуверенно, суфлируя мальчику. В смысле эксперимента с матерщиной пантеры явно дали пацану карт-бланш. Выходило у него вполне талантливо. Хорошо так, убедительно.

– «Носки» выиграли! Бля-а-а-а-а-а-а-а... – И погнал дальше, а «бля» тянулось за ним, как звуковой выхлоп.

Тед заметил, что Штиккер, ярдах в двадцати от них, показывает пацану знаками, чтоб немножко притушил фитиль. Ребенок явно перестарался, но мило – вроде немного печального Дона Ноттса²⁰².

Следом мимо, а вернее сказать, чересчур прямой наводкой к ним с Марти протопал еще один подозрительный парнишка в манишке.

– Черт бы подрал «Красные чулки» из града Бостона! – объявил он в манере девятнадцатого века и пошел дальше.

Надо выдать тому парню кое-какие замечания, подумал Тед, обновить ему хренову пьесу. Они с Марти уже приближались к киоску и к собравшимся старикам, но тут из окна выглянула Бетти и впервые в жизни произнесла деревянно, неискренне и прямо-таки странно:

²⁰² Джесси Дональд (Дон) Ноттс (1924–2006) – американский комедийный актер кино и телевидения.

– Шестьдесят лет ждал и дождался, Марти. – Она глянула на что-то – в бумажку подсматривает, что ли? В сценарий? Иисусе Христе.

Марти крикнул в ответ:

– Тебя я бы и еще шестьдесят подождал, милая Бетти.

Бетти глянула на пантер и вскинула руки: мол, а теперь что? Импровизировать она явно не готовилась. Перепугалась и закричала:

– Вперед, «Носки!» Проклятье Малыша! К черту «Янки»! Бамбино! Яссс-се-стремски!²⁰³ – Перебрала все великие хиты бейсбольных клише, после чего захлопнула окно.

Пантеры, смеясь, двинулись Марти навстречу. Стоило Марти отвернуться от кого-нибудь из них, как Теду немедля преувеличенно подмигивали или показывали знаком «о`кей».

– Айвен, а ну иди, проверим твой возраст.

– Ну наконец-то, – ответил Айвен.

Бенни – точнее, его рука – высунулся из киоска, и раздался голос Бенни:

– Вот тебе газета, Марти. Твоя особая газета. Специально для тебя.

– Что тут происходит, идише-театр? – спросил Тед так, чтобы поняли только пантеры. – Есть, Бенни, спасибо. – Тед забрал газету, чтобы не дать Бенни нагрешить плохой актерской игрой еще сильнее.

Танго Сэм взял Марти за руку, словно собрался с ним танцевать, а у Марти был такой вид, что он и не откажет.

– Марти, – сказал Танго Сэм, – преуспевший рекламный воротила и давнишний фанат «Носков», выглядишь сногшибательно, одолжи полтинник.

День складывался удачно.

---

²⁰³ Бамбино – кличка Джорджа «Малыша» Рута; Карл Майкл «Яз» Ястремски (р. 1939) – американский игрок Главной лиги бейсбола, с 1961 по 1983 г. играл за бостонские «Красные носки».

39

Что-то в Тедде менялось. Он не понимал, что происходит, однако чувствовал: что-то хорошее. Ему это было странно, поскольку обычно он не понимал, что происходит, но чувствовал, что плохое. Он где-то вычитал, что все клетки тела обновляются примерно каждые шесть лет – или вроде того – и все обнуляется, как спидометр у машины. То есть каждые шесть лет ты – буквально новый человек. Все в тебе делалось иным, к добру ли, к худу ли, с головы до пят. Интересно, а душа тоже линяет, как змеиный ангел? Потому что это он и чувствовал – будто душа у него сбрасывает шкуру.

Как-то утром, примерно неделю спустя, Тед проспал и вылетел из постели. Десятый час. Черт. Он выскочил на крыльцо – убраться газету. Подобрал ее и уже замахнулся, чтобы швырнуть в мусор, но тут услышал:

– Тед, ты что делаешь?

Марти смотрел на него в окно. Теда застукали.

– Разбираюсь, кто это ворует у тебя газеты.

– И кто же?

– Ну, я пока не разобрался.

– Но сегодня-то принесли?

Тед глянул на газету в руке:

– Ага, сегодня да.

И в этот миг на сцену выкатился на велосипеде чрезмерный, сверхматерный пацан Дон Ноттс с воплями:

– Соски-сиськи-письки-бля-а-а-а-а-а-а...

Для Марти это означало одно: «Носки» опять выиграли. В нужной мере счастливо отвлекшись, Марти торжествующе вскинул кулак и убрался из окна.

Тед ринулся к киоску – проинформировать дедов. «Янки» вернулись в город, и Теду нужно было ехать на работу, и возиться с видео он сегодня не мог. И поэтому решил попробовать отмену игры из-за дождя. Он поручил пантерам приготовить шланги, залезть к Марти на крышу и попытаться изобразить более-менее достоверный ливень, чтобы Марти поверил, что игру отменили. И тогда Тед позвонит со стадиона, наврет про отмену, скажет, что ему надо на рабочее совещание, и потом рванет домой на «королле» – сразу по окончании игры. Если «Носки» выиграют, он скажет, что была долгая задержка из-за дождя, но игра состоялась и «Носкам» все удалось. Попробовать в любом случае стоило, да и пантеры включились. Убедившись, что какой-никакой план у них есть, Тед убежал домой.

– Ты где был, нах?

– И вам доброе утречко, сэр.

Не давать Марти газету и дальше было затруднительно. Тед готовил завтрак, вцепившись в «Таймс», делал вид, что читает. Марти глядел на него с нетерпением.

– Можно мне уже посмотреть?

– Что посмотреть?

– Да господи ты боже мой, Тед, газету, газету посмотреть.

– А, газету. Вот, смотри. – Он поднес газету Марти к глазам. – Смотрят глазами, а не руками.

– Оборжаться.

Тед вручил Марти газету.

– Кофе будешь?

– Конечно.

Марти расправил газету, Тед чиркнул спичкой над плитой, но прицельно подержал огонек под «Таймс». Марти не осознал, что тоненькая газетная бумага занялась, пока она не прогорела полпути до его рук. Он бросил горящую бумагу на пол:

– Ай, Тед, осторожнее!

– Иисусе! – Тед затопал по газете, как винодел, а сверху плеснул из стакана. Истоптанная и залитая водой «Таймс» превратилась в нечитаемое месиво. Тед сгреб остатки в серо-бурый обгорелый ком и предложил отцу. Марти не пожелал к этому прикасаться.

– Что ты творишь-то вообще?

– Прости, пап.

Тед ушел из кухни. Вернулся с двумя перчатками и софтболом:

– Смотри, что у меня есть.

– И что?

– А то: поехали в Центральный парк, поглядим софтбол. Как в былые времена, когда ты играл.

– Нет.

– Это твой ответ?

– Нет. «Нет, бля» – вот мой ответ.

– Я позвал Мариану.

– Давай перчатку.

40

Тед загрузил Марти в «короллу», и они выехали на Манхэттен, в Центральный парк. Но сначала надо было подобрать Мариану в испанском Гарлеме, на Вашингтон-Хайтс, в далеких своих западе. Стоило им миновать Девяносто шестую улицу, как один город преобразился в совершенно другой – из финансовой столицы мира в столицу Нуэрико. Всего несколько шагов – и смена города. Десять ярдов к северу – и сдвигаешься от «иметь» к «иметь немного». Поразительно.

– Чуешь дух? – сказал Марти, втягивая воздух в разрушенные легкие. – Фасоль, кофе, платанос²⁰⁴, музыка, письки...

Тед от этого списка слегка покорило.

– Ты чуешь музыку по запаху?

– Иногда, ага, иногда я чую музыку и слышу письки.

– Да? И какой же у писек звук?

– Ты ж не в курсе, да?

– Нет.

– Писька – это музыка.

– Ты мне противен.

– Плевать. Надо нам с тобой сюда переехать, Тедди.

– А то. Займись.

– Тебе до работы ближе.

– Ну это да.

Тед заметил Мариану на углу 116-й и Бродвея, она махала им.

Марти улыбнулся:

– Не знаю, как тебе, парнишка, а мне слышна определенная музыка.

– Какой ты мерзкий.

Тед подкатился к Мариане:

– Ваша колесница.

Мариана взошла на борт. На следующем светофоре Тед врубил магнитола. Он скучал по «Мертвым», и вообще лучше бы отгородиться от любых случайных вестей, какие могли просочиться под их герметичный новостной колпак.

Тед обернулся к Мариане и сказал:

– Это «Благодарные мертвые»... группа... как у вас на татуировке. Песня называется «Ларь дождя»²⁰⁵, из моих навсегда любимых.

Ему хотелось крутить ей музыку – целый день; так старшеклассники пытаются узнать друг друга поближе, показывая, что им нравится. Влез Марти:

– А у тебя крутых музыкантов нету? Бенни Гудмена, Арти Шо?²⁰⁶

– Мне эта нравится, – сказала Мариана. – Мне нравятся эти «Благодарные мертвые». «Ларь дождя» – красивая мысль. Мне нравится.

Тед глянул на отца – насладиться этой крошечной победой.

– Музыка для укурков. Хипповская *нарккорридо*²⁰⁷.

---

²⁰⁴ Платан (*фр.*) или платано (*исп.*) – крупные овощные бананы, которые перед употреблением в пищу, как правило, подвергаются термической обработке – обычно их жарят, варят или обрабатывают паром.

²⁰⁵ *Vox of Rain* – песня *Grateful Dead* из альбома «Американская красота».

²⁰⁶ Бенджамин Дэвид Гудмен (1909–1986) – американский джазовый кларнетист и дирижер, «Король свинга»; Артур Джейкоб Аршавский (1910–2004) – американский джазовый кларнетист, дирижер, композитор «эры свинга».

²⁰⁷ *Корридо* – баллада (*исп.*); *нарккорридо* – поджанр классического мексиканского *нортеньо* и *корридо*, посвящен торговле наркотиками, отрезанным головам конкурентов, богатству и власти наркокартелей.

– Именно, – сказал Тед и принялся подпевать; ему отчетливо показалось – ну или он надеялся, что ему не мерещится, – Мариана слушает, поскольку пел он для нее. И, распевая, он возликовал, поймав ее взгляд в зеркале заднего вида. – «Это просто ларь дождя, невесть кто его принес. Если нужно – ты поверишь, а если посмеешь – брось. Но это просто ларь дождя иль тебе отрез тесьмы, нас так долго тут не будет, как же кратко все здесь мы».

Они оставили машину и вошли в парк с Восемьдесят шестой улицы, на западе Центрального парка, и двинулись к игровым площадкам. Тед, пока шли, подкидывал софтбол, «клинчер»²⁰⁸, со всею невозмутимостью.

– Научи меня подавать софтбол. Ты мне раньше никогда не показывал.

– Нет.

– Да ладно тебе, я ж арахис кидаю профессионально. На жизнь себе бросками зарабатываю. Уж с софтболом-то управлюсь.

– Нет. Опозоришься. Ты подаешь, как паралитик, а у меня рука нахер выпадет из сустава.

– Ну тогда будем только ловить. – И добавил ради Марианы: – Ты ж у нас до октября бог.

Игры шли на всех восьми площадках, и они присели на траву в том месте, где, как на диаграмме Венна, пересекались аутфилды восточных и западных полей. Говоря строго, они сидели на игровых полях, а центральные принимающие игроки из трех игр образовывали вокруг них треугольник, но это Нью-Йорк, парк общий для всех, даже если у кого-то было особое разрешение. Какие-то школьники неподалеку метали друг другу фрисби и пинали хэки-сэк.

– Знаете, как я звал Центральный парк? – спросил Марти. – Тюремный двор. Весь этот тесный город – тюряга, и заключенным разрешают по несколько часов в день гулять и дышать свежим воздухом, а потом опять отправляют в камеры.

– Ну я не знаю, – возразила Мариана, – мне этот парк нравится. Если б не он, мы бы, думаю, поубивали друг друга.

Марти взялся объяснять, как подают и отбивают, показывая на одного из питчеров, – не хуже спортивного агента-профи.

– Гляньте вон на того парня, видите, когда собирается подать крученный, он перехватывает мяч в перчатке, каждый раз сам себя закладывает, как в покере засветка. Смотрите.

Посмотрели. Питчер глядел на кетчера, ждал знака, сунул руку в перчатку и катнул мяч так, что он исчез из виду.

– Передвинул мяч, – сказала Мариана.

– Крученный, – отозвался Марти, и точно: следующая подача оказалась крученной. – Умиряющее искусство, софтбол. Когда я был маленький, в него играли не меньше, чем в хардбол, а теперь это в основном потеха для жирдяев, а всякие промежуточные варианты – херня. Хотя, думаю, лесбиянки нынче – лучшие софтболисты из всех.

Тед прищурился, пытаясь понять, шутит ли отец, и стоит ли присоединяться, и что про все это думает Мариана. Мариана поняла, что это шутка более чем наполовину.

– Ага, большой спорт для лесб, – сказала она.

Тед вскочил:

– Давай, пап, сыграем – в ловить. – Помог одеревеневшему Марти встать.

– Ладно, – простонал Марти, – половим. Так не говорят – «сыграем в ловить», говорят «половим».

– Ладно, сыграем в половим.

Марти построил рожу и метнул мяч в Теда.

– Ой, – сказал Тед. Принял мяч и кинул обратно. Он и впрямь был несколько неуклюж и неловок, ясное дело, – чуточку дерганый, как заводная кукла, но все ж ухитрился прицельно попасть в Марти.

---

²⁰⁸ Клинчер – альтернативное название мяча для одноименной разновидности игры в софтбол (16-дюймовый софтбол).

– Кидай его как мяч, вот так, а не как орехи. – Марти одним гладким движением вернул Теду мяч. Тед поймал рукой без перчатки – как пятилетки, когда их только-только учат ловить. Совсем не как ловкая лесбиянка.

– Ну здорово же? – сказал Тед. – Сейчас я его проветрю. – Чтоб добавить броску перца, замахнулся посильнее. Но поскольку и напрягся, и в мяч вцепился чересчур, выпустил поздно и мяч кинул с мысков. – Ебте! Солнце в глаза. (Что физически невозможно.)

Марти хотелось, чтобы оно как можно скорее закончилось.

– Не стискивай мяч. Хочешь научиться подавать? Смотри. Пробуй вот так. – Он изобразил скользящее движение питчера и метнул в Теда, который принял мяч у голени.

– Бля! Страйк! – заорал Тед. – Да ты все еще силен, старик, силен!

– Ни хрена я не силен, – сказал Марти.

Тед попробовал из-под руки, но мяч еле взлетел, заскакал и покатился к Марти.

– Мы с тобой как детки Джерри²⁰⁹. Делай, как я. – Он показал Теду, как надо – пританцовывая. – От бедра давай.

Тед попытался повторить за отцом, но вышло чудовищно: то, что должно было двигаться вправо, двинулось влево, а то, что влево, – вправо. Но Тед счел, что все прекрасно. Глянул на Мариану и улыбнулся.

Марти пробормотал:

– Иисусе, – а затем погромче: – Ага, примерно так, почти точно. – Марти метнул мяч в Теда, тот поймал мяч не в перчатку, а грудью.

Мариана подсобила:

– Это все из-за солнца.

– Ага, – отозвался Тед.

Потренировал новое движение еще раз-другой, закивал, дескать, да, врубился, и затем метнул буйно, по диагонали, прямо в лицо Мариане. С рефлексами, как у легендарного вратаря «Рейнджеров» Эдди Джакомина, Мариана вытянула руку и поймала мяч – безупречно. Марти обалдел:

– Отличный хват, Мариана.

Тед подтвердил:

– Ага, прямо чмок.

Что? Нет, ну пожалуйста, нет, он же не сказал вот прям это? Опять? Да, сказал. Услышал, как оно прозвенело в воздухе, заглушило птичьи песни. В голове сразу столпились мысли, все претендовали на высказывание, но по каким-то причинам опередила всех цитата из Роберта Фроста – о воздействии голоса свежесотворенной Евы на только что пережившего творение Адама: «надзвучья, тона смыслов, но без слов» – на голос Земли... «И песня птиц уж прежней не была. И чтоб все стало так, она пришла»²¹⁰. И песня птиц уж прежней не была. Еще как, нах, Бобби Ф. Так о чем, бишь, мы? Ах да...

– Нет. Не чмок. Нет. Никак не чмок.

– Почему не чмок? – спросила Мариана.

– Телеграфируем доктору Фрейду, – сказал Марти.

– Нет, да, нет, не знаю, это омофон... ладно... я уверен, что... образно говоря, поцелуйно поймали, у вас получилось, чмок, в смысле...

– Перестань говорить «чмок». Вообще перестань говорить, – предложил Марти. Протянул руку помощи, называется.

---

²⁰⁹ Комедийный актер Джерри Льюис с 1966 по 2010 г. вел телемарафон в поддержку Американской ассоциации больных дистрофией мышц; «Детки Льюиса» – разговорное название Ассоциации.

²¹⁰ «И песня птиц уж прежней не была...» – из стихотворения американского поэта Роберта Фроста (1874–1963) «И песня птиц уж прежней не была» (1942).

– Ладно, короче, я же просто. Опять-таки Фрейд-шмейд. Бросайте мне, и всё. Не разогрет еще замах. Добросите? Я поближе подойду...

Тед потрусил ей навстречу, она едва вскинула мяч, как кетчер, подающий раннеру на второй базе, и стрельнула по низкой дуге из-за уха к уху Теда. Тед не успел даже поморщиться, руками взмахнуть, а мяч с полым кокосовым звуком уже отрикошетил ему от кумпола. Тед посмотрел на Марти – тот ржал.

Отреагировав с опозданием, взгляд у Теда померк, и он рухнул ничком на траву. Вырубился. И чтоб все стало так, она пришла.

41

- Это сотрясение мозга, – сказала Мариана, когда они высаживали ее.
- Все нормально, все нормально, – сказал по-прежнему униженный Тед.
- Не засыпайте сегодня до вечера. Приглядите за ним, Марти.
- Марти казался отстраненным, встревоженным.
- Ага, не заснем.
- Все нормально.

Мариана склонилась поцеловать Марти, Тед решил, что это она к нему, и потянулся к ее лицу, но Мариана проскочила мимо – к отцу. И Марти, и Мариана заметили промах. Мариана сжалась над Тедом и склонилась еще раз, поцеловать и его. Что почти искупило шишку размером с кумкват у него на лбу.

- Хочешь, я поведу? – спросил Марти.
- Ты когда последний раз вел машину? – задал Тед встречный вопрос.
- При администрации Кеннеди.

Тед переключил передачу.

Когда вернулись домой, Тед выколулпал стамеской пакет с замороженным горошком из морозилки. Ее не размораживали так давно, что возня с морозилкой напоминала археологические раскопки динозавровых окаменелостей. Срок годности на пакете с горошком и повеселил, и ужаснул: 10/63 – истек целых пятнадцать лет назад. Тед присел охладить себе башку, а заодно свободной рукой виртуозно скатать косяк. Как показалось Теду, Марти все еще тревожился из-за его увечья.

- Скоро игра с «Янки», – сказал он. – Позвони, скажи, что заболел.
- Черт.
- Тебе отгул нужен после такого удара. Я тоже умаялся.

Тед прошелся вдоль окон и задернул все жалюзи, кроме одних. Это окно он распахнул, высунулся по пояс лицом вверх.

- Похоже, дождь будет! – крикнул он.
- Что? – спросил Марти. – Небо синее весь день.
- Нет, – опять крикнул Тед, призывая небеса опуститься. – Похоже, будет дождь!

У них на крыше, облачившись в «спидо», нацепив пластиковые козырьки от солнца, вооружившись серебристыми отражателями и намазавшись «Гавайским тропическим» кремом для загара, отдыхали пантеры. Танго Сэм держал серебристый отражатель, изготовленный во времена освоения космоса, прямо у лица: больше солнца – больше рака. Они услышали Тедов отчаянный клич. Айвен глянул на часы, кивнул. Бенни направил форсунку, и из зеленого садового шланга полилась вода.

Теда окатило водой, Танго Сэм зажал пальцем конец шланга, чтоб разбрызгивалось помельче, и прицелился, чтобы лилось поближе к окну. Вода потекла по стеклам. Вполне убедительно. Тед отошел от окна, схватил кассету, купленную специально для этого случая, «Звуки тропического леса», сунул ее в маленький магнитофон. Комнату заполнил гром – и щебет тропических птиц, каких в Бруклине услышишь редко.

- Ты глянь. Вот это гроза. Во ливень. Ты, если устал, прими лекарство, ляг и поспи.

Он дошел до Марти, вручил ему таблетку, дал запить водой из стакана, помог улечься на диван.

– Спасибо. – Марти посмотрел на воду, текшую по стеклам. – «Ветер, дуй, пока не лопнут щеки»²¹¹. Лир. На ровном месте гроза эта.

²¹¹ «Дуй, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки» – Уильям Шекспир, «Король Лир», акт III, сцена 2, пер. Т. Щепкиной-Купер-

- Это точно.
  - Кажется, я слышу попугая.
  - Да ладно.
  - Да точно слышу.
  - Наверное, сынок мистера Сойера себе завел.
  - Да? Попугай в Бруклине. Идиотизм.
  - Ну ты же знаешь Сойеров.
  - Могу спорить, она полжизни в ужасе. Та птица. Бетон кругом. А зимой она такая: что за херня вот это вот?
  - Так и есть, верняк. – Тед взбил подушку и подсунул ее под тяжелую отцову голову.
  - Ты никогда себя попугаем в Бруклине не чувствовал, Тедди?
  - Что?
  - Тебе никогда не бывало страшно и не в своей тарелке, как попугаю в Бруклине?
  - Интересный вопрос, пап.
  - Люди всегда говорят, что вопрос интересный, когда не хотят на него отвечать.
  - Интересный взгляд.
  - Я – да.
  - Что – «ты да»?
  - Чувствую себя как попугай в Бруклине. Почти все время. Всю мою жизнь.
  - Удивительно. Ты всегда казался таким... уверенным.
- Марти рассмеялся:
- Уверенным. Нет, не уверенным. Прости, что я трусил. Отец не должен пугаться.
- Он протянул руку и с нежностью погладил Теда по щеке. Тед не помнил, когда еще отец прикасался к нему так мягко. Он окаменел всем телом, а нутро у него расплавилось.
- Это нормально, пап. Человечно.
  - Отцам не пристала человечность. – Марти уронил руку, глаза сонно закрылись. – Не к сыновьям. Сам однажды поймешь. Прости.
  - Все хорошо. Ты поспи, пап. Это погода.
  - Я бит²¹². Подремлю.
  - Большой день был.
  - «Чмок» – это смешно.
  - Умора. – Тед закрыл глаза.
- Марти уже засыпал.
- Тедди, – сказал он, – у тебя начало получаться. Даже так быстро. Ты бросал лучше.
- Прости, что не научил тебя, когда ты был маленький. Слышишь?
- Тед слышал – и давил в себе всхлипы.
- Ничего, пап.
  - Перестань меня так запросто прощать. Если это просто, значит – ненадолго.
  - Ладно, пап, я потяну. Не прощаю тебя.
  - Да. Ш-ш-ш. Тихо. Пусть все уляжется. Пусть все у тебя в сердце угнездится. Поймешь по весу на сердце. Прости меня, Тед, прости за миллион мелочей. – Тед открыл рот, чтоб простить, но остановился. Марти уснул.
- Тед чувствовал, как миллион мелочей гнездится в его сердце, и все же ему сделалось легче. Марти был так неподвижен. Как покойник. На миг Тед испугался, что все кончено. Конец – в самом начале. И тут Марти сделал вдох. А когда захрапел, Тед со своей степенью бакалавра Колумбии рванул метать арахис. Хосе Льядиджи.

ник.

²¹² *Я бит* – из речи Джека Керуака, произнесенной на Брандейском форуме 8 ноября 1958 г.

42

Тед добрался на стадион ко второму иннингу и получил взбучку от начальства. Начальство представлял потомок Мартине²¹³. Абсолютно никакой власти развращает абсолютно²¹⁴. Все уходило корнями к Стайнбрэннеру²¹⁵. Стайнбрэннер – отвратительная человеческая сущность с моралью «выигрыш любой ценой»; он напоминал Теду надутого младенца в шлеме волос. Врожденное выражение лица – капризно скомканная гримаса пятилетки, которому недодают конфет. Страна кишела стайбрэннерами и их подобиями. Житие победителей. Бедный человек, небезгрешный, честный, нерешительный Гамлет, возделыватель арахиса, алчный сердцем Джимми Картер упустил страну – он, по сути, уже проиграл ее этой тщеславной идее. На дальнем западе, в Голливуде, уже зачали это смазливое чудуше, оно уже изготовилось родиться. Стайнбрэннера скормили этому раздутому образу – и сам он кормился им, – и Теду казалось, что образ этот в Нью-Йорке день ото дня лишь набирает мощь. Город делался все менее значим культурно, и представление о том, что он состоит из «победителей», занимало психически все больше места – как раковая опухоль. Стайнбрэннер был симптомом этого рака – и его причиной. Горжусь, что ньюйоркец. Ньюйоркцам подавай победителя. Правда? Чего это? Что дает этой конкретной географической точке, в отличие от, скажем, Кливленда, право требовать победителя? «Гордость Янки»²¹⁶? Это еще что за херня? Мики Мэнтлу²¹⁷ можно было гордиться, что он забивал хоум-ран с бодуна и бухой. Вот это человеческий подвиг, постигаемый, сногшибательный, ущербный. А вот «быть янки» – или ньюйоркцем, или американцем – не значит ничего. Мундир. Костюм в полосочку. Как Уолл-стрит. Город, стоящий на верху горы²¹⁸. Угодать националистскому духу, что прячется в каждом, – зло, а также чертовски годный бизнес.

У Теда с собой была книга стихов, к седьмому иннингу «Янки» уже уверенно вели, а «Носки» проигрывали, и фанаты принялись уходить, чтобы, как Фил Ризуто, обогнать пробки. Хорошо, что Тед отложил игру из-за непогоды. Солнце висело на позднелетнем небе, будто не желало садиться, будто Ра знал, что совсем скоро осень.

Теду нравилось иногда позволять миру делиться соображениями без спроса – Тед открывал книги на случайных страницах и читал написанное как сообщение себе лично. В старшей школе он шел в библиотеку, закрывал глаза, двигался вслепую вдоль стеллажей, вытягивал руку, вытаскивал книгу наобум и заставлял себя читать ее словно посланье Божье. Ничего ближе к вере в Провидение он никогда не ощущал. Бог книг. Бог, сокрытый в книгах, писанных человеками. Таким манером он узнал про физику субатомных частиц и нейтрино, о чем теперь помнил мало что – наверняка выдохнул из лобных долей вместе с дымом травы. Засело у него в голове одно: нейтрино не имеют массы и заряда, а значит, их нельзя увидеть, можно лишь засечь последствия случившихся на лету взаимодействий с другими частицами, когда нейтрино в них врезаются и меняют их поведение. По сути, нейтрино – настоящие призраки.

²¹³ Жан Мартине (ум. 1672) – французский подполковник эпохи Людовика XIV, реформатор армии, поклонник и виртуоз жесточайшей муштры; французское название многохвостой плетки происходит от его фамилии.

²¹⁴ *Абсолютно никакой власти развращает абсолютно* – парафраз выражения английского историка, политика и писателя Джона Актона, лорда Актона (1834–1902).

²¹⁵ Джордж Майкл Стайнбрэннер III (1930–2010) – американский бизнесмен, главный владелец и управляющий партнер нью-йоркских «Янки».

²¹⁶ *The Pride of the Yankees* (1942) – американский биографический фильм режиссера Сэма Вуда с Гэри Купером в главной роли, посвящен жизни легендарного бейсболиста Лу Герига.

²¹⁷ Мики Чарлз Мэнтл (1931–1995) – игрок Главной лиги бейсбола, играл за нью-йоркских «Янки» как центральный принимающий и первый бейсмен (1951–1968).

²¹⁸ *Город, стоящий на верху горы* – Мф., 5:14; эту цитату в отношении Нью-Йорка давно применяют американские политики.

Тед себя чувствовал противоположностью нейтрину: его видно, однако последствий от его существования никаких. Он не изменял поведения ни у каких частиц. Теду нравилось, что наука временами помогает ему узнать и возненавидеть себя еще тщательнее.

Но хер с ней, с наукой, подумал он, в ней нет ничего, кроме истины. А в поэзии есть и истина, и ложь, а значит, поэзия подлиннее науки, полнее. Тед ткнул пальцем в страницу. Стихотворение, предписанное ему лично. Эмиль Броннэр:

Гуляя однажды по пуританскому городу, станем искать...
За темным фонтаном жизни, где спит дитя.
Там горькие ключи блеклых иллюзий усохнут.
И в этот день, не растеряв любви, без жалоб, снова заживем²¹⁹.

Эх, если бы, подумал он, если бы. Не растеряв любви, без жалоб, снова заживем. Кто-то заорал:

– Сеньор Какауэте!²²⁰

---

²¹⁹ «Гуляя однажды...» – эпитафия к очерку «Сын инженера» (1928) Джорджо де Кирико.

²²⁰ Господин Арахис (*исп.*).

43

Когда Тед оказался дома, было уже темно. По пути набрал еды в «Нефритовой горе», выложил контейнеры на кухонный стол и прикурил косяк. Глубоко вдохнул, выдыхал долго, медленно.

- Ты дома. Я волновался. – От внезапного появления Марти Тед вздрогнул.
- Иисусе, пап, ты чего не спишь? Напугал до усрачки.
- Видишь, трава делает из тебя параноика.
- Я не параноик, это ты на меня прыгнул как черт из табакерки.
- Я спал весь день. Теперь не могу.

Марти подошел к столу, глянул на китайскую еду:

- Аппетита что-то никакого последнее время.
- От этой дряни будет у тебя аппетит.
- Нет, я слышал, она приводит к чему потяжелее. Это дверной наркотик.
- Стартовый.
- Не хочу я стать наркоманом и проебать свое будущее. Не знаю, выдержат ли легкие.

Мариана взбесится.

– Поглядим. Подь сюда. Давай паровозом. Иди, иди. Открывай рот. Я выдохну, а ты вдыхай.

Тед сунул самокрутку подожженным концом себе в рот и поманил Марти наклониться. Прижавшись губами к отцовым, Тед мощно вдул дым Марти в рот. Марти держал его по-чемпионски. Насколько Тед помнил, это был их с отцом первый поцелуй.

44

Восемь контейнеров китайской жратвы они умяли за двадцать минут. Марти столько не съел за последние несколько месяцев. Добив последний «му гу гай пан», Марти срыгнул и спросил:

– И когда оно торкнет?

Вопрос показался обоим истерически смешным. Марти пялился на косяк в руке, крутил его так и эдак, любовался.

– Где они прячут это дело? *Фантастише*.

– Никто его не прячет, пап.

– Чудесно. Чудесно. Дай-ка телефон, я хочу поведать об этом миру.

– Мир в курсе, пап.

– Можно мне еще? Нужно мне еще? Дальше – лучше?

– Не обязательно. Не торопись.

– А, ну да, не торопись. Старый добрый «не торопись». Тогда можно мне мороженого?

По-моему, мороженое – отличная мысль.

– Мороженое – превосходная мысль. – Тед отправился к холодильнику, добыл оттуда кварту и вручил ее Марти вместе с ложкой. Марти непонимающе уставился на упаковку. – Мороженое, которое тебе хочется, находится внутри упаковки, пап.

– Фру-у-у-у-у-у-у-у-узен гла-джах. Фру-у-узен гладжах-х-х-х.

– Все верно. «Фрусен гладье»²²¹.

– А в чем смысл?

– Сам знаешь, в чем смысл, пап, ты сам такую херню выдумывал. Смысл в том, чтобы похоже было на «мороженое», но на псевдоскандинавском языке, и чтобы вызывало в уме образы всякой блондинистой скандинавской вкуснятины. Сука, действует, дай сюда. С каким оно вкусом?

– Со вкусом холода.

– Холод – не вкус.

– В смысле, в чем тут вообще смысл?

– Аминь, братан.

– Тед?

– Я за него.

– Не оставляй меня больше без марихуаны.

– Идет, пап. Заметано.

– Торжественно клянешься?

– Торжественно клянусь.

– И, Тед?

– По-прежнему за него.

– Я руку не чувствую.

– Все в порядке, я ее вижу. Она совсем рядом с плечом у тебя, чуть пониже.

– Да нет, это охренеть прекрасно. Рука у меня обычно пульсирует как хер знает что, а теперь плавает на сахарных ниточках. Ты знаешь, что тебя называли в честь Теда Уильямса, да? Величайшего хиттера всех времен и народов. Тедди Беймяч. Замечательный Заноза.

– Знаю.

---

²²¹ «Фрусен гладье» – американская компания-производитель мороженого, основана в 1980 г. (Духовны чуть опередил время) Ричардом Смитом, название в переводе со шведского означает «замороженная радость»; бренд прекратил существование в 1993 г.

- А ты как думаешь?
- А чего не ушел тогда? Не ушел к ней?
- Птушта неправильно это. Мужчины не уходят – они умирают. А я вот увлекся «Носками».
- Что?
- Насрать мне было на бейсбол, Тед. Ну то есть он мне, конечно, нравился, но кто станет фанатеть от бейсбольной команды так, будто это вопрос жизни и смерти? Я просто сообразил, что, если буду с ума сходить по «Носкам», твоя мать оставит меня в покое, когда я, не знаю, смотрю игру или читаю газету. И тогда удавалось витать. Годами. «Носки» в эфире – я сматываюсь. А когда сматывался, я не так сильно по ней скучал.
- Я даже не знаю, с какого вопроса начать.
- Не начинай вообще.
- То есть вся эта история с бейсболом – враки?
- В каком смысле – враки?
- В смысле ложь, пап.
- Наверное, да, если желаешь буквальности. Начиналось все вот так, а потом, со временем, я уже не очень-то и думал о Марии, все больше о «Носках». Она стала «Носками», а «Носки» – ею. Не знаю, как это облечь в слова. Словно Мария растворилась в «Носках» и больше для меня не существовала – или существовала так, что мне уже не было больно.
- И ты... выключился из обоих миров – и из ее, и из нашего.
- Выбирать между ними было неправильно.
- Не выбирать – еще более неправильно.
- Извинения тут ни к чему, сынок, жизнь моя – говно, и я ее такой сделал, птушта другой не заслуживаю. Не был я хорошим человеком. Гадость какая эта марихуана. Чудовищный наркотик. Засыпаю на ходу. Сплю. Говорю во сне.
- Ты устроил себе говенную жизнь? Может, ты такую и заслуживаешь, пап, а мы имели право на лучшее. Мы с мамой имели право.
- Не хочу я ссориться.
- А я и не ссорюсь. Просто говорю. Есть побочные эффекты.
- Прекрати. Я хочу спать. Ничего я уже для твоей матери сделать не могу, упокой Господь ее душу. Тот поезд ушел. Она имела право на лучшее, чем то, что я ей дал, да, – и жаль, я не сказал ей, что понимаю это, пока она была жива. Но ты – в чем бы ни нуждался, тогда или теперь, – сделай вид, что я это тебе давал или даю. Боюсь, сейчас это тебе придется устроить себе самому. Можешь? За меня. Соври мне.
- Не знаю, пап, не уверен, что понимаю, с какого конца и браться за такое.
- Да понимаешь ты все, не сомневаюсь. Спокойной ночи, Тед. Можно тебя поцеловать на сон грядущий?
- Конечно.
- Марти подошел поближе и поцеловал Теда в макушку.
- Славный мальчик, – сказал он и отправился укладываться. – «Марихуана – не гадость» – таковы были его последние слова в тот вечер. Или, вернее, так Теду казалось, пока Марти не заглянул вновь и не сказал: – Слушай, а свози меня в кино, на «Скотный дом»?²²⁵
- Хочешь посмотреть «Скотный дом»?
- Ага, вроде неплохой.
- Это не по Джорджу Оруэллу «Скотный двор», как ты понимаешь. Совсем другой.
- По-моему, потешный.

---

²²⁵ *National Lampoon's Animal House* (1978) – американская кинокомедия режиссера Джона Лэндиса о хулиганской жизни студентов в университетском общежитии.

– Да? А по-моему, мир летит в пропасть, судя по этому фильму. По-моему, дети захватили власть.

– А по-моему, он потешный. И этот Чевы Чейз²²⁶ мне нравится.

– Его там нет.

– Неважно. Все равно потешно.

– Свожу.

– Купим лакрицы и попкорна. Спокойной ночи. – На сей раз он смылся окончательно.

Тед остался сидеть за кухонным столом и размышлять, какой громадной ощущалась внутри него пустота, и как самая малость, случайное слово отца, могла ее прорвать, и как самая малость, поцелуй отца, могла легко залатать ее. Тед думал, как бы ему удержать это чувство – как его целуют, – после того, как оно потускнеет. Потянулся взять себе еще «Фрусен гладье».

---

²²⁶ Чевы Чейз (Корнелиус Крейн Чейз, р. 1943) – американский комедийный кино- и телеактер-эксцентрик, был приглашен для съемок в «Скотном доме», но отказался в нем сниматься.

45

Тед и посреди ночи никак не мог заснуть. Взялся за «Двойномята» и, пролистав до последних страниц, увидел текст по-испански, которого раньше не замечал, – и не мог перевести. Написано было другой, не отцовской рукой, изящнее, с завитками, женственно.

El anciano tenia la piel morena, de color marron oscuro y como la piel de cuero de tantos anos en el sol. Ese era su color ahora. Esta fue la evolucion. Ella tambien estaba de piel morena. Y casi siempre con arena blanca entre los dedos de sus pies. A el no le importaba la arena en la cama. El todavia la amaba, la amaba aun más por sus arrugas porque ellas no podian derrotar a su necesidad por ella. O su amor. Su joven lujuria se habia convertido en amor y entonces su amor Volvo a envejecer en lujuria. Era un circulo. Fue en milagro. Fue la alquimia de la carne. Solo lo atrapado del mar – whaoo, Barracuda y mahi mahi, y comian lo que recogian de los arboles – papaya, platanos y coco. No olviden cerveza de la bodega. Caminaban. Nada mas que ellos mismos necesitaban. Estos eran ellos. Eran

А ниже был, судя по всему, перевод этого фрагмента, узнаваемым отцовским почерком:

Человек-Двойномят от многих лет, проведенных на солнце, стал загорелым, бурым и обветренным. Таков теперь стал его цвет. Такая вот эволюция. И у нее кожа была бурой. И почти всегда между пальцами на ногах у нее был белый песок. Песок ему в постели не мешал. Он по-прежнему любил ее, за морщины любил ее сильнее, потому что не могли они одолеть его нужду в ней. Его любовь. Его юная похоть обернулась любовью, а потом любовь состарилась до похоти. Круг. Чудо. Алхимия плоти. Они ели лишь то, что ловили в море, – макрель, барракуду, морского карася – и лишь то, что срывали с деревьев, – папайю, бананы, кокосы. Не бежали – шли. Ничто им не нужно было, кроме них самих. Это были они. Были

Здесь текст обрывался. Прямо посреди фразы. «Были». Были – что? Счастливы? Без тоски по этому миру? Были? История без окончания, а без окончания ее нельзя было понять. Кто тут герой? Кто злодей? Завершение будто слишком настоящее, слишком как жизнь. Теду от этого сделалось неуютно, хотелось ответов. Искусства. Он еще раз перевернул роман, надеясь, что все как-то встанет на свои места, что замок щелкнет и сейф откроется. Он уже собрался отложить книгу, но тут заметил на одной из последних страниц номер телефона и адрес. Вырвал эту страницу и выключил свет.

46

На следующее утро Тед проснулся с рассветом, сунул в карман адрес, прыгнул в «короллу» и двинул к Вашингтон-Хайтс. На дорогах было тихо и спокойно. Он запустил «Мертвых», и они запели «Бэнд дяди Джона» из альбома «Мертвые для работяг» 1970 года. Типа о чем бы поговорить, кроме надвигающейся волны. Теду тоже было о чем поговорить. Не тот ли это дядя Джон, который мученически погибший аболиционист Джон Браун?²²⁷ Или же это какой угодно милый дядюшка, воплощение американской мудрости? Или и то и другое? Предково писательство – дневник или роман? Предок – один человек или два? «Рэззлз»²²⁸ – жвачка или конфета? Тед прикурил здоровенную раста-самокрутку – а ну как поможет разгадать этот ребус? Но нет. Серая зона. Вечно эта чертова серая зона. Тед глубоко вздохнул и решил опираться на свою негативную способность. По натуре терпеливым он не был, но дожидаться, пока бэнд дяди Джона сыграет ему у реки истину в высшей инстанции и превратит серятину в ослепительную белизну прозрения, он мог.

Тед сунул «короллу» в зазор напротив дома из адреса на бумажке – многоквартирника, выдавшего лучшие времена. Минут через двадцать вокруг забурлила жизнь. Будничный мир брался за дело. Тед наблюдал за подъездом многоквартирника, люди входили и выходили. Мужчина. Мужчина с двумя детьми-школьниками. Девушка. Две пожилые женщины, рука об руку. Может, одна из них – та самая? Может, вон та старуха, что шаркает по тротуару, – она? Действительно ли ее звали Марией? Сколько Марий в испанском Гарлеме? Существовала ли она вообще? Теду сделалось дремотно, и он отправился за кофе в столовку на углу.

Проходя мимо стойки по дороге к телефону-автомату на задах заведения, Тед крикнул:

– Обычный кофе, пожалуйста.

– *Cafe con leche*?²²⁹

– Точно, *кафе кон лече*.

Тут отдельная страна внутри страны, а местным языком Тед толком не владел. Знал латынь, но не латино, как говаривал отец. Набрал номер, записанный на бумажке. Не обслуживается. Вспомнил вечера детства, когда ему с друзьями нечем было заняться и они искали самое странное имя в телефонной книге. Америка – плавильный котел, и телефонная книга, несомненно, список причудливых ингредиентов. Находились невероятные китайские имена, филиппинские, русские, тайские – справочник вселенной, ни дать ни взять. Бабу Дудумпуди. Тед прикинул, что этот – индеец. Лучше имени не бывало, решили они тогда. Бабу Дудумпуди. Этому парню точно известны все ответы.

Они тогда позвонили Бабу, он ответил – с явственным индийским акцентом. Хихикавшие дети попросили к телефону «Бабу» и «мистера Дудумпуди», но дальше разговаривать не смогли – истерически заржали и бросили трубку. Тед задумался, не сохранился ли у Бабу Дудумпуди тот же номер. Имеется ли теперь миссис Дудумпуди? А может, и ватага мини-Дудумпудей? Наверняка Бабу рубил фишку. Поговорить бы со стариком Дудумпудом, задать ему все безответные вопросы, выжать из него мудрость, какая прилагается к эдакому имени. Четвертак проскочил насквозь и звякнул в монетоотдатчике. Тед забрал деньги. Нет, Бабу уже небось нет давно. Да и номера Дудумпуди Тед не помнил. Зато у него был номер Марианы. Он ни разу не пустил его в ход. А сейчас – пустил. Она ответила. Он извинился за звонок и попросил ее о встрече в столовке. Она сказала, что сейчас придет. Тед взял со стойки свой кофе и уселся в закуток ждать.

²²⁷ Джон Браун (1800–1859) – американский общественный деятель, один из первых белых аболиционистов.

²²⁸ «Рэззлз» – американские конфеты (с 1966 г.), которые можно разжевать, и они тогда превращаются в жвачку.

²²⁹ Кофе с молоком (*исп.*)

Не прошло и часа, как Мариана появилась. На ней были те же джинсы «Джордаш». Тед помахал ей из своего закутка и почувствовал, что улыбка у него чуточку слишком широкая – и чуточку слишком счастливая. Он точно не хипстер, не белый негр Мейлера²³⁰. Тед встал. Мариана подставила щеку для поцелуя и уселась. Тед решил блеснуть новыми познаниями.

– *Кафе кон лече?*

– Да, отлично, спасибо.

Тед крикнул кассиру:

– *Кафе кон лече, пор фавор. Дос.*

– *Dos.*

Кассир приблизился к ним и спросил по-испански, не желают ли они чего-нибудь поесть.

– *Que te gustaria comer?*²³¹

Тед вцепился в полюбившуюся фразу – в общем, единственную известную ему:

– *Кафе кон лече.*

– *Vas a comer tu cafe?*²³²

– *Кафе кон лече.* – Тед закатил глаза и адресовал Мариане молчаливое «вы посмотрите на него».

– *Algo mas a comer?*²³³

– Перестаньте.

Кассир вытаращился на Теда.

Тут встряла Мариана – спросила у Теда:

– Хотите *платанос*?

Тед сомневался, что понимает, о чем речь, но, судя по названию, наверное, годится, и поэтому сказал:

– Обожаю платы.

– *Платанос*, пожалуйста.

Кассир ушел, что-то бормоча себе под нос.

– Отец в курсе, чем вы заняты? Что пытаетесь найти эту загадочную женщину?

– Нет.

Мариана шумно вдохнула, сглотнула и самую малость покачала головой:

– Это ж все было двадцать-тридцать лет назад. Жизнь не стоит на месте.

– Я знаю. Просто хочу разобраться, что настоящее, а что нет.

– Ага. Это ради него или ради себя?

– В смысле?

– В смысле, может, это вам такая концовка истории нужна, а не ему.

– Ну да, я хочу понять почему, то есть увидеть причину, по которой мой отец... отключился от нас. Почему он бросил мою мать.

– И вас.

– И меня – что?

– Вас тоже бросил.

– Допустим. И?

---

²³⁰ «Белый негр: беглые размышления о хипстере» (1957, пер. А. Зверева) – очерк Нормана Мейлера о молодежной культуре 1920–1950-х гг. и о том, как молодежь, любившая джаз и свинг, разочаровалась в конформистской культуре и приобщилась к культуре афроамериканцев.

²³¹ Что желаешь поесть? (*исп.*)

²³² Ты кофе есть будешь? (*исп.*)

²³³ Здесь: Что-нибудь более похожее на пищу? (*исп.*)

– И вы думаете, что эта женщина, если она все еще жива – если вообще существует, если живет здесь и все еще помнит Марти, – вы думаете, что эта женщина прояснит загадку? Чего? Загадку чего?

– Не знаю. Почему он был таким говнюком.

– Он не говнюк, он мужчина. А жизнь трудна. Уверена, причин много – слишком много, одной доволен не будешь.

– Так и я не доволен.

– Вы не довольны?

– Не доволен. Я не пишу, как мог бы. Или должен. Я делаюсь все старше, а сам по-прежнему ничего не добился.

Тед сильно подставлялся. С женщинами он никогда с такой прямоотой и уязвимостью не разговаривал – особенно с женщинами, которые ему нравились. Он не понимал, почему столько всего ей открывает. Потому что она медсестра, профессионал? Потому что кофе слишком крепок? Или просто оттого, что она была той, какой была – или казалась ему: восприимчивой, принимающей сущностью, сосудом, отлитым в эту восхитительную форму.

– Вы пытаетесь меня кадрить? – на полном серьезе спросила она.

Тед благодарно рассмеялся. Она принимала его, не судя. И добавила:

– По-моему, загадки тут нету. Загадки, почему вы ничего не добились – или считаете, что ничего не добились. В вас явно навалом того, что просится наружу – на страницу, быть может, – но дальше-то что?

– Не знаю. У вас самой разве нет такого, что хочется извлечь наружу, почтить?

– Мы не обо мне говорим.

– Почему нет? А можно?

– Нет.

– Нет?

– Нет. Есть такие тайны, которые нужно учиться принимать как есть. Вырастете – поймете.

– «Вырастете», – повторил Тед. Она раскрыла ладони – «суровая истина, а что делать». Тед проверил в пятисотый раз – обручального кольца нет. – Ну же, что может случиться худшего? Меня арестуют за домогательства к пожилой даме пуэрториканке? (Мариана сощурилась.) Не к вам, «пожилая» – это не про вас.

– Я наполовину доминиканка. Ага. Есть кое-что похуже домогательств к пожилым дамам пуэрториканкам.

– Вы сегодня заняты? Еще раз: я не вас называл пожилой.

– Нет, у меня отгул.

– И вам не требуется проводить его с бойфрендом?

– Тонко. Да вы детектив. Нэнси Дрю²³⁴ прям.

Веселая – и подковырки у нее не кусачие, не как у Марти. Даже приятно – как акупунктура. Как у нее это получается? – ломал голову Тед. Приворотная магия, что ли? В Мариане Теду нравилось все. Плохо дело. Джойс был прав: сперва страсть, а следом – пропасть²³⁵. Г-н Джеймс Джойс, не доктор Джойс Бразерз. Тед хотел провести с этой Марианой Бладес целый день – просто повалить дурака. Рядом с ней все казалось возможным. Это у нее дар такой вообще или только с Тедом? Она этим делится только с Тедом или со всем миром, а Тед просто оказался сегодня напротив?

---

²³⁴ Нэнси Дрю – литературный и киноперсонаж, девушка-детектив, придуманный издателем Эдвардом Стратемайе ром в 1930 г.

²³⁵ *Сперва страсть, а следом – пропасть* – Джеймс Джойс, «Поминки по Финнегану», книга IV.

– Ну, вы б могли побыть рядом и пожурить, то есть не пожурить и не пожурить, это не игра, и не посудить, а, скорее, поназирать или... – Кофе не просто развязал, а отвязал и уволок у Теда язык. Болтает как идиот. Тед утрастился неминуемого малапропизма.

– Понянькаться? – подсказала Мариана.

Оскорбление? В некотором смысле да, но нет, не от нее.

– В точку. Понянькаться. И знаете, приглядеть, чтобы я не наделал каких-нибудь глупостей. Совсем уж глупостей.

Прибыл кассир, принес еще кофе – в точности то, чего Теду совсем не требовалось, – поставил чашки и заказанные *платанос* на стол. Тед скептически глянул в тарелку, принялся.

– Ай, это что, жареные бананы? – Он погонял их по тарелке пальцем. – И впрямь! Это ж, бля, жареные бананы! Очень смешно. Этот чувак стебется надо мной. Не нравится ему белый парень с латиноамериканской барышней, так? Я понял, *амиго*, внятно и отчетливо. 1978 год на дворе, а?

Кассир поглядел безучастно и ответил:

– 1978 год на дворе.

– А, будешь делать вид, что не понимаешь.

– Тед... – попыталась встрять Мариана.

– Мариана, пожалуйста, скажите этому господину, что у нас тут не «Вестсайдская история»²³⁶. Отвратительное блюдо.

У Марианы сделалось страдальческое лицо, она глянула на кассира и сказала:

– *Mi amigo es un poco lento mentalmente en su cabeza asi que por favor perdona lo. Es inofensivo*²³⁷.

– Вот да, именно как она сказала, – подтвердил Тед.

Кассир кивнул и улыбнулся Теду снисходительно, даже с извинением:

– *Lo siento*²³⁸.

– Эй, поосторожнее со своим «*ло съенто*», дружок, я так весь день могу.

Мариана сказала:

– *Ло съенто* – это «простите».

– Что?

– Он сказал «простите».

– А, клево, клево, скажите ему, что все в порядке. Извинения приняты. *Ио*²³⁹ принимаю, *ло съенто*.

Мариана сказала что-то кассиру – гораздо длиннее, чем «Я принимаю ваши извинения». Затем вновь повернулась к Теду и постановила:

– Теперь между вами все улажено.

Тед явил великодушие:

– Хорошо. *Буено*.

Кассир откланялся и ушел. Тед поднес ко рту кусочек *платано*, осторожно попробовал. Очень вкусно.

– Это жареные бананы, да?

Мариана покачала головой – нет. Удержаться не смогла – хохотала так, что чуть не заплела Теда своим кофе. Тед принялся набивать рот принесенными *платанос*. Добавил:

---

²³⁶ *West Side Story* (1961) – мюзикл Роберта Уайза и Джерома Роббинса. В основе сюжета – история Ромео и Джульетты, перенесшихся в Нью-Йорк XX века.

²³⁷ Мой друг не очень быстро соображает, простите его, пожалуйста. Он не хотел обидеть (*исп.*).

²³⁸ Понятно (*исп.*).

²³⁹ Я (*исп.*).

– Господи. Да все равно, что это. Зашибись как вкусно.

47

Дождь струился у Марти по окнам. Пантеры-дождеделы набрались сноровки. Теперь лили воду на все три окна со стороны улицы, а сами прилежно загорали. Марти проснулся, но из постели не выбрался. Читал Вальтера Беньямина, «О гашише»²⁴⁰. Поглядывал в окно и бормотал под нос: «Опять, бля, отмена из-за дождя».

---

²⁴⁰ «О гашише» – сборник «протоколов наркотических экспериментов» немецкого философа, теоретика культуры, эстетика, литературного критика, эссеиста и переводчика Вальтера Беньямина (1892–1940); очерки в сборнике написаны в период с 1927 по 1934 г. и изданы посмертно.

48

Дождя не было. Стоял прекрасный позднелетний день, больше похожий на рассвет лета. Тед с Марианой околачивались возле того самого жилого дома. Сидели на капоте «короллы», пили еще *кафе кон лече*.

– Какая она была, ваша мама? – спросила Мариана. – Марти о ней толком не говорит.

– Чудесная. Участливая. Может, чуточку слишком заботливая.

– Все сходится.

– В смысле?

– Ничего. А сейчас она где?

– Умерла. Умерла в сорок восемь, от кровоизлияния в мозг.

– Можно... – Но Мариана прервала себя: – Нет.

– Ничего, говорите. Можно – что?

– Мне просто пришло в голову, что, может, вы решили, что отвечаете за мамин сказ в пику отцовскому, понимаете? Чтобы продолжить ее противостояние, когда ее уже нет? И может, вот эта подмена вам и мешает, стоит у вас на пути, как вы об этом прежде говорили.

Тед почувствовал: к щекам приливает гнев – больше, чем было бы уместно. Тед запихал его поглубже.

– Я не ее сказ излагаю.

– Хорошо, – сказала Мариана, – мне показалось.

Из почтения к усопшей и к Теду Мариана примолкла. Она видела, как любовь рвала его на части. Любовь к матери и любовь к отцу – и не было ему тут общей почвы, судя по его словам, не на что опереться. Подталкивать его она не станет. Ничего хорошего из этого никогда не выходит. Они попивали кофе. Почти время обеда. Они просидели тут много часов. Погуляли по району. Мариана показала ему, где родилась, где выросла, и памятные места, и те, которые ей по-прежнему нравилось навещать. И пусть он сегодня не найдет ту старуху, Тед за этот день уже был признателен.

– Почему кофе такой вкусный?

Женщина определенного возраста, не наблюдавшая лет и поэтому все еще облаченная в полиэстеровые клеши и тунику с головкружительным V-образным вырезом, являвшим миру более чем пышный бюст, проплыла мимо в туфлях на платформе и оделила Теда вдумчивым взглядом с головы до пят.

– Ух ты, – сказала Мариана. – Вам все еще перепадает.

– Ага, я у старушек звезда.

– Может, она так глянула на вас, потому что вы ей кого-то напомнили.

– Вам не кажется, что я ей, может, просто понравился?

– Ну же, Тед, поговорите с ней.

Тед несколько мгновений шел следом за дамой и лишь затем тронул ее плечо:

– Простите, мэм, меня зовут Тед Сплошелюбов. Марти Сплошелюбов – мой отец. Вы с ним не знакомы? Марти? Марти Сплошелюбов? Софтбол?

Женщина сделала шаг назад и пристально всмотрелась в Теда. Подправила помаду, что показалось Теду неоднозначным откликом на ситуацию. Затем шагнула вплотную к Теду и широко улыбнулась. Кивнула.

– *Mira...*²⁴¹ – вздохнула она и рассмеялась. – Сеньор Арахис.

Тед протянул руку.

– Рад знакомству, – сказал он, – всего хорошего. – И вернулся к Мариане.

---

²⁴¹ Здесь: глянь (*исп.*).

В следующие несколько часов Тед познакомился еще с пятью или шестью пожилыми латиноамери канками.

– Может, нам стоит быть хитрее, – сказала Мариана.

– Хитрее?

– Ну, та женщина, вероятно, не хотела бы, чтобы ее обнаружили. Может, она замужем – или была замужем, неважно, – и, может, стоит просто понаблюдать, а не наскакивать сразу. Если мы ее найдем, для нее это наверняка будет целое дело.

– В смысле, мне бы лучше включить Нэнси Дрю?

– Именно.

Они присели отдохнуть на капот Тедовой машины.

– Думаю, у них на тему этой женщины была договоренность. У вашей матери с отцом.

И с вами.

– Что? Нет. Никакой договоренности. Она не знала. Я не знал.

– Может, вы оба знали.

– Нет.

– Может, вы оба знали достаточно и не хотели знать больше – что совершенно по-человечески, – однако незадача с привычкой не знать, что ты знаешь, в том, что рано или поздно забываешь, что знаешь, и перестаешь понимать, что знаешь, и большинство людей так и живут, а когда вспоминаешь, что знаешь – или, вернее, знал, – может выйти неприятный сюрприз.

От этих повисших слов пространство меж ними набрякло и загромыhalo. Тед открыл было рот, чтобы ответить, но так и оставил его нараспашку. Какой-то прохожий пристально всмотрелся в Теда.

– Это вы по-испански? Птушта я ни слова не понял. Хочу с вами поспорить, но понятия не имею, о чем вы говорили. Теперь понятно, почему вы с отцом так ладите.

– По-моему, вы знаете.

Тем временем пристальный малый возвращался к ним и, не сводя с Теда глаз, тыкал в него пальцем, будто пытался вспомнить что-то. Заулыбался и энергично кивнул:

– Сеньор Арахис!

Тед вновь остолбенел.

– Нет, нет, ой нет.

Но парень отмел этот ответ и принялся вопить, обращаясь ко всем вокруг:

– *¡Hola! ¡Senor Cacahuete aqui!*²⁴² Сеньор Арахис из «Джанки»!

Несколько человек улыбнулись, подошли ближе – начала собираться небольшая толпа, даже больше, чем можно было бы подумать. Тед был персонажем со стадиона – по-своему любимым. До этого неловкого казуса он об этом и не подозревал. Его прямо-таки удивила эта братская любовь, возникшая в груди, – и даже гордость, смешанная с зазубренным ощущением, что он прославился чем-то совершенно не значимым, на глазах у женщины, которую хочет обаять. Тед, как смог, замаскировал это все юмором – театрально прошептал Мариане:

– Моя публика. Что тут поделаешь? Издержки популярности. Само собой разумеется, но о таком сам никогда не просишь. *Lo siento*. Есть у кого-нибудь авторучка?

Автограф у него никто не требовал, и Мариана от этого хохотала заливицей. Такой смех, как у нее, бывает у людей, кому жизнь всыпала премного несмешных тумачков. Со стороны казалось, что смеяться ей больно, будто этому смеху приходилось лавировать в лабиринте ножей, чтобы выбраться живым, и Тед из-за этого тут же влюбился в нее еще сильнее. У кого-то смех заразительный, а у кого-то – трогательный. Мариана смеялась искренне, но во взгляде ее было

---

²⁴² Тут Сеньор Арахис! (исп.)

что-то такое, будто она, смеясь, ощущала угрозу, будто знала, что жизнь обожает отвешивать тебе по заднице, именно когда ты не настороже. Тед и его «восторженная» публика обильно обменивались хлопками по спине, но Тед при этом думал: что же так мучает эту красавицу, отчего она хохочет так мучительно, сторожко – и чисто?

Словно услышав Тедовы мысли, Мариана резко прекратила смеяться. На улице рядом с наблюдаемым домом появилась привлекательная латиноамериканка за шестьдесят. Вот кто ближе всего подходил под искомый образ. Мариана толкнула Теда локтем и показала на даму:

– Я ее не знаю. Ни разу не видела.

Они пошли следом за ней, на безопасном расстоянии.

– Нэнси Дрю, – сказал Тед *сотто воче*²⁴³. *Абуэла*²⁴⁴ купила фруктов и овощей. Люди из квартала знали ее: она сколько-то здесь уже прожила. Тед и Мариана сократили дистанцию, и бабуля, принюхиваясь к дыне, встретилась с ними взглядом. Мариана тут же впиалась в Теда поцелуем – чтобы у таинственной дамы не осталось сомнений, что они с Тедом любовники. Женщина двинулась дальше, Мариана отстыковалась. Теда парализовало, он застрял в предыдущем мгновении, где предпочел бы находиться остаток своих дней; он не очень понимал, что за херня только что произошла, но не сомневался: ему понравилось.

– Чуть не спалились, – сказала Мариана.

Тед умудрился, заикаясь, отозваться:

– Ага, Нэнси... – Но затем слова закончились.

– Дрю? – подсказала Мариана.

– Дрю, ага, Дрю, – подтвердил оглоушенный Тед, доведя счет своих слов до трех.

Пожилая дама исчезла в угловой *бодеге*²⁴⁵. Они последовали за ней, полуиронически изображая шпионов-любителей. В *бодеге* они увидели, как она покупает лотерейные билеты и расплачивается мятыми купюрами и мелочью. Они зашли, Тед старался не светить лицо – надеялся застать даму врасплох. Ему удалось подобраться совсем близко так, чтобы она, сосредоточившись на своих счастливых номерах, не заметила.

Дама ощутила его присутствие и подняла взгляд. Тед стоял совсем рядом. Она перестала дышать, словно увидела призрак. Тед не двигался, давал себя разглядеть. Она протянула руку и коснулась его – убедилась, что он настоящий. Прижала ладонь ему к щеке, показалось, что она сейчас заплачет, и сказала:

– *Tus ojos...*

Тед обернулся к Мариане за переводом, она его предоставила:

– Твои глаза.

Старуха продолжила:

– *Tus ojos...* твои глаза как мужчина. Марти. Эль Заноса?

---

²⁴³ Вполголоса (*ит., муз. термин*).

²⁴⁴ Бабуля, старуха (*исп.*).

²⁴⁵ Здесь: продуктовая лавка (*исп.*).

49

– Нахуй! – взорвалось за дверью ванной. – И вас тоже нахуй!

Тед стоял по эту сторону запертой двери, рядом с Марианой.

– Чем ты рискуешь, пап? Она хочет тебя повидать.

– Во в тебе борзоты-то, бля, обалдеть!

– Я просто подумал – может, ты захочешь...

– Чего захочу, гаденыш?

Тед обернулся к Мариане:

– Как, еще раз, вы это назвали?

Мариана подсказала волшебное слово:

– Завершенности.

– Завершенности! – повторил Тед, добавив громкости.

С другой стороны двери донеслась отповедь, против которой вряд ли попрешь:

– Завершенность – для слабаков!

– А она ничё так, пап, скажу тебе.

– Заткнись!

– Ты ж не будешь всю ночь тут прятаться?

– Это мой дом, буду прятаться где пожелаю, черт бы драл!

Внезапно дверь в ванную распахнулась и на пороге возник Марти в пиджаке и галстуке, мытый, причесанный, свежевывбритый и с громадной косой ухмылкой на все лицо. Тед с Марианой опешили.

Тед слегка подначил предка:

– Для дамы сердца побрился...

– Заткнись. Я выгляжу нелепо. Как блядский птеродактиль. Как Эл блядский Льюис²⁴⁶.

Как вертикальный жмур.

– Нет, Марти, вы смотрите шикарно. Я бы гордилась таким кавалером.

Мариана предложила Марти руку, он подарил Теду хер-тебе-улыбку и прошептал ему на ухо:

– А вы, сэр, идите и выкусите. – После чего взял Мариану под локоть, и парочка двинулась на выход, Теду осталось лишь идти следом.

---

²⁴⁶ Эл Льюис (Элберт Майстер, 1923–2006) – американский характерный актер, наиболее известен в роли похожего на графа Дракулу Дедушки Манстера из телесериала «Манстеры».

50

Старушка-японка «королла» отказалась заводиться. Отправились к подземке. Теду делалось неуютно: он последние несколько недель держал отца под безновостным колпаком, практически отрезанным от мира. Марти не выбирался за пределы дома и автомобиля, если не считать ежедневных визитов к киоску Бенни, где старики вполне виртуозно помогали Теду хранить герметичность колпака имени «Носков». Всю эту потеху с видео Тед обустроил на отлично и даже убедил Марти, что Аббалденный Билл Майзер уехал в отпуск, и потому они с отцом перестали смотреть вечерние повторы игр. А подземка и прогулка до квартиры Марии – беспредельная куча-мала сведений из внешнего мира. Тед соображал в режиме повышенной боеготовности. Казался самому себе тайным агентом. Колпак над Марти не должен быть разбит.

Это напомнило Теду их с Марти походы в парк на уличный футбол. Футбол для Марти был не то же, что софтбол, он на нем не подрубался – и не воспринимал всерьез, совсем. И потому пускал неспортивного Теда в это играть. Теду в те поры было около десяти, и Марти обеспечивал ему участие наравне с мужчинами. Теда, единственного ребенка в игре, принимали не из-за его умений. Его принимали, потому что Марти был лучшим квотербэком в районе, и если он хотел, чтобы его сын играл, – сына брали. Марти выдавал Теду план пробежки на игре – даун и аут, даун и ин, стоп и гоу, – и Тед всё прилежно пробегал. Его никто не стерег. Игра у него была своя личная, хоть он об этом и не догадывался. Если играли пятеро на пятеро, отец брал его к себе в команду шестым. Марти объяснял всем тактику, а затем, когда совещание на поле завершалось, нашептывал план забега Теду на ухо. Слова звучали как заклинания, а иногда по-военному, как у шпионов-мачо: *подсечка, слэнт, бомба*. Тед не помнил, получал ли хоть раз мяч, но Марти всегда смотрел ему прямо в глаза и говорил: «Мы тебя приберегаем для критической ситуации. Они про тебя забудут, и тут я тебе пну. Готовься к пасу, дружок. Ты – мое секретное оружие». Вовсе неважно, что мяч ему так ни разу и не дали. Он был отцовым «секретным оружием», а этого более чем достаточно. Оружием, которое на асфальте ни разу не применили. Зато применили сегодня. Тед был отцовым долгосрочным вкладом и – пусть и много позже – секретным оружием.

Марти настоял на покупке шестерика пива. Тед предлагал вино или шампанское, а Марти не сомневался, что пиво – правильное решение. Марти отказался и от трости. У Теда чуточку защемило сердце: Марти не взял трость в попытке показать, что он бодр и здоров. Марти приметил свое отражение в окне машины и не смог скрыть разочарования.

– Как ни гляну на себя, – сказал он, – жду увидеть шестнадцатилетку и тыкаю потом пальцем в отражение – кто этот старик?

По необходимости он опирался время от времени на руку Марианы. Из солидарности с Марти Тед и Мариана облачились по случаю парадно.

В вагоне подземки Марти углядел брошенную кем-то «Нью-Йорк Пост» на соседнем сиденье и от нечего делать взялся за нее. Тед – секретное оружие – выхватил газету у отца из рук. Марти это раздражило:

– Ты чего?

– Незачем руки пачкать типографской краской. Будешь на бродягу похож. Ну-ка дай поправлю галстук тебе, капитан.

Тед принялся возиться с отцовым галстуком – как Марти много Дней благодарения назад возился с Тедовым. В тот вечер любое действие казалось символичным и многозначительным. Тед почувствовал, что обитает сразу в двух мирах – действительном и иносказательном. От этого у него приятно кружилась голова. Мариана взялась поправлять галстук на Теде. Тед огля-

дел Мариану и пожалел, что на ней ничего не скособочилось, нет повода прикоснуться к ней, поправить что-нибудь. Нечего. Мариана – сама безупречность.

51

Когда выбрались из подземки в испанском Гарлеме, из многих транзисторов неслась испаноязычная трансляция игры с участием «Янки». Мужчины сидели у *bodega*, на крылечках, на капотах автомобилей, радиоприемники прижаты к ушам или стоят у ног. Тед заметил, что отцу интересно узнать счет, и потому без остановки напускал туману своим трепом и гнал их вперед со всей доступной больному и усталому старику прытью. Быстрее, к Марии.

Они остановились у ее дома. Марти глянул вверх, на окна, потерявшись где-то глубоко в себе самом.

– Узнаете место? – спросила Мариана.

Марти не ответил, он все смотрел и смотрел на окна – или в небо, не разобрать.

Взбираться по лестнице на третий этаж – дело небыстрое. На каждой лестничной площадке они останавливались перевести дух.

– Я, бля, смешон, – пыхтел Марти. – Бесит. Дышу как блядская рыба. Вид у меня, как у чертова окуня.

Наконец добрались до двери Марии, и Тед по-режиссерски выпихнул отца вперед, чтобы Мария, когда отопрет, сразу увидела Марти и только Марти. Тед подождал, пока отец отдышится. Постучал и убрался предку за спину. Дверная ручка повернулась, и Тед увидел, как Марти изо всех сил выпрямил спину, попытался изгладить последствия десятилетий гравитации и хвори. Тед потянул отца за фалды пиджака – чтобы сидел еще краше и чтобы ушла складка у плеч.

Распахнулась дверь – и вот она, Мария. Она преобразила себя из неряшливой старухи, какой они видели ее нынче днем, в прекрасный предмет старины. Она не пыталась молодиться – просто постаралась выглядеть как можно лучше, и ей все удалось. Марти и Мария стояли, безмолвно глядя друг на друга через пропасть лет, обозревали разрушения, и каждый ощущал опыт человека напротив, – опыт, частью которого не стал, который никогда по-настоящему не постигнет.

Глаза у Марии намокли и заблестели. Она не сомневалась в том, что видит, и произнесла с сильным акцентом:

– Ты похож на мужчину, какого я прежде знала.

– Я себя чувствую вполвину тем, кого ты прежде знала.

И они вновь красноречиво умолкли. Теду подумалось, что он готов стоять на этом пороге всю ночь – и ничего. Однако благоухание домашней латиноамериканской кухни словно тянуло их внутрь. Марти явил шестерик пива и сказал с помпезностью метрдотеля – и с густым маскардным нуэриканским акцентом:

– Льеденой «Бухвайс-с-сер».

Мария рассмеялась и мечтательно повторила:

– «Бухвайс-с-сер», – а затем шагнула назад и взмахом руки пригласила войти, открывая Марти, Мариане и Теду свой мир и свое прошлое.

– М-м-м-м... дайте-ка сюда.

Тед отнял вилку у Марианы и принялся обжираться самостоятельно. И хотя не очень-то разберешь, что там Тед говорил с набитым ртом, Мария уловила суть:

– Я ничего вкуснее в жизни не пробовал.

Мария встала из-за стола и ненадолго исчезла в спальне. Вернулась со старой манильской папкой. Тед уже слегка захмелел.

– Триллер в Маниле²⁴⁸, – объявил он.

Содержимое папки легло на стол – фотографии.

Тот самый «Кодаколор», на котором что угодно тут же смотрится как воспоминание, и воспоминания поэтому отошли еще дальше во времени – и сделались еще священнее.

Взгляд Теда тут же остановился на одном снимке. Сделали его на городской футбольной площадке, эпохи назад. Не постановочный кадр, вся команда по софтболу, все девять «Корон». В углу – Марти с Марией, над чем-то смеются вместе. Закатный свет сообщил фотокарточке некую вневременность. Невероятно, что ушла та пора, – и невероятно, что она вообще была. Мария и Марти принялись перебирать памятных им людей и игроков, рассказывать истории о давно забытых персонажах.

– Этого парня, из местных, Карлоса Крочетти, полуитальянца, полупуэрториканца, никак в команду не брали, то ли пинчраннером, то ли подающим, вечно улыбался. Я его однажды спросил: «Карлос, ты чего такой довольный? В чем секрет?» – а он такой: «Я с виду довольный, а на самом деле я несчастный, все и вся ненавижу. Включая тебя». На полном серьезе – ничего смешнее не слышал за всю жизнь.

Тед вытащил из горки еще одно фото: Марти вроде как учит маленького Теда бить по мячу. Марти стоит позади Теда, держит сына за талию, они вместе замахиваются битой, смотрят, как что-то летит на них, – мяч? Будущее?

– Ты глянь, – сказал Тед. – Я в упор не помню, как ты меня учил бить.

– Эль Заноса, – проговорила Мария.

– И я не помню, – отозвался Марти.

Мария двинулась дальше и явила всем героический снимок Марти, на подаче, безупречная бейсбольная открытка, на которой кто-то любовным пером – Мария, несомненно, – нарисовал, как школьница, сердечко. Марти рассмеялся, Мария изобразила смущение. Тед мысленно извинился перед матерью, но все-таки спросил:

– Почему вы не остались парой?

Марти и Мария переглянулись, словно пытаясь решить, кто из них может – или должен – ответить на этот вопрос. Мария смотрела на Марти, будто уточняя, следует ли об этом рассуждать. Марти кивнул, и Мария заговорила:

– Я говорю тебе кой-чиво. Остались парой? Мы никогда не пара. Мы были оба жениться.

Тед, очевидно потрясенный этим откровением, попросил у Марти взглядом уточнений.

– Я был высоконравственным безнравственным мужчиной, – сказал Марти.

– А дневник что же?

– Не надо верить всему, что читаешь, сынок.

Встряла Мариана:

– Можно вас на минутку?

Она вывела Теда из квартиры, и они прогулялись вокруг квартала.

– Почему я не помню, как отец учил меня подавать?

– Давно дело было, – откликнулась Мариана.

---

²⁴⁸ *Триллер в Маниле* – отсылка к так называемому «Манильскому триллеру» (или «Манильской мясорубке», 01.10.1975) – боксерскому поединку в сверхтяжелом весе между Мохаммедом Али и Джо Фрейзером в Маниле, кульминации трехматчевого противостояния между Али и Фрейзером; в историю бокса поединок вошел как один из самых жестоких и завершился после 14-го раунда победой Мохаммеда Али.

– Нет, но я же именно по этому поводу злился, понимаете, на отца – вечно у него не было времени, он никогда не считал, что я того стою, никогда не верил в меня, никогда не пытался, но вот же доказательство, что он пытался. И он что, не изменял матери? Вы в это верите?

– Это не имеет значения, но, да, верю.

– Иисусе, кажется, один я – говнюк.

– Да ну, – сказала Мариана, – просто таков ваш сказ. Та фотокарточка в вашем сказе была неуместной, а теперь, может, все иначе. Может, ваш сказ меняется. Это не значит, что вы говнюк. Значит, вы не спите, живы и готовы все переписать.

Тед все никак не мог бросить думать о том образце отца с сыном, который он начисто удалил из своего самоопределения. А тут – изобличающая улика, добавленная внезапным свидетелем в последний день слушаний по делу об убийстве. Мир Теда слегка закачался, как корабль на морских волнах. Он шел и чувствовал, что равновесие у него пошаливает.

– Погодите. – Он остановился. – Зачем вы меня сюда вывели? Вы о чем-то хотите поговорить?

– Нет, – ответила Мариана. – Я просто хотела выйти ненадолго. Люблю здешние улицы летом. Как всемирный праздник. Диско из окон. Словно Господь устроил чаепитие и играет у себя в колонках диско.

– Господь не играет диско. Господа с него воротит.

– Господа ни с какой музыки не воротит.

– Нет, с диско воротит. Да-да. Он просто не болтает об этом. Этим своим творением он гордится меньше всего. Ху же только пиявки и телевидение. Диско – мерзейшая музыка из всех.

– Она веселая. Под нее танцуешь. А еще она грустная. А под битом – многая боль, вслушайтесь: «Но нет, но я, я проживу...»²⁴⁹

– Это конец цивилизации. Не желаю слушать. Вы за этим вышли на улицу? Послушать «Давай Буги-Уги-Уги»?²⁵⁰

Мариана лукаво улыбнулась:

– Ага, именно. А еще хотела дать им время побыть наедине.

– Побыть наедине?

– Ага.

– Ах в этом смысле «наедине»? Серьезно? Им же под сто, обоим.

– У них другой сказ.

– Чё, правда?

Тед развернулся и двинулся обратно, домой к Марии. Почувствовал себя отставной бонной и не был уверен, что готов к тому, в чем Мариана не сомневалась. Они вернулись в пустую квартиру. Марии нет. Марти нет. Тед собрался позвать отца, но тут, вместе с возней в спальне, уловил это недвусмысленное ощущение. Марти с Марией были в спальне.

– Ебануться, – произнес Тед чуть громче необходимого.

Мариана шикнула на него. Они стояли и слушали – и старались не слышать.

– Мне кажется, будто я чуточку предаю свою мать.

– Вовсе нет. Это прекрасно.

– Я прям горжусь парнем. Охуеть какая прелесть это все, сил никаких нет.

Но тут-то из спальни донеслись решительно не прелестные звуки. Быстрые вздохи, стоны и словно бы урчание. Мариана вскинула руку: Теду предлагалось помолчать, чтобы стало слышно, что говорят. Она повторила по-испански, вполголоса:

---

²⁴⁹ «Но нет, но я, я проживу...» – строка из припева песни Глории Гейнор *I Will Survive*; впрочем, автор чуть-чуть обгоняет время: песня была выпущена в октябре 1978 г.

²⁵⁰ «Давай Буги-Уги-Уги» – песня из альбома «Буги-Уги-Уги» калифорнийской поп-группы *A Taste of Honey* («Вкус меда», июль 1978 г.), абсолютный хит лета 1978 г.

- *Incluso el viejo leon sigue siendo un rey.* Лев, пусть и старый, остается королем.
- Ой-й-й-й. Во дает. Я-то сам не лев, скорее тот, кого львы жрут. Типа газели или гну, прихожу себе к водопою, ничего не подозревая.
- Может, никогда не поздно стать королем.
- Это она сказала или вы?
- О, это я. – Мариана вновь жестом попросила тишины. – *Eso es correcto, amor, yo soy tuya, la mujer te tus sueños. Yo he estado esperando por ti, y tu has esperando por mi.* Да, любимый, я твоя женщина, женщина твоих грез. Я ждала тебя. Ты ждал меня.
- Это вы? Или она?
- Что?
- Вы переводите или со мной разговариваете?
- Перевожу.
- Звуки из комнаты нарастали.
- Айе, Поппи, давай. Давай, Поппи. От так!
- Мариана прилежно перевела:
- Она говорит: «Да, папуля, давай, давай, папуля. Вот так!»
- Тед поднял ладонь – остановил ее:
- Спасибо, достаточно, я понял, там половина по-английски.
- Звуки секса в соседней комнате внезапно обернулись приглашением к сексу в этой, будто инфекция в воздухе. Оба немного смутились, и Тед попытался пошутить.
- Во вы даете, латиноамериканки. Беретесь ебаться – мозги не ебете, да?
- Точно. Мы к этому делу очень по-взрослому Мария гремела уже в полный голос:
- *Ese culo es tuyo!*²⁵¹
- Мариана вскинула брови:
- Она сказала...
- На сей раз Тед стремительно прервал ее:
- «Куло» – это задница, да? «Куло» означает «задница»?
- Да.
- Ох ты. Я так и думал. Пошли отсюда. Пошли на улицу. Нам пора.
- Пока Тед гнал Мариану к двери, она сказала:
- У вашего отца испанский куда лучше и разговорнее, чем я помню.
- Прекратите, меня чуточку мутит. Я побежал, догоняйте. Встретимся на Стэйтене.

---

²⁵¹ Какая у тебя задница! (исп.)

53

Тед с Марианой все гуляли и гуляли вокруг квартала. Тед купил у уличного торговца ледяной стружки с цветным сиропом и, когда вручал Мариане ее порцию, услышал от нее:

– Сначала «Джелл-О». Теперь это вот. Умеете же вы ухаживать за девушками.

– Второе свидание. Надо поднимать ставки.

– А, мой любимый вкус – э-э, аквамаринный.

Тед попробовал свой.

– Я, хоть убедите меня, про свой любимый вкус ничего не знаю.

– А то! И это прекрасно, а? Альтернативная вселенная прям, вкус – это цвет.

– Откуда они берут такие кусища льда? Будто иглу разобрали.

– Точно. Кто, интересно, делает такие глыбы льда?

Теду хотелось расспросить Мариану о ней самой.

Была ли она замужем? Какие у нее родители? Когда она потеряла невинность? На какие оценки сдала вступительные экзамены? Но она, казалось, была тем вечером так счастлива просто быть, просто хохотать и дурачиться, что он сдержался и почувствовал, как ему тоже стало воздушнее. Да и имеет ли значение вся эта мутная фигня? Они словно танцевали, и стопы их были легки. Тед вспомнил своего старого преподавателя из Колумбии, который в ответ на Тедовы жалобы, что в «Бесплодной земле» нет ни характера, ни чувства, сказал: «Лишь надежным большими чувствами знакома нужда от них уходить». В те поры Тед решил, что это чушь и брюзжание, но, гуляя в тот вечер с Марианой, ощутил: ее большие чувства – в тени ее нужды сбегать от них. Было, было там великое «там», но отсюда к нему путь неблизкий, и торопиться в дорогу не стоит. Он без слов открыл свое сердце ее бессловесности, понятия не имея, как и почему. Он все ждал мига поцеловать ее, но всякий раз на миг же и опаздывал, пропускал ритм. Это все диско, наверное. Диджей виноват. Тед казался сам себе раннером первой базы – ждал сигнала от тренера на третьей базе, но сигналы изменились. Не было Теда на сборах команды, когда приняли новые сигналы. Не мог он теперь их понять и потому ничего не предпринимал, и они с Марианой все гуляли и гуляли – и не целовались.

Прошла пара часов, они бродили по округе, смеясь и неся околесицу, пока Тед не счел, что Марти уже можно забирать. Вернувшись в квартиру, они застали Марти и Марию одетыми, они сидели на диване, держась за руки, и болтали, как школьники. Заебись какая прелесть. Все расцеловались, обнялись и простились с Марией, как старые друзья, коими друг другу и были – и нет.

Марти, Мариана и Тед молча дошли до подземки. Выдался именно такой безупречный вечер, какие иногда случаются в жизни, – их не нужно украшать; грустно думалось, что у Марти таких осталось совсем немного. Они припозднились, и подземка почти обезлюдела. Ехали под водой в Бруклин в совершенно пустом вагоне – втроем, больше никого. Поезд внезапно остановился, как это бывает, без всякой постижимой причины, посреди реки, и огни в вагоне погасли. Пассажиры к таким случаям привычные, но никогда не знаешь, невинная ли это необъяснимая пауза, словно поезд переводит дух, или же катастрофическая поломка. Они сидели в тихой тьме, погребенные под миллионами тонн древней воды. Тед глянул на отца и спросил:

– О чем ты думаешь?

И Марти ответил:

– О старом добром Уолте.

Тед думал о нем же. Начал декламировать из поэмы «На Бруклинском перевозе»:

Так что же тогда между мной и вами?

Что стоит разница в десять лет или даже в столетья?..

Меня, как вас, волновали внезапно рождающиеся вопросы...²⁵²

Марти подхватил – с той же точностью:

Не только на вас падают темные тени,
И на меня извечная тьма бросала тени свои...

И снова Тед:

Мне лучшее, что сотворил я, казалось пустым, сомнительным...

И Марти:

Но разве и вправду не были мелки те мысли,
Что мне представлялись великими?

Вновь умолкли. На Бруклинском перегоне в подземке. Слегка ошарашенные от себя самих – и от Уитмена, и от ощутимого присутствия, внезапного необъявленного проявления вечности. Свежая волна. Свет поморгал и включился, поезд ожил.

Когда они переправились через реку, вернулись под твердую почву, сбросив уитманию, Тед вновь заговорил:

– Как по-испански будет «завершенность»?

Марти кивнул сыну, быстро глянул на Мариану и торжественно ответил:

– *Пендехо*.

Мариана широко улыбнулась, и Тед провозгласил:

– Вечер сегодня подходил для *пендехо* как никакой другой.

Дальше ехали молча, но Тед повторил еще раз, почтительно:

– *Пендехо*.

И лишь много лет спустя Тед узнал, что на самом деле *pendejo*, в отличие от столь резво предложенного Марти варианта, переводится не как «завершенность» – и близко не так. Более точный перевод – и старый козел наверняка это знал – «лобковые волосы».

---

²⁵² Так что же тогда между мной и вами? – зачин 5-й части поэмы, далее – по порядку с начала 6-й части, пер. В. Левика.

54

Марти был и перевозбужден, и переутомлен. Тед с Марианой едва успели снять с него галстук, пиджак и ботинки, как Марти повалился на кровать. Мариана поцеловала его в макушку и вышла из комнаты. Когда и Тед собрался выйти, Марти схватил его за руку и спросил с детской невинностью:

– Таким уж ли скверным человеком я был, а, Заноза?

– Нет, – ответил Тед, склонился к отцу и поцеловал его в лоб. – Не был ты скверным. Ты и сейчас не скверный.

Тед выключил свет, оставил отца одного и сделал пару шагов по коридору. Остановился, уперся лбом в стену и заплакал. Так он не ревел с самого детства – глубоко, судорожно. Ощутил руку у себя на плече. Он и не заметил Мариану в коридоре. Она повернула его к себе – обнять. Они обнялись, а перестав дрожать, Тед оторвался от нее. Начали целоваться. Поцелуй, родившийся для утешения, стремительно перерос в хаос желаний.

Мариана толкнула Теда к стене, прижалась к нему. Схватила его за брюки, принялась стягивать их. Тед остановил ее.

– Отец, – сказал он.

Наслушавшись отцова секса этим вечером, Тед не был уверен, что желает оказать встречную любезность. Может, в другой раз, не нынче?

Мариана сказала:

– Бери меня здесь, сейчас же, пока я не взялась думать, что вообще делаю.

– Нет, не надо. Не думай, перестань думать.

Он сунул руки ей под платье, взял за зад. Ощутил, что она уже намочла. Почувствовал, как закружилось все вокруг.

– У меня ни разу не было, – сказал он.

– Ты девственник?

– Нет, ни разу не было в доме, где я рос, в смысле, где вырос. В котором.

– Не возбуждает.

Она взялась за его член и сдвинула в сторону свои трусики. Вскинула ногу, обвила талию Теда, прижалась. Она раскачивалась и билась об него, пока не приняла в себя целиком. Тед держал ее на весу, Мариана качала. Колени у Теда ослабли. Он заговорил ей на ухо:

– Я не в лучшей форме для этой позы, если долго... четырехглавые сдают. Можно мы на пол?

– Ты меня жирной только что назвал?

– Нет-нет-нет... ни за что. Ты, бля, совершенство.

И они легли. У Теда происходившее не укладывалось в голове, хотя он столько раз об этом думал. Понимал, что, если не отвлечется, все кончится в пару секунд. Порадовался, что в отчем доме можно запросто оглядеться по сторонам и растерять всякое желание кончать. Вот старое кресло, в котором мама когда-то вязала. Мама вяжет! Идеально. Сбавляем прыть. Так можно ебаться вечно. Надо успокоиться – все перед глазами. Волшебство прямо. Ой-ей. Может, даже слишком. Он почувствовал, что отвлекается, отстраняется. Так, маму и вязание долой. Тед отвел взгляд от маминого кресла. Мариана, возможно, почувствовала, что он отдаляется, занят разговором с самим собой, – и восприняла это на свой счет. Глянула красноречиво. И заговорила с ним по-испански:

– *Venga muchacho tomame*²⁵³.

---

²⁵³ Давай, парень, возьми меня (исп.).

Он не понял, что она сказала, но догадался, а испанский был так хорош, слишком хорош. Тед откликнулся:

– Будешь говорить по-испански, ничего путного не выйдет – все кончится в два счета.

Она рассмеялась.

– *No te olvidas de la leche cuando vuelas el elefante.*

– Прекрати!

Она:

– Я сказала: «Летишь на слоне – не забудь молоко».

– Все равно по-испански слишком горячо. Что угодно.

– Я еще и по-французски могу.

– Не смей по-французски. По-немецки еще куда ни шло. По-китайски тоже ничего, наверное.

Она собралась что-то сказать. Он не знал, какой язык сейчас услышит: в ее глазах он видел всеислие. Она – миры. Язык не имел значения. Все было смертельно безупречно. Даже ее дыхание, не облеченное в слова, сообщало вселенные, а у Теда от него все трепетало – от живота и ниже.

– Ути-тютти-пути...

– Это Чаро?²⁵⁴

– Да. Может, сработает – остудит. Меня – вымораживает. Ути-тютти-пути...

– Тихо, пожалуйста.

– Я ничего не сказала.

– Ты дышишь.

– Вынуждена, – призналась она с улыбкой.

Казалось, раз не случилось игровой увертюры, она перемешалась с основным действием. Время уплотнилось. Прошлое, настоящее, будущее. Все происходило одновременно.

Мариана взглядела ему в глаза, увидела, как сильно ему хочется все сделать правильно, получить хорошую оценку, добраться до сиквела. Какой славный. Мариана замерла. Слегка прикусила ему ухо и сказала:

– Не беспокойся, Тед, мне с тобой хорошо. Просто люби меня. И все. Больше ничего не надо делать. Ради меня, а? Пожалуйста.

Эти слова укрепили в Теде уверенность. Он будет с ней сильным. Она это ощутила, почувствовала. Он сказал:

– Ладно, но чур никакого больше испанского. Идет?

– *Tr a to, Pa pi*²⁵⁵.

– Прекрати!

Она хохотнула и выгнула бедра ему навстречу.

– От так, детка. Можно я буду звать тебя Лордом?

– Только если заслужу.

– От так, Лорд...

Теперь все у них пришло в согласие – и тела, и умы. Они задвигались вместе, и Тед приподнялся – посмотреть на ее красоту под собой. Оглядел ее всю. Они оба уже были наги. Он попытался прищуриться, чтобы не видеть свой жирный волосатый живот – видеть лишь ее одну. Почти получилось. Заметил татуировку «Мертвых» у нее на лодыжке и «Христ» – на другой, однако теперь он отчетливо разглядел, что там вокруг ее голени обвивается не «Хри-

---

²⁵⁴ Мария дель Розарио Мерседес Пилар Мартинес Молина Баэса (р. 1951(?), сценический псевдоним Чаро) – испано-американская актриса, коме диантка, фламенко-гитаристка; излюбленный прием – обращаться к парт нерам на сцене «ути-тютти-пути» и теребить их за нос или за щеку.

²⁵⁵ Здесь: Договорились, папочка (*исп.*).

стос», а «Христина». Мариана перехватила его взгляд и чуть повернула лодыжку, словно прятала шрам; вновь зашептала ему на ухо:

– Давай еще, я сейчас кончу.

Он дал. Он готов был давать вечно.

Судя по тому, что видно в окне, прошел месяц или два. Листва уже на земле. Деревья в Бруклине, те, что все еще пробивались сквозь асфальт, – «растет в Бруклине дерево»²⁵⁶, именно дерево, одно, – так вот, те оставшиеся деревья почти чрезмерно блистают цветами – красным, золотым. Деревьев в городе так мало, что они восполняют это цветом неестественно ярким; так армия перед превосходящим по огневой мощи противником сражается сверх своих сил, хоть уничтожение и неизбежно. Осень грезы. Что бы мог придумать про осень рекламщик, чтобы продать грезу как вещь? Осень Эдди Бернейса. Марти отошел от окна к телевизору. Где, бля, Теда носит? Ну конечно, не в силах смотреть, как «Носки» наконец отвоюют свое. Одним махом, только так. Четыре раза подряд с сент-луисскими «Кардиналами». Проклятие сегодня будет снято, сраженные победят, те, кто сейчас последние, станут первыми²⁵⁷. Сегодня все по-библейски, словно исполнение пророчества. Марти почти ожидает дождя из жаб и явления Юла Бриннера. Марти – верующий. Он не соврал. Он жил ради «Носков», и «Носки» продлевали ему жизнь. Приглушает звук телевизора. Хочет только смотреть и слушать голоса у себя в голове. Слишком много их, комментаторов этих. Раздувают из бейсбола черт знает что. Бейсбол и Америка. Эти тоже торгуют мечтой об отцах и детях, автомобилях, демократии, меритократии и времени прошедшего совершенного. Но до чего неуклюжи они, до чего очевидны. Не то что мы когда-то – классика хитроумия. Кто на их фуфло ведется? – думает Марти. Марти знает: люди ведутся, *фольк* хавает. А продает кто? Я. Марти знает. Я. Но человеку нужно питаться. А Марти нужно обеспечивать семью. Ничего нет постыдного в том, чтобы предложить рынку свои дарования. Хоть бы ценой сексуализации спаржи и сладострастной носкологии «Носков». Ебись ты, Карл Маркс. Да и вообще все правда: бейсбол лечит от рака. Ну вот. Последний питч. Все кончено. Игроки беснуются на поле, сигают друг другу в объятия, как дети. Это искренне, думает Марти, эта радость – настоящая. Уму непостижимо, почему Теда нет рядом, хотя, с другой стороны – постижимо. Большие события в жизни – это вам не театральные постановки и никогда не разыгрываются идеально, они – как древнегреческие пьесы, где все великое – секс и насилие – происходит за кадром. Почему я столько всякого великого не видел? Почему смотрел в другую сторону и многое пропустил? Марти чувствует, как подступают слезы. Чувствует победу. Чувствует, что победил в игре жизни. Сантименты все это, думает он, я способен на большее. Но бейсбол – это сплошь сантименты. Что плохого в некоторой сентиментальности? Людям нравится. Ему вроде полагается теперь умереть? Вряд ли – нынче он чувствует себя как никогда хорошо. Впервые за долгие годы так хорошо – он чувствует себя молодым. В нем столько сил, что хочется выйти, подышать вечерним воздухом. Коли не получится поликовать при Теде, Марти пойдет и вывалит это все на кого-нибудь у киоска Бенни. Он шагает к киоску – куда нахер все подевались? Фанаты «Янки» прячутся от него. Уже горюют. Слабаки. Мало им просто выигрыша – «Носки» еще должны проиграть. Нечестно. Несправедливо. У киоска никого. Даже пантеры сныкались от Марти. Почему мне не дают поторжествовать, черт бы драл? Я разве не заслужил? Он оставляет четвертак на стойке в киоске, хватает «Нью-Йорк Пост». Должно быть на первой странице, на первой же странице! Это ж важнейшая новость на свете. Громадными жирными буквами: *το κατάραμα άνακκλεύτε*²⁵⁸ Он эти буквы не узнает. Очень странно. Листает до конца, до таблиц счета и комментариев. Он же только что посмотрел игру, зачем ему еще и читать о ней? Ну

²⁵⁶ «Растет в Бруклине дерево» – отсылка к одноименному роману американской писательницы Бетти Смит (Элизабет Венер, 1896–1972).

²⁵⁷ *Те, кто сейчас последние, станут первыми* – Лк., 13:30.

²⁵⁸ Снять проклятие! (*искаж. греч.*)

вот так оно у мужчин. Не знает он. Хотя жутковато и странно все это – Марти не узнает фамилии игроков. Ни «Носков», ни «Кардиналов». Может, у него инсульт? Он слышал, такое бывает. Забываешь слова – слова превращаются в неопознанные объекты. Все написанное кажется ему греческим. Буквально. Он знает, как выглядит греческий, хоть и не говорит на нем. Это «Нью-Йорк Пост» на греческом. Марти глубоко вдыхает. Кто такой *Πεδροία*? А *Ορτιζ*? А *Δάμον*?²⁵⁹ Он трет глаза. Ни одной фамилии не разберет. Вновь смотрит на первую страницу, на дату. 28 октября 2004 года.

Марти проснулся от этого странного сна внезапно. Убедительный сон: Марти во тьме не понимал, где он, – и даже какой нынче год. Дышал тяжело. Легкие болели. Сел на кровати и попытался оборотить головокружение. Шатко встал. Дома. Все в порядке. Небо за окном черносинее. Было еще темно, однако Марти знал, что до начала восхода – рассвета рассвета – всего несколько мгновений. Еще один ебанный день. Марти надел на себя что-то и пошел в кухню. Заглянул в спальню к Теду. Что за херня? Тед на одноместной кровати спал с какой-то женщиной чуть ли не поверх себя. Ай да Заноза. У женщины были густые волнистые темные волосы. Это не?.. Он скользнул чуть в сторону, откуда видно было, кто это. Так и есть! Мариана. Вот молодец, Тедди, подумал он, и Мариана молодец. Хорошо. Как хорошо. Беспредельная душа использует смертное тело, чтобы коснуться беспредельного в другом человеке. Азь и ты. Вершина и боль жизни. Тело – единственная часть души, какую в силах воспринять чувства²⁶⁰. Это Блейк сказал. Мы в этом одно целое. Все начинается. Все заканчивается. Вот так.

Как и в своем сне, он дошел без трости до киоска Бенни. Слишком рано. Из стариков – никого. Уже не ночь, но днем тоже пока не назовешь. Сегодняшние газеты уже бросили у киоска связанными, как заложников, которых заставят говорить. Марти выпростал себе экземпляр «Нью-Йорк Пост» с любимым спортивным разделом. 10 сентября 1978 года. Иисусе, как быстро прошло лето. Сезон почти окончен. Я что-то плохо следил. А все Тед и Мариана. И Мария. Это и правда случилось? Случилось. Вечер *пендехо*. Хохотнул. Тед был заебись смешным пацаном. Хорошим. Всегда.

Он возблагодарил Бога за хер, который по-прежнему действовал. Улыбн улс я. Он все еще любил Марию, даже после стольких лет, и надеялся увидеть ее еще раз. И еще. Сколько бы ни осталось ему времени. Марти перелистал до последней страницы, пока не нашел таблицы Американской лиги. Что? Глянул на первую страницу – проверить дату. Все верно, 10 сентября 1978 года. «Янки» и «Носки» идут вровень? Вровень? «Носки» профукали свой громадный отрыв? А как же их полоса везения? Тед уверял его, что дело в шляпе. Газеты показывал. Марти смотрел телевизор. Может, эта газета – розыгрыш? Или все предыдущие?

Он постарался дышать, но не смог. Утерял связь с действительностью, с правдой. Не знал, что настоящее, а что херня. Тед, что ли, зловердный сучонок, мстительный сын? Гонерилья? Регана? С Марией ли был Марти прошлой ночью? Молю тебя, Боже, не отнимай этого у меня. Жив ли он? Упал на цемент. Это все? Жив ли он и при смерти – или уже умер? Сердце наполнилось до отказа, но любовью или смертью? Марти не знал. Ничего не мог понять: он же всего лишь человек, и вдруг так устал, так ужасно устал. Он поспит. Прямо здесь, на тротуаре? Как бродяга? И ладно. И ладно. Люди поймут. Мне надо было отдохнуть. Ему надо было отдохнуть, так они и скажут. Вот проснусь – и разберусь, что к чему.

²⁵⁹ Дастин Луис Педроя (р. 1983) – американский профессиональный бейсболист, игрок второй базы «Красных носков»; Дэвид Америко Ортис Ариас (р. 1975) – доминикано-американский профессиональный бейсболист, назначенный отбивающий «Красных носков»; Джонни Дэвид Дэймон (р. 1973) – тайско-американский профессиональный бейсболист, с 2002 по 2005 г. играл аутфилдером «Красных носков».

²⁶⁰ ...какую в силах воспринять чувства... – парафраз из поэмы Уильям Блейка «Бракосочетание ада и рая» (1790), часть «Голос дьявола».

Примерно через двадцать минут к киоску прибыл Бенни и обнаружил Марти на земле, без сознания.

56

Тед проснулся от громового стука во входную дверь. Повернул голову и увидел Мариану. Мариану Бладес. Ё-о, это случилось. Кой черт устраивает этот грохот? И телефон к тому же звонит? Армагеддон. Мертвых будить. Отца разбудят. Тед осторожно встал, набросил халат и пошел открывать. На пороге стояли седые пантеры. Они сообщили, что Марти нашли у киоска. Бенни обнаружил его без сознания, когда пришел на работу, они позвонили в службу «911», и «скорая» увезла его обратно в «Бет-Израэл», на Манхэттен.

57

Когда Тед добрался до больницы, Марти уже поместили в реанимацию. Он не умер, но был к этому чертовски близок. Врачи сказали, что он в коме и может из нее не выйти и что Теду стоит позаботиться о «делах конца». Дела конца? Спасибо, док, вам и впрямь не стоило подаваться в поэты. Чуть погодя явилась Мариана. Ей пришлось съездить домой, переодеться в рабочее. У нее сегодня дежурство. Она переговорила с врачами. Тед обрадовался: ей скажут больше, чем ему. Вернулась с консультации. Пошли в столовую потолковать.

Взяли по кофе и по «Джелл-О», но не прикоснулись ни к тому ни к другому.

– Думаю, это я во всем виноват, – сказал Тед.

– Почему ты так думаешь?

– Бенни нашел его на земле с газетой в руке.

– И?

– Ну, ты же знаешь, что я устроил. Прятал от отца новости, что «Носки» проигрывают. Сама понимаешь. Может, узнать вот это все оказалось для него слишком большим потрясением. Вот если б я дал ему попривыкнуть, не знаю, освоиться с ситуацией, естественно и постепенно, его так сильно не прибило бы, наверное.

– Этого нельзя знать, Тед.

– Я его убил.

– Речь не о тебе, Тед.

– Что?

– Речь не о тебе. О твоём отце.

– Я знаю. Бля, Мариана, я знаю.

– Хорошо.

Они просидели еще несколько минут. Мариана встала.

– Мне пора, – сказала она.

– На работу? Сейчас?

– Ага, у меня есть и другие стратотерпцы.

– Мою страсть ты, по-моему, терпеть не готова. В чем дело?

Мариана глубоко вдохнула – и вздохнула. От перемены ее настроения Тед растерялся: откуда ни возьмись гряда туч.

– Прощай, Тед.

– В каком смысле «прощай»?

– Не повышай голос. Давай без сцен. Я тут работаю.

– Ты о чем?

– Твоему отцу уже почти не помочь – я ему уже не помогу. Больше ничего не могу для него сделать. Мне нужно заниматься теми, кому я требуюсь.

– Ты уходишь?

– Ничего личного.

– Шутишь, что ли? Мне прошлая ночь показалась довольно-таки личной.

– Так и было. И было здорово. Прекрасно было. Но – ошибка.

– Почему?

– Непрофессионально.

– Начхать.

– Мне – нет.

Мариана заметила, что на них начали поглядывать. Двинулась в коридор. Тед – за ней.

– Ты почему от меня убегаешь?

– Я от тебя не убегаю.

- Поговори со мной.
- Тед, тут не о чем говорить. Так бывает. А теперь мне пора. Можешь на меня пожаловаться, если хочешь.
- Не буду я на тебя жаловаться.
- Спасибо.
- Мариана собралась уйти. Сделала несколько шагов, но Тед остановил ее:
- погоди. Мариана. Ты вот так поступаешь?
- Мариана уставилась на него.
- Помогаешь людям умирать, это да, а иногда еще и спишь с их родственниками?
- Мариана промолчала.
- В тот раз, когда я тебя видел в столовой с молодым смазливый парнем, ну когда тебе «Джелл-О» купил. У меня такое ощущение... ты и с ним спала, да?
- Это важно, Тед?
- Ага, еще, бля, как.
- Тебе станет легче жить дальше из-за этого?
- Да чтоб я знал. Я только что начал жить, про дальше пока не думал.
- Да.
- Да? Да, ты с ним спала? Ты с ними со всеми спишь?
- Мариана не сказала «да» – и не сказала «нет».
- Ты с ними со всеми спишь? Иисусе, ты чего вообще?
- Чего я «вообще»? А ты вообще чего? Со мной все нормально.
- Да ладно?
- Хорошо. Со мной все плохо. Можно закончить на этом?
- Нет, нельзя.
- Это просто секс, Тед, подумаешь.
- Тебе не понравилось?
- Очень понравилось.
- Слава богу.
- Мне всегда нравится.
- Бля.
- Что?
- Бесчувственная ты.
- Да? Ты обо мне ничегошеньки не знаешь.
- Я начинаю это понимать. Но хотел бы. Если позволишь.
- Мариана заговорила тоном матери, которая одергивает ребенка, увлекшегося конфетами:
- Тед. Нет.
- Что с тобой случилось? В смысле, в прошлом. Расскажи мне.
- Не о чем тут говорить.
- Это все, о чем следует говорить.
- Что? Собираешься сделать так, чтобы моя команда выиграла ради меня? В герои мне набиваешься? Все страдания прогонишь? Есть у тебя столько сил? И слово дашь?
- Слова дать не могу.
- Еще бы.
- Но хотел бы попробовать.
- Мариана взглядела на него в глаза. Проверила, по силам ли ему, – или просто смотрела в свою же тьму? Тед не знал. Прежде чем уйти совсем, она заговорила:
- Прости, Тед, такая у меня работа. Имей в виду. Я не помогаю людям жить – я помогаю им умирать.

Она уходила по коридору, и красота ее удалялась вместе с ней так, что Тед оплакал этот уход.

58

Марти оставался без сознания. Тед ничего не мог поделать. Навестила Мария. Посидела с Марти, подержала его за руку, поговорила с ним тихо по-испански. Тед вернулся к себе домой, где жила его механическая рыбка, которую не нужно кормить. Из отчего дома он забрал лишь тетрадь Марти – «Человека-Двойнюята». Поздоровался с Голдфарбом. Голдфарб, как обычно, был невозмутим.

Тед перечитал отцов роман/дневник/или что это, не раз и не два. Поразмышлял над оборванной концовкой. Прямо посреди фразы – «были...». Фраза будто призывала его дописать ее. Тед схватился за ручку, сел у окна и стал ждать, когда придут слова. И они пришли, начались. Тед прижал ручку к старой бумаге и принялся творить очертания, они стали буквами, а буквы – словами.

59

На стадионе «Янки» за Теда волновался Манго. Тед мазал – как никогда прежде.

Тед взял «Человека-Двойномыта» с собой на стадион и писал в кратких перерывах. Никогда не знаешь, когда тебя настигнут правильные слова, но если не писать, то не настигнут вообще. Тед поглядывал на громадные часы над правым полем и впервые заметил, что это «Лонжин», что компания-изготовитель часов – «Лонжин». Тед посмеялся: он всегда это видел, но то было не название компании, а комментарий к бегу времени, томление о нем. Лонжение. Но нет, это же французский. То, что казалось великолепным печальным томлением, было просто французским словом.

Он перевел взгляд от лонжения на начальника – тот с дурацким злым лицом стоял в толпе.

60

Под присмотром начальника Мартине Тед выгребал вещи из шкафчика. Начальник гнал монолог, хотя Тед постиг сказанное еще двадцать минут назад: его уволили, ему все ясно. Им известно, что он украл видеомэгнофон и кассеты. Известно, что он ел орехи, предназначенные для продажи. Они подозревали, что он шпио нит для бостонских «Красных носков». Этих сведений им хватило бы, чтобы подать на него в суд, но они пока не решили, надо ли. Пусть, на всю катушку. Ветер, дуй, пока не лопнут щеки, и прочая байда. На хера ему эта работа – орешки. Ха-ха. Никакой он не г-н Арахис, он мужчина – мужчина, бля, с громадными звонкими мудями, М-У-Ж-Ч-И-Н-А. Как Мадди Уотерз²⁶¹. «Мертвые» завели у него в голове «Толкача», и Теду захотелось подпеть, взять пушку и пристрелить мистера Бенсона²⁶², чтоб сразу к черту.

Но Тед ничего не сказал. Манго смотрел с безопасного расстояния, как Тед запихивает свое барахло в рюкзак. Шагая к выходу, Тед прошел мимо Манго, тот вскинул руку в защитном щитке для боулинга, высоко, как Джон Карлос и Томми Смит²⁶³ на Олимпийских играх 1968-го. Тед, покидая стадион навсегда, ответил Манго салютом «Власть черных».

– Власть рабочим, Манго.

– Власть рабочим, Тедди Беймяч.

---

²⁶¹ Мадди Уотерз (Маккинли Морганфилд, 1915–1983) – американский блюзмен, основоположник чикагской школы блюза. Его песня *Mannish Boy* («Мужественный мальчик», 1955) – своеобразный ответ на песню *I'm a Man* («Я мужчина», 1955) другого чикагского блюзмена – Бо Диддли.

²⁶² *Candyman* – песня «Грейтфул Дэд» из альбома «Американская красота»; мистер Бенсон – один из персонажей песни, практически имя нарицательное для шерифа.

²⁶³ На Олимпийских играх 1968 г. в Мехико афроамериканские спортсмены Томми Смит (р. 1944) и Джон Карлос (р. 1945) на вручении медалей во время исполнения американского гимна вскинули вверх правую руку в черной перчатке – салют «Власть черным», в знак участия в борьбе за права человека вообще, не только афроамериканцев; это событие – одно из самых ярких и прямых политических заявлений в истории современных Олимпийских игр.

61

19 сентября 1978 года

	Выиграли	Проиграли	ППБ	Отставание
НЙЯ	91	59	,608	—
Бостон	90	61	,591	2,5

Безработный. Тед почти все время проводил в больнице. Иногда его подменяла Мария, и он шел в Центральный парк смотреть, как играют в софтбол, и все же в основном сидел с Марти. Иногда они с Марианой встречались взглядами, но как-то ухитрялись избегать друг друга, а Тед душил в себе позывы закатить сцену. Ежедневно он придвигал стул к больничной кровати Марти и читал ему все три газеты, от начала до конца. На это требовались часы, но Теду больше нечем было заниматься. Он слышал, что люди, выходя из комы, помнят, о чем с ними говорили, пока они были без сознания. Тед чувствовал, что часть Марти все еще здесь. Где-то. Вот с ней Тед и разговаривал. Иногда держал отца за руку.

«Носки» играли ужасно. Тыфу прямо. Прокляты они. Полностью легли под «Янки», и «Янки» заметно вели. Но тут опять что-то сдвинулось, и «Носки» явили признаки жизни, а «Янки» – тревоги. К 17 сентября Бостон отвоевал себе немного и отставал от «Янки» всего на две игры. Обе команды теперь выигрывали. Ноздря в ноздю, не первую неделю.

Тед зачитал отцу последнюю страницу «Поста».

– «Носки» сделали игру, пап. Держатся. Не линяй из тусовки. Постарайся, побудь еще и посмотри, что дальше, а?

62

22 сентября 1978 года

	Выиграли	Проиграли	ППБ	Отставание
НЙЯ	93	60	,604	—
Бостон	91	62	,591	2,0

Тед уже сколько-то не был у отца дома, но заехал доложить пантерам, как у Марти дела. Тем временем помер Танго, с виду самый бодрый из всех. Сердце лопнуло во сне. Смерть, сука, забирает как попало. Тед представил Танго Сэма у Небесных врат – или, вернее, у Адских – со словами: «Люцифер, Князь тьмы, Владыка подземного царства, Сатана, экий ты красный да громадный, одолжи полтинник».

Тед заглянул в дом к отцу. Теперь тут было как в музее, как в мавзолее. Захотелось что-нибудь отсюда забрать – что-нибудь из прошлого. Что-то, из чего он, Тед, происходит. Но сначала надо постричься.

63

Свежеподстриженный Тед выгрузил в отцовской палате газеты и принялся раздеваться. Он привез с собой старые причиндалы для ныряния, которые нашел в чулане у Марти. Нацепил все на себя, включая ласты. Походил перед Марти взад-вперед, как тогда, еще ребенком, когда пытался привлечь отцово внимание. Трубку сунул в рот, внутри маски вскоре образовался конденсат, словно слезы, и Теду казалось, что он смотрит на мир через линзу печали. Медсестра увидела его и помчалась предупредить кого надо, но тут появилась Мариана и остановила ее. Заглянула в палату и увидела, как практически голый Тед в подводном снаряжении расхаживает взад-вперед и пританцовывает перед Марти. Тед отвел взгляд от отца, и они с Марианой увидели друг друга. Тед задержал ее взгляд на несколько мгновений, а затем повернулся к ней спиной. Поправил мас ку и трубку, приготовился к новому нырку и продолжил плясать для отца.

Пока он плясал, «Янки» продули Кливленду 9: 2, а «Носки» победили Торонто 5: 0. Соперники завершили сезон на тех же позициях, с которых начали, поровну, 162 игры как не бывало. Миновавших четырех месяцев не случилось. Чистый лист. Ничего, кроме сейчас.

64

Осень 1978 года

Финальная таблица Американской лиги бейсбола

	Выиграли	Проиграли	ППБ	Отставание
Бостонские				
«Красные носки»	99	63	,611	—
Нью-йоркские				
«Янки»	99	63	,611	—

Тед прибыл в больницу свежелицом красавцем – с новой стрижкой 1970-х. Он отчасти надеялся, что Мариана увидит его и передумает, но они не встретились. Тед с охапкой прессы вошел к Марти в палату, сел рядом. Взял Марти за руку, провел ею по своей голове.

– Я состриг хипню нахер, пап, – сказал он, – как ты хотел.

Взял «Пост», показал.

– Знаешь что? У них ничья. Бостон добился своего. Они вернулись. Выиграли восемь игр подряд, чемпионы прям. Они не сдались, так что и ты не сдавайся. Ну же, пап, ты бессмертен до октября, нельзя уходить, пока «Носки» не выиграют. – И, хотя не возникло и намека на отклик, Тед продолжил: – Будет одна игра на вылет. Кинули монетку, играют в Фенуэе. Преимущество родных стен. Одна игра все решит. Мне нравится Бостон.

Марти не шелохнулся.

65

Тед закупился в «Бруклинском джерке», сел поесть курицу снаружи, на свежем осеннем воздухе. Спросил Вергилия, Вергилий явился.

– Еще чек расты, братан? – спросил он у Теда.

– Не. Покруче.

– Гаш-кокс-герыч-пыль?

– Круче.

– Уважаю, братан, но круче не бывает.

– Бывает-бывает.

Тед поманил Вергилия сесть поближе и начал шептать ему на ухо. Вергилий слушал с открытым ртом, затем потряс головой – нет. Тед сел еще ближе, решительный, неумолимый, и Вергилий принялся кивать, а затем и ржать.

66

Тед ринулся в больницу. Дело безотлагательное. Придвинул стул к Марти. Вынул из кармана два билета и, сдвинув в сторону кислородную маску, сунул их отцу под нос.

– Чуешь? Дух победы. Дух бейсбола, Бостона. Игра на выбывание в четверг, я добыл два билета. Добыл. Давай, друган, пора вставать. Подъем, подъем.

Марти не шелохнулся. Тед вернул трубки на место и почувствовал, как из него самого испаряется кураж, сдался и сказал:

– Прости, пап. Прости, что я такое фуфло. Прости, что я – господин Арахис. Прости, что я не Замечательный Заноза. Прости, что мешал тебе – писать, жить. Быть с Марией. Прости, что оставил тебя, бросил. Прости меня, отец, пожалуйста, прости...

Тед опустил голову отцу на грудь и потому не видел, как у Марти дрогнули веки. Пересошим за дни и недели голосом Марти прокаркал:

– *Два билета, говоришь?*

67

Возвращение Марти к жизни врачей потрясло. Потрясло и почему-то разозлило. Они явили примерно столько же радости, сколько позволено врачам, когда происходит нечто лучшее, чем они ожидали, но при этом – без всякого их участия. То есть радости они выказали самую малость, зато обильно – скептицизма, словно воскрешение Марти – эдакий хитрый фокус, подстроенный Тедом, который лишь глянул на них искоса и ничего про целебную силу билетов не сказал. Врачи не желали отпускать Марти, но он плевать хотел на все их пугающие предупреждения. Это его сказ, не их, заявил он. Марти с Тедом подождали затишья и попросту ушли из больницы, не выписываясь. Это ж не тюрьма. Когда Тед открывал больничную дверь на выход, ему показалось, что он откатывает валун. Казалось, что он прямо-таки внутри какой-то сказки – отцовской сказки. Свершилось какое-никакое, а чудо, в этом Тед не сомневался. Марти простился с Марианой самостоятельно, Тед ждал его у машины. Отец чувствовал себя неплохо – вернее, совсем неплохо с учетом всего, – и у него свиданье с судьбой. И у него, и у бостонцев.

Они собирались ехать в Бостон на упрямой «королле», и Тед собрал небольшой чемодан, а потом пошел в кухню – резать колбасу и лепить сэндвичи в дорогу.

– Пап, ты готов? Не хочу торопиться, не хочу тебя утомлять, а ехать спокойно, вписаться в мотель. – Тед вручил Марти сэндвич, Марти застегнул чемодан. Тед взялся за него. – Иисусе, что ты туда напихал?

– Не знаю, сколько будем ехать, может, дело затянется. У нас игра, потом четвертьфинал среди сыгравших на выбывание, потом поднятие флага Лиги, потом чемпионат. Погоди, надо позвонить Марии.

Он ушел звонить своей новой старой любви. Они говорили, и смех Марти вперемешку с его убогим испанглийским наполнил дом. Тед улыбнулся, покачал головой. Собрались выезжать, открыли входную дверь и обнаружили на пороге два пакета еды и записку:

«На дорожку, от М.» От Марианы. Марти глянул на еду.

– Чудесно. Чудесно, – сказал он.

– Меня и колбаса устроит, – сказал Тед.

– Ешь ее пищу, идиот. Не знаешь, что это значит – когда женщина тебе готовит?

– Да она небось много кому готовит.

– Ты что пытаешься сказать?

– Хочу сказать, что она небось много кому готовит.

– А при чем здесь ее готовка для тебя? Прекрати выделываться.

Тед забрал пакеты.

– Меня устраивала и колбаса, – сказал он.

68

Не успели глазом моргнуть, как выкатились на скоростную трассу Брюкнера. А через пару часов уехали далеко от города и оказались посреди прекрасного осеннего дня в Новой Англии. Тед вел машину, а Марти истреблял Марианину еду, урча почти что с половым восторгом, и запивал все это крепким *кафе кон леце*. Тед сказал:

- Передай сэндвич с колбасой.
- Что? Не дури. Ешь вот это.
- Я сказал, меня устраивает колбаса, ну?

Марти выдал ему сэндвич с колбасой, у которого изысканности, легкости и вкуса было, как у кирпича. Тед откусил и сделал вид, что ему вкусно.

- Ты в курсе, что у твоей колбасы есть имя? О-С-К-А-Р.

– Заткнись. – Тед попытался протолкнуть хлеб с бутербродным мясом по пищеводу – все равно что глотать сушеный палец.

- Фамилия Мейер. М-Е-Й-Е-Р²⁶⁴. Твоя болонская колбаса – еврей.
- Ах ты божечки мои.
- Не мои. Этим делал Дж. Уолтер Томпсон²⁶⁵. Молодцы ребята были. Тут на всех хватит.
- Чего хватит?
- Всего, кузнечик.

Тед мотнул подбородком в сторону Марианиной еды:

- Как *платанос*?
- Как жопки ангелов.
- Ты омерзитель.
- Жизнь омерзительна, Тед. «Но храм любви стоит, увы, на яме выгребной; о том и речь, что не сберечь души – другой ценой»²⁶⁶. Это кто сказал?
- Йейтс.
- Йейтс!
- Очередной буйный зловредный старик.
- Не он ли драл дочку женщины, которую любил, но которая бросила его ради какого-то мудака-политика?
- Ну, можно и так это истолковать. Мод Гонн²⁶⁷.

– Да какая разница? Кому какое дело до того, что Йейтсу нравилось странное. Кого касается, что Уитмен был гомиком? А Фрост по-сволочному вел себя с женой? Откуда нам вообще все это известно? Не хочу я больше ничего такого знать. У. Б. у Йейтса – это «Уорнер Бразерз»?

- Нет.
- Ну извини, я автодидакт, Тед. Не то что ты, книгочей и неженка.
- Я знаю, ты это много раз говорил. Думал, это означает, что ты много чего знаешь про автомобили.

- Ха-ха-ха. Как колбаска?
- Пошел ты.

---

²⁶⁴ Компания «Оскар Мейер» (с 1883 г.) – американский производитель мясных полуфабрикатов и готовых холодных продуктов, ныне принадлежит «Крафт Фудз».

²⁶⁵ «Дж. Уолтер Томпсон» (с 1864 г.) – международное рекламное агентство со штаб-квартирой в Нью-Йорке, располагает 200 подразделениями более чем в 90 странах мира.

²⁶⁶ «Но храм любви стоит...» – Из стихотворения Уильяма Батлера Йейтса «Безумная Джейн говорит с епископом» (цикл «Слова, возможно, для пения», 1929–1931), пер. Г. Кружкова.

²⁶⁷ Мод Гонн Макбрайд (1866–1953) – англо-ирландская революционерка, феминистка и актриса, муза поэта У. Б. Йейтса.

Так они и ехали все дальше и дальше на север. В безупречном любовном противостоянии. Теду подумалось, что Марти, быть может, – как те красные и золотые листья, что горят вокруг них на деревьях. В природе, казалось, все достигало пика живости и красоты непосредственно перед смертью, горело изо всех сил, так почему бы и человеку, части природы, не гореть? Его отец был красным, зеленым, желтым и золотым, словно восхитительная птица, что падает с неба. Опять парадоксальное обнажение. Тед кашлянул, и Марти помрачнел.

– Ты простыл? – спросил он.

– Да мелочи.

– Надень шарф.

– На улице восемьдесят градусов.

– Езда в автомобиле добавляет фактор остужения ветром.

– До семидесяти²⁶⁸. Брррр.

– Так, а ну съезжай с трассы.

– Огородами поедем? Проселками?

– У нас есть время, чего б нет?

Тед направил «короллу» на съезд с шоссе.

– Это твой мир²⁶⁹.

---

²⁶⁸ Почти 27 и 21 °С соответственно.

²⁶⁹ *Это твой мир* – Отсылка к одноименной песне (*This Is Your World*, 1968) соул- и ритм-н-блюзового дуэта «Сэм и Дэйв» (1961–1981).

69

Ехать неезженной тропой было медленнее и красивее. Они углублялись в Новую Англию. Из магнитолы орала «Мертвые», а Тед меж тем преодолевал свой второй сахарский сэндвич с колбасой. Все поглядывал на Марианину снедь. *Фрихолес* как песня сирен. Наконец он больше не смог себя сдерживать. Потянулся, схватил пригоршню чего-то и сунул в рот, а следом еще и еще, как человек, выбравшийся из воды, глотает воздух. Марти одобрил:

– Есть, пить и веселиться²⁷⁰.

– Может, два из трех сгодится? Куда дальше едем?

– Чтоб я знал.

– В смысле? Это ж твоя глушь.

– Не. Не моя.

– Ты ж вырос под Бостоном.

– Нет. Дай-ка мне еще кофе.

– Мы не можем останавливаться пописать каждые пять минут. – Но Марти уже завладел термосом. – В дневнике у тебя сказано, что ты из-под Бостона и что в молодости много странствовал по всей Новой Англии на мотоцикле «Триумф».

– Я боюсь мотоциклов.

– Ты не водишь?

– О боже, нет.

– Но ты из Бостона?

– Не-а. Ни разу там не был.

– Что? А чего же... чего же тогда «Носки»?

– Я жил в Нью-Йорке, и мне нравилось гладить людей против шерсти.

– Ты нелеп.

– Почему? Разговоры в результате не съезжали ни на что серьезное, и я еще и доставал всех заодно. Всем прибиток.

– Ты в 1918-м родился?

– Это оскорбление.

Тед кашлянул.

– Надень, бля, шарф уже, а?

– Да что ты привязался с этим шарфом? Не уходи от темы. Что в твоём дневнике правда, а что – выдумка?

– Это правдумка. И тут я прав, Олаф. Но и вымысел, Расселл. Как с «Рэззлз». Неведомо.

История – сплошная, бля, мистерия.

– Угомонись, Саймон-в-рифму²⁷¹.

– Ничего больше не знаю – и плевать. Не хочу я знать про Йейтса и Уитмена, что они там делали со своими хуями, не хочу знать про себя. Хочу...

– Хочу – что?

– Хочу, бля, просто быть. И мне надо поссать. А ну к обочине, Дживз.

²⁷⁰ *Есть, пить и веселиться* – Екк., 8:15, Лк., 12:19.

²⁷¹ Саймон-в-рифму – отсылка к третьему сольному альбому Пола Саймона «А вот и Саймон-в-рифму» (*There Goes Rhym'n' Simon*, 1973).

70

Они оказались в городке под названием Стёрбридж. Перекусили в «Приятельском». И хотя Теду понравился его «Фрибл»²⁷², он в сравнении с Марианиными яствами не шел ни в какое сравнение. Тед помог отцу вымыться и приготовиться ко сну. Взяли номер с двумя кроватями. Посмотрели какую-то местную трансляцию – обсуждение грядущей игры на выбывание, где победителю достанется все. Здесь только об этом и говорили. Проклятье Малыша Рута 1918 года. Тед уложил Марти, выключил свет и лег сам.

– Здорово сегодня было, Тедди, спасибо.

– Не за что, пап. Пока гуляли сегодня по городу, я вспомнил одну свою постоянную фантазию из детства.

– Да?

– Помнишь, мы летом иногда ездили по ЖДЛА²⁷³ на остров, а потом возвращались жаркими воскресеньями, по громкой связи несли всякую чушь, и я стоял между вагонами и смотрел, как мимо бегут сонные лонг-айлендские городки.

– Помню те дни.

– В основном все названия – индейские: Излип, Вантаг, Мэссэпиква, Манхэссет. И конечно, загадочный и манящий Бабилон. Иногда поезд ехал так медленно, чуть ли не три мили в час, и мне казалось, что можно спрыгнуть и целым-невредимым идти себе дальше куда-нибудь. И я думал про вас с мамой, что вот сидите вы в вагоне и ничего не знаете, а я меж тем сойду с поезда в новый город и стану новым человеком. Загляну в какой-нибудь пригородный домик и скажу: «Привет, я Тед, можно к вам в сыновья? Если хотите, зовите меня не Тедом, а как вам нравится». Стану новым. Они дадут мне новую одежду, у меня будут новые мама с папой, а вы и не узнаете, куда я девался, пока не доберетесь до города, но тогда будет уже слишком поздно – вы меня не найдете.

– Не очень-то приятно слушать такое на сон грядущий – как ты хотел себе новых родителей.

– Дело не в этом, пап. Я так и не ушел. Верно? Так и не спрыгнул с поезда. Остался с вами, навсегда.

– Это правда.

Они полежали молча, готовясь заснуть.

– А знаешь, Тед, мне этого достаточно. Что ты не ушел. Ничего большего человек от своего сына хотеть не может.

– И ты не ушел от меня, пап.

– Нет, не ушел, похоже.

– Этого тоже достаточно.

Марти включил свет:

– Не хочу я спать, Тед.

– Ясно. А что хочешь делать?

– Нарываться на приключения.

---

²⁷² *Friendly's* – сеть ресторанов Восточного побережья США (с 1935 г.); «Фрибл» – фирменный молочный коктейль заведения.

²⁷³ ЖДЛА – Железная дорога Лонг-Айленда (с 1834 г.) – старейшая железная дорога США, одна из самых загруженных в Северной Америке.

71

Они вернулись к машине. Просто покатались по округе без всякой цели. Тед спросил:
– Может, поискать приключений на карте? Потому что я не знаю, куда еду.

Краткие всплески разговоров перемежались долгим легким молчанием. Ближе к закату они взялись искать другой мотель. Теперь уж они оказались недалеко от Бостона, но вокруг все еще было сельским и буколическим. Остановились в красивом месте – посмотреть на заход. Марти сказал:

– Не знаешь, до чего оно все красивое, пока не соберешься уходить. Неправда это – видел один закат, значит, видел их все. Точнее было бы сказать: видел один закат – хочешь увидеть все.

Тед кивнул – и по-прежнему насущной, хоть и затасканной истине, и выводу из нее.

– Что случилось с Марианой? – спросил Марти.

– Ничего. По-моему, она просто спит с кучей народу.

– Вот молодец. Секс – это отлично. Лучше всего. Вот умру, мне его будет не хватать.

– Видимо, да.

– Хочешь совет?

– Не очень.

– Нищие не привередничают.

– Учел.

– Какая разница, что она там делает? Она тебе нравится?

– Да.

– Ну и какая разница, что она там делает? Я умираю, приятель, думаешь, мне есть дело до того, что твоя мать кувыркалась с твоим дядей Тимом?

– Мама кувыркалась с дядей Крошкой Тимом?

– Да при чем тут. Вся эта человеческая херня отваливается, как мясо с кости, и остается одна любовь. Помню лишь одно: я любил твою маму и скучаю по ней. И Марию я тоже люблю. Поверь, когда соберешься помирать, тебе насрать будет, кого там ебала Мариана. Будешь просто благодарен, что она ебала и тебя в том числе, баран.

Они вписались в «Мотоприют Пола Ревира» и приготовились ко сну. Тед прикурил косяк – вот тебе и бросил, называется. Марти тоже приобщился.

– Я прямо чувствую, как порчу себе будущее, – сказал он.

В темноте виднелся лишь огонек на конце косяка, передаваемого с кровати на кровать. Тед сделал чрезмерно борзую затяжку и раскашлялся. Марти взбесился на ровном месте:

– Сраный кашель! Бесит меня этот твой сраный кашель!

Теда чуть не сбросило с кровати.

– Господи, пап, это еще что такое?

Марти перевел дух и взял себя в руки. На мгновение. А затем заплакал:

– О боже, о боже, о боже...

– Что такое?

– Кажется, я кое-что понял.

– Что?

– Кашляни.

– Что?

– Кашляни.

Тед кашлянул.

– Да, черт бы драл, я так бешусь из-за твоего кашля.

– Ты сердишься на меня, потому что я кашляю? А не потому что подаю мяч, как девчонка, и смазливее, чем ты?

– Когда тебе было девять месяцев, ты заболел, первая простуда, – и ты не смазливее меня, кстати, – и мы с твоей матерью все откладывали везти тебя в больницу. Мы не знали. Что мы вообще знали? Приехали туда с тобой, а врачи глядят на нас как на дураков, что мы затянули. А мы не знали.

– Не помню такого.

– Конечно. Тебе и года не было. Они взяли у тебя пункцию. Воткнули здоровенную иглу тебе в крохотную спинку, и я врачей этих за то, что они делают тебе больно, поубивать хотел, а потом и себя тоже. Они не знали, что с тобой. За три дня тебе стало хуже.

Тед лежал во тьме такой густой, что мог представлять рассказываемое отцом, как кино.

– Врачи не могли взять в толк. Мы остались с тобой в больнице – мы с матерью. На третью ночь твоя мама заснула, а я склонился к тебе, прямо к твоему прелестному личику, и заговорил с той хворью – или вирусом, или бесом, – что крушил тебе легкие, двусторонняя пневмония там была, или респираторный вирус, или сам дьявол, неважно, я с ним заговорил и велел ему выйти вон из тебя и сразиться по-мужски, не в тебе, а во мне. Больше ничего не мог придумать. И понимал, что этого недостаточно. Знал, что бессилён и ты умрешь. И меня посетило видение.

– Какое?

– Видение, каков будет мир после того, как ты умрешь. Не будет в нем больше радости, станет он бездонным колодецем печали и боли, и я принялся погружаться в этот колодець, все глубже, и не было в нем дна. Я начал тонуть.

– Но я выжил, пап, – все в порядке, я выжил.

– Да, выжил, но вот ты сегодня кашлял, и я прямо в тех временах оказался – и понял, что испугался. Испугался той бездонной тьмы и боли. Не смог бы вновь это пережить – твою смерть, а любить тебя означало столкнуться с этим вновь – с возможностью той боли. И я так боялся потерять тебя, что не принял обратно. Похоже, я так до конца тебя и не принял. Испугался тебя любить.

– Господи, пап.

Тед не знал, что тут сказать, и потому не сказал ничего. И не прерванный Марти продолжил соединять темные точки – у себя в уме, в легких, в небесах. Тед вспомнил старые ребусы «соедини точки», еще из детского сада: кучу с виду случайно расставленных точек можно соединить в определенном порядке, и получится отчетливая картинка – обычно что-нибудь величественное, вроде созвездия. Тед чувствовал, что отец близок к разгадке – к темному величию его личных звездных небес.

– Всю свою жизнь я пытался видеть людей насквозь, дурил им головы, обращаясь к их бессознательному, а себя самого насквозь не видел никогда, никогда.

Теду пылко захотелось как-то все улучшить, встроить в контекст, простить, помочь Марти простить себя самого, но он помалкивал. Сразу следом за порывом все сгладить пряталась мудрость оставить все как есть и дать времени, которое от них стремительно уходило, по-своему вершить и уязвление, и исцеление. Тед подумал, что все мы на Земле подчинены времени и его законам – физическим и душевным, тут короткого пути нету. Время – геология. Полароидный снимок, которому на проявку у тебя в руках требуется пятьдесят лет.

Все, все шло к этому мгновению, так чего же торопиться мимо, пока оно принимает очертания, пока набирает цвет, пока закрепляется? Слова принижают, как клетки – диких зверей.

Через минуты тишины, пока Тед слушал, как отец плачет в темноте, Марти задышал спокойнее, утишил и утешил себя. Тед тоже плакал, и его плач мешался с отцовым, но все

же оплакивал Тед не себя, а отца, и эта чистая инстинктивная щедрость пропитала сладостью горечь обоих.

Наконец Марти заговорил:

– Вот почему мы с Марианой поладили.

Тед сглотнул и перевел дыхание. Хотел, чтобы голос у него не стискивало большим чувством.

– В смысле, с Марией.

– Нет, с Марианой. У нее дочка умерла. От рака. У Марианы татуировка на щиколотке. Христина. Ее дочку звали Христина.

– Не Христос – Христина.

– Да, Христина. Она поняла, почему я тебя боюсь: она сама видела тьму детской смерти, но только Мариана живет в этой тьме, каждый день ей приходится выходить из темноты на свет, где живые, и каждый вечер возвращаться во тьму, где теперь ее дочь. Это она предложила, чтобы я опять стал писать.

Тед разглядывал образы, которые ум показывал ему впотьмах. Увидел своего молодого отца и себя-младенца; увидел юную Мариану, убитую ужасом, и ее умирающую дочь. Увидел бездонный колодезь, но не смог к нему подобраться, не смог заглянуть в него: у Теда не было детей, он не ведал. Отец вновь заговорил – изможденно:

– Тед, прошу тебя, скажи, что ты меня не ненавидишь.

– О боже, нет, я не ненавижу тебя, пап.

– Я так устал.

– Поспи.

– Боюсь не проснуться.

– Ты еще не всё. Я не боюсь.

Тед встал, подошел к отцовской кровати и лег с ним. Подсунул руку отцу под шею, обнял его, Марти уложил голову Теду на грудь. Тед поцеловал Марти в макушку. Тот прошептал:

– Ты – мое секретное оружие.

Тедовы смутные воспоминания о детстве, неотличимые от желаний, об отце – тот вот так же укладывал сына спать в трудные ночи. Зарывался головой Марти в грудь, Марти гладил его по волосам. В полной темноте прикосновения ощущались острее, и сейчас Тед чувствовал, как его сердцебиение чуть качает голову Марти, убаюкивает его, утешает. Через минуту, не больше, по глубокому дыханию Марти сын понял, что отец уснул.

Тед подождал примерно с час, все глядел на картинки в уме, как Платон в своей пещере. Но спать не мог. Встал, постаравшись не разбудить отца, выбрался на мотельную парковку выкурить еще один косяк. Проглотил окурочок, дошел до таксофона и достал визитку Марианы. Набрал номер. Что сказать, он не знал, но что-то сказать все же хотел. Надеялся, что осенит, пока будет набирать, но не осенило – и никто не снял трубку.

Тед вернулся в номер, где спал отец. Подошел к его постели, опустился на колени рядом. Отцово лицо в темноте разглядеть не мог, хоть и был от него всего в дюйме. Он зашептал на ухо спящему:

– Давным-давно ты пытался убить меня, но не смог, потому что отец забрал тебя к себе. Но ты все равно трус. Ты напал на младенца, а теперь нападаешь на старика. Не боюсь тебя больше. Я мужчина. Готов сразиться. – Прислушался к отцову дыханию – не поменялось ли чего. Не разобрать. – Мой отец вызвал тебя из моих легких в свои, но теперь я зову тебя назад. Ты пришел за мной. Это я тебе нужен. Хочу сразиться. Выходи из него в меня. Иди, откуда пришел...

Тед склонился еще ближе, почувствовал дыхание отца у себя на губах. Вдохнул глубоко, еще, еще, еще – надеялся поймать беса и победить его раз и навсегда. Все трое притаились во тьме: Тед, Марти – и бес, нерешительный, злонравный, метался меж ними.

72

2 октября 1978 года

Бостонские «Красные носки» против нью-йоркских «Янки», стадион «Фенуэй-парк»

Игра на выбывание, начальный состав команд²⁷⁴

Нью-йоркские «Янки»	Бостонские «Красные носки»
Питчеры: Рон Гайдри	Майк Торрес
1. Мики Риверз, ЦФ	Рик Бёрлсон, ШС
2. Тёрман Мансон, К	Джерри Реми, 2Б
3. Лу Пиньелла, РФ	Джим Райс, РФ
4. Реджи Джексон, ДИ	Карл Ястремски, ЛФ
5. Грэйг Неттлз, 3Б	Карлтон Фиск, К
6. Крис Чэмблисс, 1Б	Фред Линн, ЦФ
7. Рой Уайт, ЛФ	Бутч Хобсон, 3Б
8. Брайен Доил, 2Б	Джордж Скотт, 1Б
9. Брыки Дент ШС	Джек Брэхэмер, ДИ*

Тед оставил «короллу» в приятном месте у реки Чарлз. Шестьдесят восемь градусов, солнечно. Хоть с пантерами, хоть без них, но сегодня игру из-за дождя не отменят.

Отец с сыном тихо-мирно выкурили самокруточку. Что-то поели, посмотрели на байдарочников. Стоял один из тех осенних дней, когда попросту теряешь счет времени. Радио не включали – сэкономили загадочный аккумулятор «короллы». Тед глянул в синь и пропел:

– На мулах ангелы по блещущим путям спускаются из мест, что дальше солнца²⁷⁵.

– Как скажешь, Чич²⁷⁶.

– Так скажет Уолли Стивенс, – отметил в порядке сноски Тед, откашливая полные легкие каннабиса. – Извини.

Марти отмахнулся от него и улыбнулся, словно говоря, что Тедов кашель его больше не тревожит.

– Приятно глядеть на гребцов отсюда, птушта знаешь, что они там убиваются, у них все сводит, легкие жжет, но издали их страданий ни слышно ни видно. Скользят себе гладко по воде. С такого олимпийского расстояния вижу лишь красоту.

– Прямо-таки искусство. Сокрытие труднейшего.

---

²⁷⁴ ЦФ – центрфилдер (игрок в центре поля), К – кетчер (ловец), РФ – райтфилдер (игрок с правой стороны поля), ЛФ – лефтфилдер (игрок с левой стороны поля), ШС – шорт-стоп (игрок между второй и третьей базами), 1Б – игрок на первой базе, 2Б – игрок на второй базе, 3Б – игрок на третьей базе, ДИ – десятый (дополнительный) игрок.

²⁷⁵ «На мулах ангелы...» – Из поэмы Уоллеса Стивенса «Монокль моего дяди», часть VII.

²⁷⁶ Ричард Энтони «Чич» Марин (р. 1946) – американский комедийный актер мексиканского происхождения, известный по комическому дуэту с Томми Чунном «Чич и Чун».

– Нет, детка, это смерть. Так смотришь из смерти. Все легко и просто, все – красота. Жалко, что не всю жизнь помираешь.

Тед глянул на тлевший косяк у себя в руке и сказал:

– Ты, пап, копаешь глубже моего. Слишком глубоко, а я тут «подлодку» ем. Неопалимая купина, ни дать ни взять. Пора мне бросать.

– А мне – нет, – отозвался Марти. – Я – укурюк.

– Стартовал, а?

– Да, стартовал и дверь за собой не закрыл.

– Потому что у тебя улет. Ты забыл закрыть дверь, потому что улетел.

– А, вон что.

– Чокнутые вы детишки, с гашишным маслом вашим и трехнутой травой.

– С гашишным маслом? Что это за масло такое, о котором ты сообщаешь? Поведай мне о гашишном масле.

– Притормози-ка, Уильям Барроуз.

– Нам бы сейчас «Фрусен гладье».

– Нет императора превыше ебаного императора мороженого²⁷⁷.

Оба покопались в воспоминаниях, не проезжали ли они за последний час мимо продуктового или чего-нибудь, где продают мороженое. Ни тот ни другой ничего не припомнили и несколько разочарованно бросили рыться в мыслях. С обдолбанным благоговением устали на гребцов, что, как ножи, рассекали сверкающее жидкое стекло.

– Тед?

– Ага.

– Который час?

Тед ответил:

– Черт! – И тут же врубил радио. Игра уже шла полным ходом.

– Черт! Три! Игра в два тридцать! – возопил Тед. – Игра началась.

Завели машину, попытались сдать задом. Недвусмысленный неприятный звук металла по асфальту.

– Спустило, – сказал Марти. – Колесо спустило.

– Точняк, Шерлок.

Разумеется, запаски у Теда не было, пришлось тормознуть такси, сгонять в лавку автозапчастей, купить колесо и вернуться с ним к машине. Тед оставил Марти слушать трансляцию игры и любоваться рекой. Улицы были, в общем, пусты, и Теду удалось обернуться сравнительно быстро. Большая часть Бостона была либо на игре, либо смотрела ее по телевизору – а может, и вся Новая Англия. Они с отцом потеряли много времени, но в конце концов покатались на всех четырех здоровых колесах. Марти нервничал, внимая игре по радио, с сосредоточенностью затаившегося хищника вслушивался в звуки внутри звуков, выжидал, отирая ладони о штаны, красноречивых знаков действия еще до того, как комментаторы их обсказывали.

Бостон – один из старейших городов страны, его проектировали для пешей и верховой езды, не для автомоторов. Не лабиринт, но похоже. Тед знал, что он совсем рядом с Фенуэем, но найти его не мог. Улицы с односторонним движением вели его мимо цели, и спросить, как проехать, было не у кого: из-за игры Бостон сделался городом-призраком. Понимая, что они того и гляди упустят поединок, Тед запаниковал:

– Черт, черт, черт, где мы?

– Понятия не имею. В Бостоне? Почему у тебя карты нет?

– Я без карты, я ж думал, ты у нас из Бостона!

---

²⁷⁷ Нет императора... – вновь отсылка к стихотворению «Император мороженого».

73

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
«Янки»	0	0	0	0	0	0			
«Красные носки»	0	1	0	0	0	1			

Через несколько минут они припарковали машину на Лэнсдон-стрит. Вот он, стадион, Зеленое Чудище²⁸⁰. По радио объявили, что шорт-стоп у «Янки» – Брыки Дент. Седьмой иннинг. «Носки» ведут со счетом 2: 0. Тед с Марти пропустили почти всю игру. Тед выскочил из машины:

– Давай, пап, погнали внутрь.

– Когда иннинг закончится. Они без меня выигрывают, не хочу порчу навести. Давай отсюда послушаем.

– Это Брыки Дент. Он не умеет бить. Ничего не случится. Пошли.

– Пойдем, когда иннинг закончится.

Тед сел обратно:

– Ладно, как скажешь.

Тед глядел на Фенуэй всего в нескольких сотнях футов от них и думал о Моисее и горах Фасги, где Бог показал ему Землю обетованную, но потом не дал в нее войти.

Дул беспокойный, крученный ветер. Фил Ризуто сказал:

– Вы заметили флаг, а? Уму непостижимо. Не успел Джим Райс выйти на пластину, как на левое поле подул ветер. Он не только помог Ястремскому в хоум-ране, но и помешал Джексону. Когда Джексон кидал флайбол, ветер дул на правое поле и не дал мячу пойти косо. Кто-то говорил мне, что «Носки» на своем стадионе управляют стихиями. Я не верил – до сего дня.

Они слушали, как на пластину выходит Дент, играть против бостонца Майка Торреса, и Тед в тысячный раз пожалел, что его непримиримое сиденье не желает откидываться. Комментаторы с нумерологическим фетишизмом, свойственным лишь бейсбольным фанатам, астрологам и каббалистам, в миллионный раз повторили, что край левого поля охраняет Зеленое Чудище. Зеленое Чудище всегда напоминало Теду бессмертного противника сэра Гавейна – Зеленого Рыцаря. Диковинные пропорции Фенуэя для поклонников бейсбола были такой же квадратурой, как теорема Пифагора, – пережиток времен до стандартов, времен игровых полей, нашлапанных по формочке для печенья, – высота стадиона компенсировала недостаток глубины. Всего 310 футов от домашней пластины, едва ли шире поля Малой бейсбольной лиги, эта стена возносится на 37 футов и 2 дюйма, как дитя природы, в разы выше любого ограждения на любом поле Главной лиги. Словно капризный бог, стена карает за хорошие броски, из которых на другом поле получился бы хоум-ран, но в Фенуэе без должного навешивания мяч летит в поднебесную таблицу счета и рикошетит на поле всего лишь синглом. Однако стена дала, стена и взяла²⁸¹: Чудище могло вознаградить за ничтожный поп-флай, какой в любом другом месте пошел бы «свечой», а тут получал дозволение на хоум-ран. Несносная, неразумная ветхо заветная стена.

Ризуто по радио нервничал все больше. Слишком он предвзят к родной команде – неприкрыто болеет за «Янки». Шел седьмой иннинг, «Носки» все еще вели 2: 0, и силен был экс-янки Майк Торрес – устроил игру всухую. Но раннеры «Янки» на первой и второй базах гото-

²⁸⁰ Зеленым Чудищем прозвана высокая (11,33 м) зеленая стена у левого поля на стадионе Фенуэй-парк.

²⁸¹ Однако стена дала, стена и взяла – Иов, 1:21, парафраз.

вили первый серьезный натиск в игре. Комментаторы пессимистически обсуждали хиттера номер девять, выходявшего на пластину, легковесного Брыки Дента, кидавшего посредственные 0.243 в год, без всякой силы, каких-то четыре хоум-рана. Говорили, что управляющий команды Боб Лемон, которого прямо посреди сезона поставили вместо взбалмошного Билли Мартина, вероятно, хотел бы заменить Дента, но на скамье запасных никого не осталось. Пришлось довольствоваться Брыки Дентом.

Странное дело: Тед с Марти, хоть и слушали игру по радио, ощущали, как от стадиона исходит энергия, – 32 925 человек сосредоточились на действиях двух людей, занятых детской игрой. Дент замахивается и заряжает фол из-за своей щиколотки. Минуту расхаживает ногу. Ему явно больно, он хромает, но у Лемона нет выбора, Дента нечем заменить. Дент возвращается на пластину, замахивается – и опять фол, да еще и бита ломается. Где-то с минуту он идет к навесу «Янки» за новой битой. Центрфилдер «Янки» Мики Риверз уже встал наизготовку, бросает Денту одну из своих бит, приговаривая что-то вроде: «Бери мою, ты все равно бить не умеешь». Брыки Дент смеется и возвращается на пластину с битой Мики Риверза.

Брыки пробует еще раз. Торрес подает, Дент бьет. И тут рождается звук стадиона, самого Фенуэя. Это звук, с которым прекращают дышать 32 925 человек. Десятки тысяч людей умолкают полностью, смотрят на арку, которую рисует мяч, и мысленно вычисляют его параболу. И следом – другой звук: тошнотворная смесь изумления, ужаса, страха и животного порицания – 32 925 душ минус несколько сотен ломовых фанатов «Ян ки» получают удар под дых. Брыки навесил ленивый флайбол, но прихотью Зеленого Чудища без пяти минут аут превратился в сокрушающий волю и уверенность роковой хоум-ран. Вода обернулась вином, грузило – заводилой. Мяч пролетел стену. Брыки Дент под Зеленым Чудищем забил трипл, который бостонский питчер Деннис Экерсли назвал «ебтвоюмать, а не хоум-ран».

Воздух напоит паникой. Ранний вечер октября, холодает, уж наползают тени. В машине тихо, звучит лишь радио. Брыки Дент обегает базы по пути домой. «Янки» лидируют, 3: 2. Фил Ризуто:

– Не проси меня говорить, я не дышал, Билл Уа й т... Я потрясен, и поэтому проку от меня никакого. Я как курица на горячем камне: куда прыгнуть, куда сесть, куда яйца отложить, не ведаю.

Марти заговорил первым. Потянулся к приемнику и выключил его, заставив умолкнуть и Ризуто, и Уайта, и весь белый свет.

– Брыки Дент?! Брыки Дент?!?! Брыки блядский Дент?!?!?!

– Да ладно, пап, еще пара иннингов. Мы отыграемся. Пошли внутрь. Пока не конец – до самого конца.

Марти откинулся на сиденье – казалось, вся надежда оставила его.

– Все кончено.

– Не кончено. Всего один раз они прорвались – из семи. Совсем не все кончено.

– Тед. Все кончено. Я чувствую. Знаю. – И Марти продолжил ошарашенно повторять: – Брыки Дент? Брыки блядский Дент? – будто, повтори он это еще и еще, сможет повернуть часы вспять или хотя бы уместить произошедшее в голове. Марти не ошибся: в течение часа игровой сезон завершится. Лонжение продолжится – из-за Брыки Дента.

– Брыки Дент. Брыки Дент. Брыки блядский Дент.

74

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
«Янки»	0	0	0	0	0	0	4	1	0	5
«Красные носки»	0	1	0	0	0	1	0	2	0	4

75

В Нью-Йорк возвращались молча – вот честно, в полном потрясении. Тед даже «Мертвых» не стал включать. Они уже два часа как выехали из города и бороздили безлюдье Новой Англии, и тут Тед наконец заговорил:

– Брыки Дент? Шестьдесят лет, шесть иннинггов – и Брыки Дент? На ровном месте.

Марти покачал головой:

– Нет, не на ровном. Конечно, Тедди, конечно, Брыки Дент.

– Что?

– Я прежде никогда не думал об этом. А теперь вижу. Все целиком. Не Мики Мэнтл гробит, нет. Не Уилли Мэйз. Никогда не то, к чему готов. Всегда какая-нибудь мелочь, врасплох. В могилу сводит простуда. Всегда Брыки Дент.

Тед глянул на отца. Предок будто впал в транс, как пифия.

– И на «Янки» не ведись, Тедди, жизнь – она не выигрыш, а проигрыш. Фанаты «Янки» ни черта не знают о жизни, а вот Бостон – тот владеет истиной.

Тед кивнул и уставился на дорогу, а Марти меж тем заговорил приглушенно:

– Жизнь принадлежит неудачникам, Тедди, таким, как мы с тобой. И Мариана. И Брыки блядский Дент. Никогда не забывай об этом.

– Не забуду.

Марти откинулся на сиденье и опустил спинку. Вроде начал засыпать, но вдруг сказал почти молитвенно:

– Господи благослови Брыки блядского Дента.

Тед улыбнулся и тихонько повторил за отцом:

– Ага. Господи благослови Брыки блядского Дента.

Тед подождал продолжения, но Марти совершенно умолк. Тед покосился на отца, который вдруг сделался очень, очень неподвижен, хоть машину и подбрасывало. Возникло нехорошее чувство. Тед протянул руку, потрогал Марти:

– Пап?

Приложил два пальца к шее, поискал пульс и не нашел его, проверил, слетает ли с губ дыхание, – нет. Тед знал, что отец мертв. Марти умер. Отец Теда умер. Тед отвел взгляд от отца, вперился в темную дорогу и сказал – теперь уже лишь себе одному:

– Господи благослови Брыки блядского Дента.

76

В голове у Теда «Мертвые» пели «Ларь дождя»: «Нас так долго тут не будет, как же кратко все здесь мы». По кругу, по кругу, будто иголку заело в виниле. Тед проехал еще час и лишь тогда начал думать, что делать с отцовым телом. Он решил, что привезет его в город, в «Бет-Израэл». Расстаться с Марти он был пока не готов – ни отказаться от него, ни сдать его в каком-нибудь незнакомом провинциальном городке Новой Англии. Тед словно хотел выторговать лучшие условия передачи отца в загробную жизнь, но понимал, что никакого торга не будет. Тело заберут, спрячут от живых, а затем похоронят. Живые мертвых в своих рядах не любят. Не нравится им такое напоминание. Словно мертвец – мурло на вечеринке, щелкает выключателем, тыкает в часы и приговаривает: «Вечеринка почти закончилась, народ, начинаем сворачиваться».

Но сначала Теду хотелось поговорить с Марианой, убедиться, что она тоже приедет, уведомить. Он заехал на бензоколонку, размышляя, можно ли оставлять отца одного в машине. Прошел несколько шагов до телефона. «Королла» была прямо у него перед глазами, Тед не сводил взгляда с Марти. Старик словно спал. Тед вспомнил, что делала мама, когда они ехали куда-нибудь всей семьей и натыкались на шоссе на сбитых животных – собак, кошек, оленей, скунсов, опоссумов, енотов. В первый раз случился кот, и Тедди, трех или четырех лет от роду, увидев в окно кота посреди дороги, встревожился. Показал матери и спросил, что стряслось с котом? Почему он не двигается? Мать посмотрела на отца, тот пожал плечами, она повернулась к сыну, улыбнулась и сказала: «Котя спит, детка, котя спит».

Котя спит. Папочка спит.

Тед вытащил Марианину карточку и вновь набрал ее номер. Когда она сняла трубку, Тед понял, что разбудил ее.

– Ты одна? – спросил он.

– Да, что случилось?

– Его не стало.

– Сочувствую, Тед.

– Знаешь, все в порядке, все вовремя, все правильно. Он свое повествование довел до самого конца.

Он услышал, как она забыла вдохнуть.

– Ты где?

– На бензоколонке в Новой Англии. Едем домой.

– Хорошо.

– Мариана, я знаю.

– Что знаешь?

– Про нее. Про твою татуировку. Сочувствую.

– Угу.

– Теперь я понимаю. Понимаю. Понимаю почему. Тебя понимаю.

– Что ты понимаешь?

– Ты права – я не могу тебя защитить. Не могу стереть прошлое – и обещать ничего не могу.

– Угу.

Тед глянул на отца в машине, проверил, как он. Не двигался. Тед вспомнил старую сценку из «Субботнего вечера живьем», «Выходные новости» – Чеву Чейз докладывает вымышленные вести: «Как нам только что стало известно, генералиссимус Франсиско Франко по-прежнему мертв». Публика ржала над этой шуткой, а Тед – ни разу. Не врубался он в эту шутку. Ничего не поменялось и теперь.

– Но хоть я всего этого и не могу, все равно хочу попробовать, и, думаю, таково есть определение любви.

– Любви? Ты меня любишь? Ты ж меня едва знаешь.

– Я влюблен в то немногое, что знаю, и из-за этого отчаянно хочу узнать больше.

– Не говори такого.

– Вынужден. Таков мой сказ.

– Твой. А мой, может, другой.

– Ну а как ты выбираешь, какому победить, чье войдет в историю? Мой сказ гораздо счастливее твоего, в нем двое славных людей любят друг друга. В твоём двое людей ебутся, а потом расходятся одинокими. В смысле объективно, который из двух лучше? Разве счастливому сказу не полагается победить?

Тед все поглядывал на Марти, почти неотвязно. Вспомнил, как читал что-то про «приведение» мертвецов в Древнем Китае. Если человек умирал далеко от дома, его семья нанимала умельца, чтобы тот «привел» труп на родину, для захоронения. Без спешки. Они шли пешком. Их видели в дороге. Живой человек подпирал мертвого на пути домой, останавливаясь поесть, поспать, побродить да подивиться. То была не просто работа или даже обычай ради живых, чтобы те успели привыкнуть к смерти любимого человека, – это был опыт для мертвеца, чтобы дух его уберечь от беспокойства и бездомности, чтобы дать ему время последний раз бессознательно, бессмертно все осмыслить. Тед представил, как отправляется с отцом в путь, ведет его по Новой Англии. Подумал: может, это его последний сыновний долг.

Тед рад был, что везет отца домой и молится, чтоб дух его упокоился в родном городе. Это не доставка недвижимой плоти и костей, а последний отрезок их с отцом дороги. Он не сомневался, что Мариана, сестра смерти, научена, как в других культурах обращаются со смертью, и о приведении мертвецов знает. Не сходя с места, Тед решил, что сначала отвезет Марти в Бруклин, а потом в больницу. Он приведет дух Марти домой.

– Терпеть не могу переписывать, но из-за тебя я хочу переписать все на свете, что б это ни значило.

– Тед?

– Да?

– Ты когда-нибудь любил?

– Сегодня вечером понял, что нет. Но знаю, как это.

– Откуда?

– У меня умер отец, я следующий. Все внове. И мне вдруг не важно, что ты слушаешь диско. Это любовь.

И он тихонько запел ей на манер кавер-версии Дэна Фогелберга²⁸² на «Слая и семью Стоунов»²⁸³:

– «Страшно было мне, обмерла я вся от одной мысли, что мне жить дальше без тебя...»²⁸⁴

Его примирение с диско Мариану рассмешило. Он вновь слушал, как она дышит. Уверен был, что сможет сказать правильные слова, если станет говорить правду. Хорошее ощущение: просто быть собой; то, что сейчас требовалось.

– Боюсь, я странная птица, Тед.

– Ты меня не пугаешь. «О нет, я нет...»

– А если я тебя не люблю?

– Подожду, пока полюбишь.

---

²⁸² Дэниэл Грейлинг «Дэн» Фогелберг (1951–2007) – американский музыкант, автор песен, мультиинструменталист, работал в жанре фолк, поп, рок, классики, джаза и блюграсса.

²⁸³ *Sly & the Family Stone* (1967–1975) – американская группа, игравшая фанк, соул, ритм-н-блюз, психоделику, рок, поп.

²⁸⁴ «Страшно было мне...» – Здесь и далее строки из песни Глории Гейнор *I Will Survive*, текст Фредди Перрена и Дино Фекариса.

– Может, ждать придется долго.

Оба умолкли. Оба слушали, как дышит другой. Оба в разных местах – и в одном и том же.

– Что ты делаешь? – спросила она.

После долгой паузы Тед ответил:

– Жду...

77

Тед блуждал окольными дорогами к Нью-Йорку, вел отца. Зарядил «Мертвых» с кассеты и со всей дури надеялся, что его не прижмут к обочине и не потребуют объяснять, почему у него на переднем сиденье покойник.

Он разговаривал с отцом, воображал ответы, слушал его, смеялся с ним. Он чувствовал, будто теперь, когда Марти не стало, впервые смотрит на все его глазами. И отныне таковы будут его сыновние долг и честь. Он показывал своему старику всякое памятное – красивые места, интересное видимое и мыслимое. Всякую херотень. Жизнь. Она из этого и состоит – из всякой херотени. И смерть тоже. Вообще-то, никакой между ними разницы.

78

Тед сказал Мариане по телефону, что, раз ведет мертвеца домой, в больницу он его сразу не потащит, а сначала в последний раз доставит в Бруклин, а уж потом передаст властям. Мариана дала согласие. Тед обожал ее готовность творить странное, слать к чертям протоколы. Благодаря одному ее присутствию на планете он делался смелее и лучше. Воображал всякое отныне новое, потому что хотел знать, что она на это скажет. Надеялся так сильно, что почти молился: хоть бы стали они пристальными читателями жизни друг друга.

Тед тормознул у тротуара на пересечении 42-й и 9-й примерно в два пополуночи. Мариана с Марией ждали его у забегаловки, где выпили вместе по чашке *кафе кон лече*. Открыли дверь «короллы» и сели сзади. Сначала Мария, затем Мариана потянулись поцеловать Марти в холодный лоб и прошептать ему на ухо тайные нежности. Затем Мариана заглянула за Тедов подголовник и поцеловала его в губы – глубоко и многозначительно: и извинение, и полуобещание, как он уповал, а также призыв не оставлять надежды. Обнимая его, она сказала:

– *Au, rari*, Брыки блядский Дент – *сопуо*²⁸⁵.

В раздевалке «Янки» лилось шампанское. Проклятье не развеялось. В Бостоне по-прежнему ждали.

---

²⁸⁵ Здесь: мудака (*исп.*).

79

В последний раз пересек Марти воды из Манхэттена в Бруклин. Тед предпочел тоннелю мост. Теперь он знал, что иногда приходилось ехать верхом, иногда низом, но в любом случае – на другой берег. Выбора нет. Тед приведет своего мертвого отца через Восточную реку, вместе с Марианой и Марией, в духе Уитмена и Харта Крейна²⁸⁶. Пока их трясло по шумным балкам моста, они позволили Крейнову сверхкрасноречию говорить за всех разом, добавлять надзвучие к зримому, прошлому ложиться поверх настоящего; вера в богодельческую мощь человека и стальной оптимизм юного столетия придали мосту некий лад:

В твоей тени я тени ждал бесслезно –
лишь в полной тьме тень подлинно ясна.
Город погас иль гаснул. Год железный уж затопила снега белизна...

Не ведающий сна, как воды под тобою, возведший свой чертог над
морем и землей!
Ничтожнейший из нас творение земное умеет зачеркнуть
стремительной кривой²⁸⁷.

Таким манером – по Бруклинскому мосту – они и преодолели реку.

Сияние над улицей Марти они заметили за пару кварталов. Словно что-то горело, однако без дыма – и без ощущения угрозы. Завернув в квартал, они поначалу решили, что попали на карнавал: улица была освещена, как городская ярмарка. Как фестиваль св. Януария в Нижнем Ист-Сайде. Глаза привыкли к ярким ночным огням, и Тед разглядел десятки людей, они что-то праздновали – и, похоже, воодушевленно.

Первым делом Тед опознал пантер – минус Танго Сэм: Бенни, Айвена и Штиккера, они стояли караулом, приветствуя павшего товарища, облаченные в бейсболки и куртки «Красных носков». Тед увидел киоск Бенни, весь отделанный гофрированной бумагой – белой и красной, цветов Бостона. Оглядел окна домов, и в каждом – колыхавшееся море красного: люди размахивали бостонскими вымпелами. Реет ли стяг, Хосе? *Си*. Еще, нахер, как. Тед повернулся к Мариане, словно собрался спросить, оповестила ли она пантер, и Мариана кивнула.

Тед озирался по сторонам, впитывая все увиденное, ехал не спеша, как в дипломатической траурной процессии. Публика танцевала, в руках – бутылки шампанского и пива. Поминки, сообразил Тед, – да еще какие! Громадные транспаранты свисали над порогами и с фонарей. Он читал их вслух: «ПОЗДРАВЛЯЕМ “НОСК И”!!!», «ОЖИДАНИЕ ИСТЕКЛО!!!», «КАКОЙ ТАКОЙ БРЫКИ?!?!?!», «ПРОЩАЙ, МАРТИ, МЫ ТЕБЯ ЛЮБИМ». Любовная ложь, сплошь красным и белым, без единого следа синих «Янки». Художественная ложь правдивее правды. Зачеркивая стремительной кривой. Нахуй вас, победители. Ничтожнейший из нас творение земное. Нахуй вас, «Янки». Нахуй тебя, смерть. Любовь пред лицом смерти демонстрирует свое восхитительное бессилие.

Сияние фонарей медленно кружилось по окнам машины, и Теду, поглядывавшему на отца, из-за игры света на его лице казалось, будто Марти улыбается. Лишь в полной тьме тень подлинно ясна. Тед осторожно остановился там, где свет творил улыбку у отца на губах. Марти приехал домой. Конец.

Вот так Марти хотел, чтобы завершилось его повествование. Вот так хотел он погаснуть.

²⁸⁶ Херолд Харт Крейн (1899–1932) – американский поэт-модернист.

²⁸⁷ «В твоей тени...» – Харт Крейн, «Бруклинскому мосту» (1933), пер. В. Топорова.

Последняя безнадежная, восхитительная головоломка.

Эпилог

Дополнительные иннинги

28 октября 2004 года

Ныне XXI век. Уже будущее – и уже прошлое. Разницы никакой. В будущем мы это поймем. Уже понимаем. «Мертвые» тоже понимают – они говорят: «Все это сон, что снился нам под вечер так давно»²⁸⁸. Все здесь, на обширном кладбище, 365 акров посреди города, имена за три столетия. Почти два миллиона мертвых. Кладбище Кэлвери у скоростного шоссе Бруклин – Ку инз.

Небольшая группа людей пробирается меж раздражительных канадских гусей, что жуют зеленую и бурую траву. Снова осень. Двадцать три года спустя, больше десяти лет назад – и все равно снова осень. Их четверо: мужчина и женщина в летах, молодой человек и девушка. Даже издали понятно, что они – семья.

Подойдите ближе. Мужчина в летах – вылитый Марти, может померещиться, что мы увидели призрак, но нет: это Тед, ему за пятьдесят. В одной руке у него книга в твердом переплете, а в другой – рука Марианы. Она тоже теперь старше – и чарующа, как всегда. Годы прибавили ей веса, но это значит лишь, что Теду стало еще больше чего любить. Волосы у Марианы, как и прежде, густые и буйные, теперь подернуты сединой. Одна ее ладонь сплетена с Тедовой, а в другой она держит руку дочери. Это наверняка ее дочь. У нее Марианины масть и черты – но Тедова осторожная невозмутимость. Она красива, вся в мать, но язык у нее острый и может порезать и на английском, и на испанском, а иногда сразу на обоих. В руках у нее букет цветов. Рядом с ней – молодой человек, несет свернутую в трубку газету. За вычетом копны темных волнистых волос он – Тедова копия. Он похож на молодого Теда в парике «под Мариану». Дети выглядят в точности теми, кто они есть, – шотландцами, евреями, католиками, атеистами, коммунистами, украинцами, пуэрториканцами, доминиканцами, поляками. Ньюйоркцами, иными словами. Американцами, короче говоря.

Подойдите поближе. Семья добирается до маленького скромного надгробия среди бесконечных рядов других могильных камней.

Мартин Сплошелюбов

Муж, отец

1918–1978

Марти всегда говорил, что в Куинзе ноги его не будет. Ошибался.

Внучка Марти опускается на колени, кладет цветы на могилу, встает. Мариана медленно склоняется, колени у нее уж не те. Целует надгробие. Выпрямляется со стоном и вздохом, что говорят о любви – и о времени, и о труде, и силах тяготения. Тед преклоняет колени и осторожно пристраивает книгу у могильного камня.

---

²⁸⁸ «Все это сон...» – строка из песни «Ларь дождя».

Подойдите еще ближе. Видите? Эта книга – изданный роман. Обложка гласит: «Переиздание любимой классики» и «Неувядающий бестселлер». Называется «Люди-Двойномяты», авторства Марти и Лорда Фенуэя Сплошелюбовых. Из двух миров получился один. Если не поленимся прочесть, что написано на суперобложке, узнаем, что Тед стал довольно успешным романистом, а «Люди-Двойномяты» – первая из девяти изданных книг, три из них экранизированы для кино, а одна стала популярным телесериалом.

Тед проверяет как следует, чтобы книга у надгробия стояла уверенно и гордо. Тед слышал, что экспатриат Джойс в «Улиссе» описал Дублин настолько точно, правдиво и достоверно, что, если бы город уничтожили, его можно было бы восстановить по этой книге, кирпич к кирпичу. Тед надеялся, что в «Людах-Двойномятах» вот так же сокрыт Марти. Что в пульпе из этой книги сохранится генетический код – ДНК Тедова отца, и что по этим страницам удастся восстановить самого Марти, как утерянные Дублин или Трою.

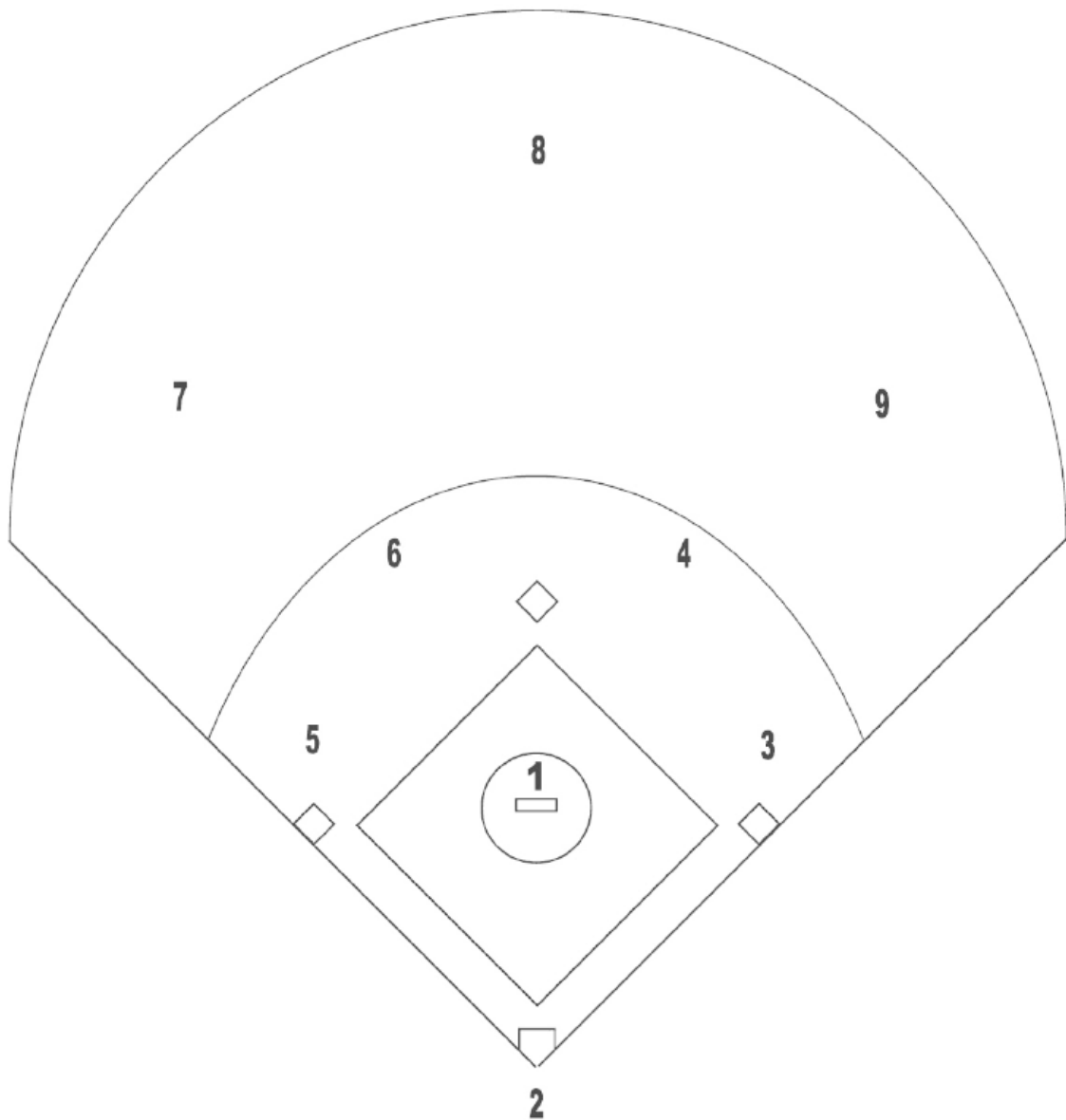
Наконец внук Марти разворачивает газету и кладет ее поверх могилы. Это «Нью-Йорк Пост», крикливая подтирка. От 28 октября 2004 года. Накануне бостонские «Красные носки» сразили сент-луисских «Кардиналов» в Кубке мира и впервые за восемьдесят шесть лет стали чемпионами. Восемьдесят шесть лет – это целая долгая и везучая жизнь. И последние станут первыми.

Идите же, постоит с ними вместе, там, где все стояли и будут стоять, – меж бесчисленных могил. Идите же, пробегите свежим взглядом по заголовку на всю первую страницу. Два слова: и заклинание, и приглашение:

СНЯТЬ ПРОКЛЯТЬЕ

Благодарности

Хочу поблагодарить Джонатана Галасси за его несгибаемую веру, наставничество и мудрость. Вэлери Слотер – за исчерпывающую и изобретательную добычу подробностей жизни в 1970-е. Карла Экерманна – за возможность моего творческого пространства. Эта история началась со сценария, но с годами разные люди поверили в нее и попытались дожать до готовности, и в первую очередь это – Сюзанна Джолли. Я не оставил надежды. И наконец, вся эта история восходит к одному летнему вечеру, много лет назад, когда я гостил в Массачусетсе, в отчем доме Теи: на крыше работали двое ребят, болтали по ходу дела, и я услышал, как один из них именовал двоих известных бейсболистов «Брыки блядским Дентом» и «Биллом блядским Бюкнером». Брыкиблядскийдент. Как единое слово. Сам я из Нью-Йорка и никогда прежде такого не слышал. Это «слово» меня развеселило. И веселит по-прежнему. Что-то в нем есть. Оно пристало ко мне и ждало, когда из-под него вырастет история. Вот так оно начинается. А посему – спасибо человеку с крыши.

1. Питчер (подающий)
  2. Кетчер (ловец)
  3. Игрок на первой базе
  4. Игрок на второй базе
  5. Игрок на третьей базе
  6. Шорт-стоп (игрок между второй и третьей базами)
  7. Лефтфилдер (игрок с левой стороны поля)
  8. Центрфилдер (игрок в центре поля)
  9. Райтфилдер (игрок с правой стороны поля)
- Иногда на поле выводят десятого (дополнительного) игрока